

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОРТОДОКСИЯ

ТЕМА НОМЕРА

ПОЛОЦКИЙ СОБОР. ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ. ЧАСТЬ I

- 10 ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР РОМАНЧУК
- 54 ИЕРЕЙ АЛЕКСЕЙ ХОТЕЕВ
- 80 ОЛЕГ АЙРАПЕТОВ
- 122 ФЁДОР ГАЙДА
- 148 КИРИЛЛ ШЕВЧЕНКО
- 164 ОЛЕГ НЕМЕНСКИЙ
- 188 ВАЛЕНТИНА ТЕПЛОВА

ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД
С 2021 ГОДА

№ 3 / 2024

ISSN 2712-9276 (PRINT)
ISSN 2949-2424 (ONLINE)

ISSN 2712-9276 (PRINT)
ISSN 2949-2424 (ONLINE)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОРТОДОКСИЯ

ТЕМА НОМЕРА

ПОЛОЦКИЙ СОБОР.
ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ.
ЧАСТЬ I

ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД
С 2021 ГОДА

№ 3 / 2024

ISSN 2712-9276 (PRINT)
ISSN 2949-2424 (ONLINE)

SCIENTIFIC JOURNAL

ORTHODOXIA

ISSUE TOPIC

SYNOD OF POLOTSK.
TRIUMPH OF ORTHODOXY.
PART I

FREQUENCY: QUARTERLY
SINCE 2021

No. 3 / 2024

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Щипков Александр Владимирович — д-р полит. наук, ректор РПУ св. Иоанна Богослова, профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Щипков Василий Александрович — д-р филос. наук, доцент кафедры международной журналистики МГИМО МИД России, директор Русской экспертной школы

ШЕФ-РЕДАКТОР

Михайлов Родион Владимирович — канд. полит. наук

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Пуцаев Юрий Владимирович — канд. филос. наук, старший научный сотрудник философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, старший научный сотрудник ИНИОН РАН

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Мамаев Егор Евгеньевич — научный сотрудник Русской экспертной школы, старший преподаватель кафедры богословия РПУ св. Иоанна Богослова

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Багдасарян Вардан Эрнестович — д-р ист. наук, профессор кафедры государственной политики МГУ им. М. В. Ломоносова, декан факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения

Вассоевич Андрей Леонидович — д-р филос. наук, директор Института востоковедения РГПУ им. А. И. Герцена

Гайда Фёдор Александрович — д-р ист. наук, доцент кафедры истории России XIX века — начала XX века МГУ им. М. В. Ломоносова

Катасонов Владимир Николаевич — д-р филос. наук, д-р богословия, профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. свв. равноап. Кирилла и Мефодия

Корольков Александр Аркадьевич — д-р филос. наук, академик Российской академии образования

Маслин Михаил Александрович — д-р филос. наук, заведующий кафедрой русской философии МГУ им. М. В. Ломоносова, заслуженный профессор Московского университета

Минаков Аркадий Юрьевич — д-р ист. наук, профессор Воронежского государственного университета, директор Зональной научной библиотеки

Мягков Михаил Юрьевич — д-р ист. наук, научный директор Российского военно-исторического общества

Перевезенцев Сергей Вячеславович — д-р ист. наук, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова

Полунов Александр Юрьевич — д-р ист. наук, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений МГУ им. М. В. Ломоносова

Пономарёва Галина Михайловна — д-р филос. наук, профессор кафедры философской антропологии МГУ им. М. В. Ломоносова

Саврей Валерий Яковлевич — д-р филос. наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения МГУ им. М. В. Ломоносова

Шестопал Алексей Викторович — д-р филос. наук, почётный профессор МГИМО

Шмонин Дмитрий Викторович — д-р филос. наук, директор Института теологии Санкт-Петербургского государственного университета

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: серия ПИ № ФС77-79913 от 18 декабря 2020 г.

Условия распространения материалов: контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Учредитель, издатель, редакция: Автономная некоммерческая организация социального и творческого развития «Русская экспертная школа».

Адрес издателя: 119192, Россия, г. Москва, Мичуринский просп., д. 8, стр. 1, к. 1302

Сайт: www.journal-orthodoxia.ru

E-mail: mail@journal-orthodoxia.ru

Копирайт: © АНО «Русская экспертная школа», 2024

Индексирование: журнал входит в библиографическую базу данных РИНЦ

Цена: свободная

Подписано в печать: 01.09.2024

Отпечатано: АО «Первая Образцовая типография», филиал «Чеховский Печатный Двор».

Адрес: 142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Формат: 70x100 1/16.

Тираж: 350 экз.

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander V. Shchipkov — Dr. Sci. (Political Studies), Rector of Russian Orthodox University of St. John the Divine, Prof., Department of Philosophy of Politics and Law, Lomonosov Moscow State University

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Vasily A. Shchipkov — Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., School of International Journalism, MGIMO University, Director of the Russian Expert School

CHIEF EDITOR

Rodion V. Mikhailov — Cand. Sci. (Political Studies)

SCIENTIFIC EDITOR

Yuri V. Pushchaev — Cand. Sci. (Philosophy), Senior Researcher, Department of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

EXECUTIVE SECRETARY

Egor E. Mamaev — Researcher, Russian Expert School; Sen. Lect., Department of Theology, Russian Orthodox University of St. John the Divine

EDITORIAL BOARD:

Vardan E. Bagdasaryan — Dr. Sci. (History), Prof., Department of Public Policy, Lomonosov Moscow State University, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, State University of Education

Andrey L. Vassoevich — Dr. Sci. (Philosophy), Director of the Institute of Oriental Studies, Herzen University

Fedor A. Gaida — Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Russian History of the 19th — early 20th century, Lomonosov Moscow State University

Vladimir N. Katasonov — Dr. Sci. (Philosophy), Dr. Sci. (Theology), Prof., Ss. Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate Studies in Moscow

Alexander A. Korolkov — Dr. Sci. (Philosophy), Academician of the Russian Academy of Education

Mikhail A. Maslin — Dr. Sci. (Philosophy), Prof. emeritus, Head of the Department of Russian Philosophy, Lomonosov Moscow State University

Arkady Yu. Minakov — Dr. Sci. (History), Prof., Voronezh State University, Director of the Zonal Scientific Library

Mikhail Yu. Myagkov — Dr. Sci. (History), Scientific Director of Russian Military Historical Society

Sergey V. Perevezentsev — Dr. Sci. (History), Prof., Department of the History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Sciences, Lomonosov Moscow State University

Alexander Yu. Polunov — Dr. Sci. (History), Head of the Department of Interethnic and Interdenominational Relations Management, Lomonosov Moscow State University

Galina M. Ponomareva — Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophical Anthropology, Lomonosov Moscow State University

Valery Ya. Savrey — Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Lomonosov Moscow State University

Alexey V. Shestopal — Dr. Sci. (Philosophy), Prof. emeritus, MGIMO University

Dmitry V. Shmonin — Dr. Sci. (Philosophy), Director of the Institute of Theology, Saint Petersburg State University

Mass Media Registration Certificate: PI No. FS77-79913 dated December 18, 2020

Distribution Terms: The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Founder, Publisher, Editorial Office: Autonomous non-profit organization for social and creative development “Russian Expert School”.

Address: 119192, Russia, Moscow, Michurinsky ave., 8, building 1, room 1302

Website: www.journal-orthodoxia.ru

E-mail: mail@journal-orthodoxia.ru

Copyright: © ANO Russian Expert School, 2024

Indexing: the Journal is included in the bibliographic database Russian Science Citation Index (RINTS)

Price: free

Published: 01.09.2024

Printed: JSC “First Model Printing House”, Branch “Chekhov Printing House”

Address: 142300, Russia, Moscow Region, Chekhov, Poligrafistov St., 1

Format: 70x100 1/16.

Print run 350 copies.

Содержание

Представляем номер: «Полоцкий Собор. Торжество православия. Часть I»	9
Протоиерей А. А. Романчук Полоцкий объединительный Собор 1839 года: предыстория, совершение и значение события.	10
Иерей А. С. Хотеев Полоцкий Собор 1839 года: экклезиологический аспект	54
О. Р. Айрапетов 1829–1839 годы. Внешняя политика России в канун событий 1839 года	80
Ф. А. Гайда Взгляды интеллектуальных кругов России на Церковь, православие и унию к 1839 году	122
К. В. Шевченко «Вся Русь восхвалит Бога едиными устами...». Брестский (1596) и Полоцкий (1839) церковные Соборы и деятельность митрополита Иосифа (Семашко) в оценках галицко-русского просветителя и церковного деятеля протоиерея Иоанна Наумовича (1826–1891)	148
О. Б. Неменский Ранняя униатская концепция истории Русской Церкви	164
В. А. Теплова Миф русификации: решение проблемы языка церковной проповеди в постполоцкий период	188

Contents

Presenting the Issue: “Council of Polotsk. The Triumph of Orthodoxy. Part I” 9

Archpriest A. A. Romanchuk

The Polotsk Unification Council of 1839:
Context, Proceedings, and Significance. 10

Priest A. S. Khoteev

The Church Council of Polotsk (1839): Ecclesiological Considerations 54

O. R. Airapetov

1829–1839: Russia’s Foreign Policy on the Eve of the 1839 Events 80

F. A. Gayda

The Perspectives of Russia’s Intellectual Circles on the Church,
Orthodoxy, and the Union by 1839 122

K. V. Shevchenko

“Together, All of Russia Will Unite in One Voice to Glorify God...”.
The Church Councils of Brest (1596) and Polotsk (1839)
and Metropolitan Joseph (Semashko)’s Activities Evaluated
by Archpriest John Naumovich (1826-1891), Galician-Russian
Educator and Church Figure. 148

O. B. Nemensky

The Early Uniate Concept of the History of the Russian Church 164

V. A. Teplova

The Myth of Russification: Addressing the Language of Church
Preaching in the Post-Polotsk Period 188

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР: «ПОЛОЦКИЙ СОБОР.
ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ. ЧАСТЬ I»

Уважаемый читатель!

Мы представляем вашему вниманию первый из двух номеров «Ортодоксии», посвящённых объединительному Полоцкому Собору 1839 года и приуроченных к 185-летию с даты его проведения.

В 1839 году на Соборе униатского духовенства в Полоцке было принято решение о воссоединении с Российской Православной Церковью. Полоцкий Собор положил конец более чем двухсотлетнему духовному разделению, порождённому Брестской церковной унией 1596 года. Брестская уния (признание верховенства папской власти при сохранении восточного обряда) была попыткой духовного обособления Западной Руси от общего тела русского народа, но привела к религиозно-культурному расколу внутри самого западнорусского общества, последствия которого ощущаются до сих пор. Брестская уния была не только религиозным, но и политическим проектом, одной из целей которого был обмен духовной самобытности народа на его интеграцию в политическую систему католической Речи Посполитой и западную цивилизацию в целом. Уния не способствовала развитию церковной жизни предков современных белорусов и украинцев, униаты не стали в глазах Римской курии полноценными католиками, при этом уния со временем всё чаще стала использоваться как инструмент латинизации и полонизации.

В отличие от Брестской унии, заключавшейся под давлением и при непосредственном участии центральной власти Речи Посполитой, воссоединение, произошедшее на Полоцком Соборе, было инициировано, прежде всего, самим униатским духовенством. Особую роль в этом сыграл епископ, будущий митрополит Литовский и Виленский Иосиф (Семашко), чьё значение в сохранении белорусских земель как части Русского мира только предстоит по достоинству оценить. Многие представители униатского духовенства, в числе которых был и митрополит Иосиф, сознавали негативное влияние унии на духовную жизнь и культурную самобытность западнорусских земель. Верховная власть Российской империи в лице императора Николая I поддержала начатое ими движение за воссоединение с православием, и в этом состоит её безусловная заслуга. При этом, говоря о роли власти в воссоединении униатов с православием, важно подчеркнуть ненасильственный характер её участия в этом событии.

А. В. Щипков

Протоиерей А. А. Романчук

СИНОДАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ БЕЛОРУССКОГО ЭКЗАРХАТА,
МИНСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ,
ЖИРОВИЧИ, БЕЛОРУССИЯ

Полоцкий объединительный Собор 1839 года: предыстория, совершение и значение события

Аннотация. В статье рассматривается предыстория Полоцкого объединительного Собора 1839 года, прослеживается ход его работы, определяется значение этого события для Русской Православной Церкви и Белорусского Экзархата Русской Православной Церкви. Делается вывод о том, что упразднение униатского церковного объединения в пределах Российской империи во второй четверти XIX века явилось следствием уникального стечения исторических обстоятельств: колебаний правительственной политики России, недоверия униатам со стороны руководства Католической Церкви, противоречий внутри греко-католического духовенства. Значение Полоцкого объединительного Собора 1839 года имеет несколько измерений. Во-первых, это событие расширило сферу влияния православия в западных губерниях Российской империи в XIX веке, обеспечив государственную и религиозно-культурную интеграцию западных и восточных частей русского народа вплоть до наших дней. Во-вторых, Полоцкий Собор завершил период истории Русской Православной Церкви, который можно назвать эпохой разделения. Она началась в середине XV века каноническим обособлением Киевской митрополии, оставшейся в составе Константинопольского Патриархата,

от автокефальной Московской митрополии. Это привело к деградации церковной жизни на белорусско-украинских землях и введению в конце XVI века Брестской церковной унии. Брестская церковная уния была призвана подменить собой православие, бесповоротно вытеснить его из жизни западнорусского населения. В реальности же она дополнительно разделила его, но уже между разными конфессиями, а также стала инструментом денационализации предков современных белорусов и украинцев. Формально каноническое разделение Русской Церкви было преодолено в конце XVII века, когда в 1686 году православные Речи Посполитой вошли в состав Московского Патриархата. А вот плод канонического разделения — разделение белорусско-украинского населения на православных и униатов был окончательно устранён только на Полоцком Соборе униатского духовенства в 1839 году. В-третьих, наибольшее значение Полоцкий Собор имеет для современной белорусской части Русской Православной Церкви, духовно-культурного и национального становления белорусского народа. В начале XXI века в Республике Беларусь 85% верующих причисляют себя к Православной Церкви исключительно благодаря событиям, связанным с подготовкой и осуществлением Полоцкого Собора, а в дальнейшем с интеграцией бывших униатов в состав Русской Православной Церкви. Прочность позиций Православной Церкви в Белоруссии проверена временем и суровыми испытаниями в середине XIX и в XX веке, что засвидетельствовало религиозную и народную справедливость упразднения унии в России в 1839 году.

Ключевые слова: Полоцкий Собор 1839 года, православие, католичество, Брестская церковная уния 1596 года, духовенство

Для цитирования: Романчук А. А., прот. Полоцкий объединительный Собор 1839 года: предыстория, совершение и значение события // Ортодоксия. — 2024. — № 3. — С. 10–53. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-3-10-53

На своём историческом пути православие на землях Белой Руси сталкивалось со многими вызовами. Самым суровым испытанием для него явилась Брестская церковная уния 1596 года. Она представляла собой инструмент вытеснения православной веры из жизни русского населения Речи Посполитой и была обусловлена: во-первых, утверждением на престоле Великого княжества Литовского на рубеже XIV и XV веков

католической династии; во-вторых, каноническим обособлением в середине XV века Киевской митрополии Константинопольского Патриархата от автокефальной Московской части Русской Церкви; в-третьих, католической экспансией, сопровождавшейся правовой и социокультурной дискриминацией православных Польско-Литовского государства и спровоцированным ею нарастанием кризисных явлений в церковной жизни западнорусской Церкви.

Брестская церковная уния обозначила предел расширения католицизма в Речи Посполитой. После её введения два столетия продолжалось усвоение обществом нового конфессионального положения. Несмотря на стойкое сопротивление православных, к последней четверти XVIII века униатское церковное объединение сумело занять широкие позиции. Перед первым разделом Речи Посполитой в 1772 году униатство располагало в Польше 9452 приходами, распределёнными по 8 епархиям (Radwan 2001: 21). Предположительно число католиков-униатов могло достигать от 8 000 000 до 9 000 000 человек. Православные сумели сохранить церковную структуру, но составляли меньшинство. На территории современных Белоруссии, Украины, Литвы и восточных регионов Польши действовала единственная Могилёвская епархия, в которую входили 470 приходов с 550 000 верующими. 229 приходов этой епархии располагались на белорусско-литовских землях (Mironowicz 2008: 287). В структуре населения на территории современной Белоруссии в последней четверти XVIII века 39% от общего количества белорусов, поляков и литовцев принадлежали унии, 38% были католиками латинского обряда, 6,5% исповедовали православие, остальные были староверами и протестантами (Radwan 2001: 23). Из этих данных следует, что в конце XVIII века около 80% белорусских крестьян оказались униатами.

По итогам 3 разделов Польши 1772–1795 годов до 60% униатских приходов (от 5600 до 6052, точно неизвестно (Філатава 1998: 23) оказались в пределах Российской империи. Количество униатов, ставших подданными России, составило 4 653 379 человек (Kořbuk 1998: 50).

Конфессиональная политика российского правительства на присоединённых от Речи Посполитой после первого её раздела в 1772 году землях была направлена на приобретение лояльности местного населения с учётом значительного влияния на него католицизма. Новым подданным империи независимо от их конфессиональной принадлежности гарантировалась полная свобода вероисповедания. Вместе с введением широкой веротерпимости власти постарались обеспечить господствующее положение

Православной Церкви, официально объявив, что под страхом строгой ответственности запрещается переводить православных в латинство и унию. В то же время католикам обоих обрядов разрешалось, если кто пожелает, переходить в православие. Одновременно правительство запретило обнародовать папские буллы без своего согласия (Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ) 1. Т. 19 1830: 827–833); (Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею (далее — АВАК) 1889: 1–2).

Благосклонное отношение российского правительства к униатам начало меняться в конце 1770-х годов, когда в результате деятельности Полоцкого униатского архиепископа Иасона (Смогоржевского), предпринявшего попытку возглавить всё униатское церковное объединение, разделённое границами 4 государств и сосредоточить её Высшее церковное управление в пределах Австрийской империи, стало ясно, что лояльность униатского духовенства России является труднодостижимой целью. Поэтому с 1780 года правительство императрицы Екатерины II взяло курс на воссоединение с православными тех униатов, которые добровольно этого желали (Буглаков 2000: 262, 266); (ПСЗРИ 1. Т. 20. 1830: 953–954). Первая волна возвращения униатов к православию прошла с 1781 по 1784 год. В Могилёвской и Псковской православных епархиях от унии в это время было принято более 80 приходских общин, в которых насчитывалось 117 187¹ верующих, что составляло приблизительно 1/8 часть униатского населения территорий, отошедших к России по первому разделу Речи Посполитой. Вторая волна воссоединения униатов имела место в период сразу после второго и в момент третьего разделов Польши в 1794–1795 годах (ПСЗРИ 1. Т. 23. 1830: 509–511; ПСЗРИ 1. Т. 23. 1830: С. 699–700). В это время в Православную Церковь перешли 1 572 067 человек². Параллельно с возвращением значительных масс униатов в православие имел место и их переход в латинский обряд. В это время до 450 000 верующих перешли из униатских церквей в костёлы³.

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 62. Д. 217. По определению Синода, о затребовании от синодального члена, Псковского архиепископа Иннокентия и Могилёвского епископа Георгия ведомостей о количестве униатских церквей, ставших православными в их епархиях и уездах и о количестве православных церковнослужителей в этих церквях. ЛЛ. 8, 10–11 об., 17–17 об., 24–24 об., 28 (Буглаков 2000: 299).

² РГИА. Ф. 797. Оп. 16. Д. 38 385. О сообщении в Департамент Духовных Дел Иностранных Исповеданий сведений о числе присоединившихся Униатов в Западных Губерниях. Л. 11–13.

³ Романчук А., прот. Динамика численности униатов в пределах Российской империи с 1772 по 1839 г. // Наука. Вера. Культура. — 2022. — 10 октября. — URL: <https://u.to/tSurIA> (дата обращения: 12.02.2024).

6 сентября 1795 года императрица Екатерина II изменила иерархическую структуру унии. Были уволены на покой с пожизненной пенсией от правительства в размере 5000 рублей в год все, за исключением архиепископа Ираклия (Лисовского), униатские епископы во главе с митрополитом Феодосием (Ростоцким) (Назарко 1962: 120). Учреждалась единственная униатская епархия — Белорусская, управление которой поручалось архиепископу Ираклию (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 23. № 17391. С. 791–793). В 1796 году она объединяла 2 500 000 верующих (Radwan 2001: 34). Монастыри униатского монашеского ордена базилиан лишались самоуправления и переводились в подчинение преосвященному Ираклию. Та часть монастырей, в которых монахи не содержали школы и не занимались социальным служением, признавалась «обществу бесполезной» и подлежала закрытию (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 23. № 17384. С. 722–723). Всего в это время было закрыто 145 базилианских монастырей (Назарко 1962: 120). Императрица Екатерина II готовила почву для организации православной миссии среди униатов. На это указывает как то, что она ослабляла церковные структуры унии, так и то, что в 1793 году по её инициативе принявший русское подданство известный греческий богослов и церковный писатель Евгений (Булгарис), архиепископ Слáвянский и Херсонский, написал трактат «О лучшем способе воссоединения униатов с Православной Церковью» (О лучшем способе... 1887). В этом церковно-историческом и богословском произведении преосвященный Евгений указал способы и средства, с помощью которых на основании православной экклезиологии можно было развернуть среди униатов эффективную миссионерскую работу без нарушения свободы совести людей.

В 1796 году волна возвращения униатов в православие начала спадать. Воссоединение окончательно завершилось со смертью императрицы Екатерины II в ноябре 1796 года. Организованное ею широкомасштабное наступление на унию привело к увеличению сферы влияния Православной Церкви в западных губерниях России, но поскольку оно не было продолжено православной миссией, униа продолжала численно доминировать на белорусско-литовских территориях. К негативной стороне воссоединения униатов с православными в правление императрицы Екатерины II нужно отнести то, что события 1780–1784 и 1794–1795 годов озлобили униатское духовенство против православия, заставили его в бóльшей, чем прежде, степени испытывать неприязнь к российской власти, подозревая её враждебность своему обряду.

В царствование императора Павла I, который благоволил католицизму, но относился к идее церковной унии и её практическому воплощению неприязненно, в положении унии произошли значительные перемены. По личной просьбе папы Пия VI дополнительно к уже существовавшей Белорусской (иначе — Полоцкой) кафедре, управление которой сохранялось за архиепископом Ираклием (Лисовским), были открыты Брестская и Луцкая епископии (Radwan 2001: 34–35). Одновременно, желая привлечь Католическую Церковь внутри России к противостоянию распространению революционных идей и обеспечить её лояльность Российской империи (Дневник Сестреницевица... 1913: 140, 143), Павел I подчинил униатские епархии власти митрополита латинского обряда, и им отказывалось в праве иметь своих представителей в Католическом департаменте Юстиц-Коллегии, где сосредотачивалось Высшее церковное управление Католической Церкви в России (ПСЗРИ 1. Т. 26. 1830: 338; ПСЗРИ 1. Т. 26. 1830: 486). Новое правовое положение унии отражало формальное согласие императора Павла I с тем, что униаты, проявившие твёрдость в своей вере в правление императрицы Екатерины II, навсегда потеряны для православия и России, и перекладывало на латинскую иерархию ответственность за дальнейшее существование унии, поддержание её сложившихся традиций, культурного влияния и литургической практики.

Подход, применённый к униатской проблеме императором Павлом I, имел далеко идущие последствия. Воспользовавшись властью над униатскими церковными структурами, латинское духовенство при поддержке католической шляхты белорусско-литовских губерний развернуло среди униатской паствы прозелитическую деятельность (ПСЗРИ 1. Т. 26. 1830: 24–31.). Точные цифры потерь униатского церковного объединения в пользу латинского обряда не известны, но, сопоставляя численность униатов в епархии архиепископа Ираклия (Лисовского) в 1795 году (2 500 000) с официальным количеством последователей унии в 1807 году (1 500 000) (Radwan 2001: 70), можно сделать вывод, что в 1797–1805 годах из униатских храмов в костёлы перешло более 1 000 000 верующих. В некоторых случаях в католичество латинского обряда переходили бывшие униаты, поначалу согласившиеся воссоединиться с Православной Церковью⁴.

⁴ К примеру, в южных уездах Минской губернии из православных храмов в костёлы в полном составе перешли прихожане 44 приходов (Записка об упразднении греко-униатских монастырей в Западной России 28 февраля 1828 года // Русская старина. — 1870. — Т. 1. — С. 517–538. С. 526), что, учитывая среднее количество прихожан в униатских приходах того времени — 821 человек (Radwan 2001: 68), превышало 36 000 верующих.

В сложившихся обстоятельствах недоверие униатам выразило высшее руководство Католической Церкви. Римская курия подозревала в униатской иерархии слишком большую симпатию к православию⁵. Чтобы обеспечить сопротивляемость униатов православной миссии, Конгрегация пропаганды веры ещё 30 января 1787 года разрешила иеромонахам, поступившим в орден базилиан из латинского обряда, совершать не униатское богослужение, а латинскую мессу (Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею 1889: 249), что вело к усилению латинизации литургической практики в базилианских монастырях, традиционно имевшей большое влияние на строй приходских богослужений. Согласно свидетельству архиепископа Антония (Зубко), монахи-базилиане, опираясь на однозначно выраженное мнение Римской курии, отказывались подчиняться иерархии в богослужебных вопросах и активно внедряли латинскую литургическую практику в своих обителях (Антоний (Зубко) 1889: 49). Более того, Рим отказался признать митрополитальное устройство унии в России, которое было введено правительством в 1805 году, не делегировал митрополитам Ираклию (Лисовскому; 1806–1809) и его преемникам — Григорию (Кохановскому; 1809–1814) и Иосафату (Булгаку; 1817–1838) — полного объёма прав и обязанностей, необходимых для эффективного управления митрополией (Назарко 1962: 126–127, 130, 135–136).

В условиях, когда власти империи отдали греко-католиков под власть латинян и не способствовали их переходам в православие, а поощряемое Римом польское латинское духовенство при поддержке полонизированного высшего класса западных губерний развернуло на унию широкомасштабное наступление, в греко-католическом духовенстве усилились внутренние противоречия. Униатский клир ещё во времена Речи Посполитой разделился на сторонников полонизации и латинизации и приверженцев сохранения восточнославянской самоидентификации⁶. Первые были представлены базилианским монашеством, вышедшими из базилианского ордена епископами и незначительной частью латинизированного белого духовенства. Ко вторым относилась основная масса приходских священнослужителей. В первой трети XIX века интересы патриотов унии старались выражать митрополиты Ираклий (Лисовский), Григорий (Коханович), архиепископ Иоанн (Красовский), а также члены Брестского епархиального капитула, составлявшие круг наиболее образо-

⁵ Об этом см.: (Галанов 2014: 292).

⁶ Об этом см.: (Ситкевич 1904; Филевич 1891).

ванных и энергичных белых униатских священников. Разделение в среде униатского духовенства вылилось в острое противостояние, в котором речь шла о том, продолжит ли уния своё существование или постепенно будет поглощена Польским Католичеством (Бобровский 1890).

Обе стороны апеллировали к властям. У сторонников латинизации и полонизации формально отсутствовали поводы для обращения к правительству, так как правовые акты, принятые в правление императора Павла I, предоставляли им все возможности для проведения своей линии. Их подход состоял в том, чтобы входить в доверие к высокопоставленным российским чиновникам и с их помощью устранять тем или иным способом своих оппонентов. Показательны в этом отношении судебные дела, сфабрикованные базилианами против архиепископов Ираклия (Лисовского) (Галанов 2014: 303–318) и Иоанна (Красовского)⁷. Имеются подозрения в том, что архиепископ Иоанн (Красовский) в 1827 году был отравлен базилианами (Фотинский 1894: 131).

Основным инструментом борьбы высокопоставленных противников поглощения унии латинским обрядом являлись официальные обращения к правительству. Под воздействием просьб со стороны преосвященного Ираклия (Лисовского), который в записке от 2 июля 1805 года, адресованной графу З. Чернышеву, просил обратить внимание императора на проблему спасения униатов от латинян⁸, правительством был принят ряд правовых актов. Запрещался латинский прозелитизм, и латинизантам (как тогда называли переведённых в латинство греко-католиков) было предложено вернуться из костёлов в свой прежний обряд. Эти запрещения в соединении с требованиями к латинскому духовенству ни в чём не стесняли свободу совести униатского населения и вводившие правовую

⁷ РГИА. Фонд 797. Оп. 6. Д. 22 468. По жалобе и доносам священника Арматовича на полоцкого греко-униатского архиепископа Красовского, относительно разных злоупотреблений его в управлении епархией и имениями. К сему следуют особые дела: 1. О наложении запрещения на собственное имя архиепископа Красовского и о произведении ему жалования 1 т. рублей в год. 2. О предании архиепископа Красовского суду. 3. По прошениям о возвращении архиепископа Красовского в епархию. 4. Частично полученные бумаги по делу архиепископа Красовского. 5. О назначении архиепископа Красовского управляющим Луцкой епархией. 6. О смерти униатского архиепископа Красовского. 7. Следственные производства касательно разорения крестьян Полоцкого архиепископства и проч.

⁸ В записке, адресованной графу З. Чернышеву, датированной 2 июля 1805 года, высокопреосвященный Ираклий прямо просил этого сановника обратить внимание царя на проблему спасения униатов от латинян (РГИА. Фонд 797. Оп. 6. Д. 22 303. По отношению Полоцкого архиепископа Лисовского, о делаемых латинским духовенством униатскому притеснениях. Л. 26–27). Чернышев в письме к императору писал, что Лисовский умоляет его «доставить униатам справедливую защиту» (Там же. Л. 28 об.).

ответственность виновных в их нарушениях издавались в 1803⁹, 1804¹⁰, 1806¹¹, 1807¹², 1810¹³ годах. В 1804 году в Римско-католическую духовную коллегию были допущены униатские заседатели¹⁴; в 1805 году в структуре Римско-католической духовной коллегии был создан 2-й (униатский) департамент, появление которого несколько ослабило подчинённость униатов власти латинской иерархии¹⁵; в 1805 году в пределах Российской империи в унию был введён сан митрополита (Толстой 1876: 363); (АВАК 1889: СХVI)¹⁶; в 1803 году униатское духовное юношество было допуще-

⁹ О поступлении по законам с Ксёндзами и Миссионерами Освейского монастыря, пропускающими слух, якобы Правительство намерено обратить Униатов к Греко-Российской церкви силою (ПСЗРИ 1. Т. 27. 1830: 584); О предписании, дабы ни под каким видом духовенство Католическое не позволяло делать себе таких внушений, якобы Российское Правительство намерено силою обращаться к Греко-Российской вере всех тех Униатов, кои к Римско-Католической не пристанут (ПСЗРИ 1. Т. 27. 1830: 584–585); О точном исполнении указа 1803 года июля 4: Об Униатах, переходящих из Римско-Католического в свой прежний закон (ПСЗРИ 1. Т. 27. 1830: 868–869).

¹⁰ О недопущении никаких соблазнов, достоинству господствующей веры противных, и о предавании виновных суду при самом пресечении каких-либо притязаний от Католического местного Духовенства к Униатам (ПСЗРИ 1. Т. 28. 1830: 454–455).

¹¹ О непринимании в Римский обряд Униатов (ПСЗРИ 1. Т. 29. 1830: 670–671).

¹² О предписании Римско-Католическому Духовенству, чтобы не допускало Униатов присоединяться к Римской Церкви (ПСЗРИ 1. Т. 29. 1830: 1310–1314).

¹³ О предписании Римско-Католическому и Униатскому Департаментам наблюдать, дабы из одного исповедания в другое не привлекали, в принятии же господствующей религии никакого препятствия не чинили (ПСЗРИ 1. Т. 31. 1830: 277–278).

¹⁴ Было постановлено ввести в Римско-Католическую духовную коллегию униатского епископа и по одному заседателю от трёх униатских епархий. По делам, касающимся униатов, униатские заседатели при голосовании должны были иметь по два голоса, «дабы сохранить тем равенство их, против Членов Католического духовенства». Униатские члены коллегии получали право непосредственно от себя делать представления в Сенат в случае, если новая система управления оказалась для них недостаточно удобной. Цель нового порядка состояла в том, чтобы не позволять «духовенству одного исповедания делать какие-либо притязания к духовенству другого, наипаче же стеснять свободу совести или увлекать убеждения её какими-либо способами, общему порядку и терпимости противными» (О бытии в Римско-Католической Коллегии Членам Униатского Духовенства (ПСЗРИ 1. Т. 28. 1830: 450–451)).

¹⁵ О разделении Римско-Католической Духовной Коллегии на два Департамента и о присвоении каждому из них особых дел (ПСЗРИ 1. Т. 28. 1830: 1128).

¹⁶ В «Полном собрании законов Российской империи» указ о возведении архиепископа Ираклия (Лисовского) в сан митрополита опубликован не был. Не был он издан и в сборнике указов императора Александра I за 1806 год (Указы государя императора Александра Первого, самодержца всероссийского, напечатанные в январе месяце 1806 года. — М.: в Сенатской типографии, 1807. — 569 с.). Можно предположить, что это было связано с позицией Римской курии, которая не желала обособления униатов в России от униатов в пределах Австрийской империи. Одним из аргументов против введения сана митрополита для российской части унию было указание бывшего папского нунция Лоренцо Литты на то, что такой сан должен присваиваться исключительно правящему архиерею митрополичьей кафедры, а она в 1806 году учреждена не была (АВАК 1889: СХVI). Окончательно митрополитальное устройство униатского церковного объединения в России было оформлено после того, как 25 сентября 1808 года в Австрии митрополитом Галицким, архиепископом Львовским и епископом Каменецким был назначен Антоний (Ангелович) (АВАК 1889: СХII–СХVI). Только тогда 14 февраля 1809 года по представлению Ираклия (Лисовского) последо-

но к получению высшего богословского образования в католической Главной духовной семинарии при Виленском университете¹⁷; в 1806 году открыта Полоцкая духовная семинария с углубленным изучением церковнославянского языка и восточных обрядов¹⁸; в 1809 году учреждена новая униатская Виленская митрополичья кафедра¹⁹.

Политика уступок сторонникам самобытности унии со стороны российского правительства в царствование императора Александра I, вступавшая в контраст с агрессивным отношением к унии со стороны латинского духовенства и католической шляхты²⁰, послужила возникновению среди униатских священнослужителей нового настроения. Оно состояло в том, что для противников слияния унии с Польским Католичеством православие уже не казалось духовно неприемлемым, а Речь Посполитая не воспринималась более близкой, чем Российская империя. Нарастание этого настроения стало особенно заметным в 1820-е годы с выходом на историческую сцену нового поколения униатской интеллектуальной элиты, представленной выпускниками католической Главной духовной семинарии при Виленском университете, где преподавание осуществлялось в духе иосифизма (Романчук 2006; Романчук 2008). В этой среде появились люди, неотягощённые русофобией, с отчётливо выраженными симпатиями к православию. Новая ситуация нашла отражение в мемуарах митрополита Иосифа (Семашко), архиепископов Антония (Зубко) и Василия (Лужинского), протоиереев Плакида Янковского, Павла Круковского²¹. Тяготение к Православной Церкви среди молодого поколе-

вал указ императора Сенату об учреждении Виленской митрополичьей епархии. Несмотря на неопределённость своего положения, Лисовский исполнял митрополичьи обязанности с 1806 года (РГИА. Ф. 797. Оп. 6. Д. 22 309. Дело из Министерства Юстиции, доставленное о дозволении Архиепископу Лисовскому отправлять должность митрополита греко-униатского и об отдаче полоцкого Софийского монастыря на содержание из доходов ононого монахов и семинарии).

¹⁷ Об учреждении при Виленском Университете Главной Семинарии для духовенства Римско-Католического исповедания (ПСЗРИ 1. Т. 27. 1830: 782–783).

¹⁸ О назначении Полоцкого Софийского монастыря местом Епархиальной Семинарии соборного штата и Консистории; о соблюдении в сем монастыре Клевзуры; о содержании монахов Семинарии и церкви с штатом её; о праве Полоцких Архиепископов избирать в Ректоры и о помещении Священников на вакансии (ПСЗРИ 1. Т. 29. 1830: 933–934).

¹⁹ О восстановлении Литовской Митрополичьей Епархии; об уничтожении Супральской в Белостокской Области Епархии и о присоединении состоящих в ней церквей к Епархии Бржестской; о причислении к восстанавливаемой Литовской Митрополичьей Епархии имений, названных столовыми Митрополичьими, и об учреждении в Вильне для управления сей Епархией Консистории и Суффрагана (ПСЗРИ 1. Т. 30. 1830: 785–786).

²⁰ Об этом см.: (Бобровский 1890).

²¹ См.: (Записки Иосифа митрополита Литовского. Т. 1. 1883: 20); (Василий (Лужинский) 1885); (Антоний (Зубко) 1889: 49); (Янковский 2004); (Круковский 1910: 240–245).

ния образованных униатских священников в 1820-е годы подкреплялось тем обстоятельством, что униаты изначально рассматривали Брестскую унию как федеративный союз Церквей, заключённый в 1596 году для преодоления кризисных явлений в церковной жизни и её совершенствования, а не как механическое включение части Киевской митрополии в общую массу Католической Церкви²². Отсюда вытекало, что в случае если союз с Римом перестал способствовать развитию церковной жизни, от него следовало отказаться. Совокупность указанных факторов и процессов привела к возникновению проекта общего воссоединения униатов с православными, вышедшего из среды униатского духовенства в 1827 году.

Следует отметить, что к 1807 году униатское церковное объединение в пределах Российской империи насчитывало 1 538 890 верующих (Radwan 2001: 70), число приходов достигало 1436, с 1809 года распределённых по 4 епархиям — Виленской, Полоцкой, Брестской и Луцкой. Управление униатскими делами сосредоточивалось во втором (униатском) департаменте Римско-католической духовной коллегии, где председательствовал старший униатский архиерей, митрополичий сан которого не был признан Римом. Римско-католическая духовная коллегия входила в структуру Департамента духовных дел иностранных исповеданий и подчинялась министру народного просвещения. Униатское духовенство состояло из 1735 приходских и 738 безместных священников. Униатский монашеский орден базилиан был разделён на три провинции: Литовскую, Белорусскую и Русскую. В 1801 году орден в России насчитывал 722 члена и располагал 85 монастырями (Radwan 2001: 76). Компактно униаты проживали на севере и северо-западе Белоруссии в пределах нынешних Гродненской, Витебской, части Брестской и части Минской областей. На украинских территориях в унию оставалось 176 приходов, 195 приходских священников и 94 977 верующих (Radwan 2001: 29, 72). Украинские греко-католики проживали небольшими анклавами, разделёнными обширными пространствами. В первой трети XIX века продолжалась эрозия унии в пользу латинского обряда. С 1805 по 1828 год униатское церковное объединение утратило не менее 200 000 пасомых (Бобровский 1890: 163–164), поэтому численность униатов, несмотря на естественный прирост населения, оставалась практически неизменной. В то же самое время в православных Минской и Могилёвской епархиях состояло 658 приходов

²² См.: (Галадза 1997: 5–6); (Пері 1995: 19); (Дмитриев 2003).

(273 в Минской и 385 в Могилёвской (Могилёвская епархия 1908: 46); (Рункевич 1893: 311). Число православных достигало 500 000 человек. Таким образом, уния в начале XIX века сосредотачивалась на территориях современной Белоруссии и численно превосходила здесь Православную Церковь, что ставило вопрос о дальнейшей религиозно-культурной и национальной ориентации белорусского населения.

Толчком к началу подготовки упразднения унии в пределах Российской империи послужил указ от 9 (ст. ст.) октября 1827 года, изданный Пр. Сенатом по повелению императора Николая I и направленный на прекращение процессов латинизации церковной жизни униатов и колонизации униатского духовенства (ПСЗРИ 2. Т. 2. 1827: 877–878). В среде белого униатского духовенства он вызвал воодушевление (Коялович 1869: 13–14). Следствием обнародования этого указа стало то, что 5 ноября (ст. ст.) 1827 года на имя директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий Г. И. Карташевского поступила записка «О положении в России Униатской Церкви и средствах возратить оную на лоно Церкви Православной», составленная председателем второго (униатского) департамента Римско-католической духовной коллегии от Луцкой епархии прелатом Иосифом (Семашко). Записка включала в себя исторический очерк Брестской церковной унии, оценку положения унии в Российской империи и описание ряда мероприятий, с помощью которых униатское церковное объединение можно было направить к воссоединению с православием. Свой поступок Семашко мотивировал тем, что путём самостоятельных богословских изысканий он пришёл к выводу о православии Восточной Церкви, а также тем, что в процессе своей практической церковной деятельности он убедился в бесперспективности попыток остановить поглощение унии Польским Католичеством (Записка, составленная асессором коллегии 1883: 387–398). Содержание записки было доложено императору Николаю I, который немедленно дал ей ход (Толстой 1869: 19), поручив униатское дело товарищу министра народного просвещения Д. Н. Блудову.

В марте 1828 года в канцелярии Министерства народного просвещения был составлен «Всеподданейший доклад о преобразовании Греко-Униатской Церкви соответственно истинным потребностям и пользам принадлежащих сему исповеданию»²³. В нём содержался

²³ Доклад напечатан в полном виде в работе Морошкина (Морошкин 1872). К сожалению, ни оригинала, ни копии этого документа в Российском государственном историческом архиве выявить не удалось.

детально разработанный во 2-м департаменте Римско-католической духовной коллегии под руководством прелата Иосифа (Семашко) план реформирования церковного организма унии. 22 апреля 1828 года Пр. Сенат издал высочайший указ «Об учреждении Греко-униатской духовной коллегии» (АВАК 1889: 113–115), который положил начало преобразованиям.

К 1830 году реформы в униатской церкви завершились. Они коснулись всех сторон жизни униатов: 1) учреждена отдельная Греко-униатская духовная коллегия; 2) вместо 4 униатских епархий оставлены 2 — Полоцкая (Белорусская) и Виленская (Литовская); 3) епархиальные капитулы заменены соборным духовенством; 4) сформированы 3 административные комиссии для управления общими именными и капиталами греко-униатского духовного ведомства; 5) открыта Литовская епархиальная семинария в Жировичах (1828); 6) для униатских семинарий и духовных училищ приняты уставы, созданные по образцу действовавших в соответствующих православных учебных заведениях России; 7) положено отправлять униатских воспитанников на учёбу в православные духовные академии и в Московский и Санкт-Петербургский университеты вместо католической Главной духовной семинарии при Виленском университете; 8) поощрена отдача духовенством детей в духовные училища; 9) безвозмездно передано униатским духовным учебным заведениям Синодальной комиссией духовных училищ более 1000 экз. православных учебных пособий; 10) монастыри подчинены епархиальным архиереям; 11) назначены в консистории члены от иночествующих (на первый раз провинциалы и составлена для них инструкция, ограничивающая их власть); 12) запрещено принимать в униатское монашество лиц латинского обряда; 13) униатским монахам из латинян предоставлено право вернуться в прежний обряд; 14) положено монахов не посвящать в священный сан без предварительного рассмотрения и постановления консисторий; 15) определено, чтобы десятина, собираемая в пользу латинского клира с униатов, шла на содержание униатских священников; 16) запрещено приписывать униатских духовных лиц к костёлам в качестве vikарных; 17) распространены на детей униатского духовенства права и преимущества, принадлежавшие по закону детям православного духовенства; 18) несколько заслуженных священников награждены золотыми крестами с возведением их в звание соборных протоиереев; 19) издание униатских богослужебных книг должно было осуществляться только

с разрешения Греко-униатской духовной коллегии²⁴; 20) отменено право колыторства (патроната) помещиков над униатскими церквями; 21) для убеждения приходского духовенства в духовной необходимости возвращения униатов к православной вере Иосифом (Семашко), возведённым в сан епископа в 1829 году, на польский язык было переведено сочинение святителя Филарета Московского «Разговоры между испытующим и уверенным о Православии Греко-Российской Восточной Церкви» (Разговоры между испытующим и уверенным... 1883: 65–66).

Попытки воспрепятствовать преобразованиям, в том числе и со стороны Римской курии, не имели успеха, поскольку изменения не касались канонического подчинения униатов Риму, их католического вероучения и литургической практики (Записка от 6 апреля 1829... 1883: 510–519).

Св. Синод не был поставлен в известность о реализации проекта общего воссоединения. Поэтому после восстания сторонников возрождения Речи Посполитой 1830–1831 годов на волне антипольских настроений в православном духовенстве возникла идея организовать миссию среди униатов. Её поддержал обер-прокурор Св. Синода С. Д. Нечаев. По его инициативе 30 (ст. ст.) апреля 1833 года была учреждена православная Полоцкая и Виленская епархия (ПСЗРИ 2. Т. 8. 1833: 244–246), управляющим которой был поставлен епископ Смарагд (Кржижановский). Он развернул кампанию по присоединению униатов. В 1833–1836 годах ему удалось перевести из унии 158 972 человека²⁵.

Эта миссия препятствовала установлению конструктивных взаимоотношений между униатским и православным духовенством и проводилась с использованием неприемлемых методов. Она вызвала недовольство епископа Иосифа (Семашко) и его единомышленников.

²⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 172. Л. 5 об.–7; РГИА. Ф. 797. Оп. 6. Д. 22 666. Л. 1–12; РГИА. Ф. 797. Оп. 6. Д. 22 777. Л. 1–36; РГИА. Ф. 797. Оп. 6. Д. 22 641. Л. 34–60; РГИА. Ф. 797. Оп. 6. Д. 22 653. Л. 1–37; Высочайше утверждённое мнение Государственного совета. — О десятинном сборе для греко-униатского духовенства (АВАК 1889: 116); РГИА. Ф. 797. Оп. 6. Д. 22 711. Л. 1–3; О распространении на детей греко-униатских священников и диаконов постановлений, изданных для детей и священников и диаконов православного исповедания, также лютеранских и реформатских пасторов, относительно определения их в службу (АВАК 1889: 119–120); РГИА. Ф. 797. Оп. 6. Д. 22 665. Л. 1–16; РГИА. Ф. 797. Оп. 6. Д. 22 672. Л. 1–8; ЗИМЛ. Т. 1. С. 61–62.

²⁵ Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. Фонд. 1661. Оп. 1. Д. 418. Проект Инструкции Генерал-Губернаторам западных губерний в связи с проведением мероприятий по воссоединению грекоуниатов с православной церковью (с заметками Сербиновича К. С.) и записки Сербиновича К. С. и др. лиц по этому поводу с изложением истории Унии. Л. 22; (Шавельский 1910); (Канфесійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі... 2105).

Для сближения позиций православного духовенства и стремившихся к православию униатов в 1835 году по инициативе епископа Иосифа императором Николаем I был учреждён «Секретный комитет по делам греко-униатским». В его состав вошли Д. Н. Блудов, министр внутренних дел (с 1832 года), С. Д. Нечаев, обер-прокурор Св. Синода, митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов), митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский Серафим (Глаголевский), архиепископ Тверской и Кашинский Григорий (Постников), митрополит греко-католической церкви в России Иосафат (Булгак), еп. Иосиф (Семашко), генерал П. А. Толстой, князь А. Ф. Голицын и А. С. Танеев (Шеститко 2017). Известны 3 протокола заседаний комитета, а также то, что в ходе его работы состоялось несколько отдельных заседаний узкого круга его членов: Д. Н. Блудова, С. Д. Нечаева, митрополита Филарета и епископа Иосифа.

Комитет принял ряд важных решений: подчинение униатских семинарий Комиссии духовных училищ Св. Синода, введение изучения православного катехизиса в униатских семинариях, восстановление иконостасов в униатских церквях, разрешение принимать детей униатов как духовного, так и светского звания в греко-российские духовные училища²⁶. В то же время Комитет не сумел преодолеть противоречия во взглядах на подготовку общего воссоединения униатов с православными. Миссионерская активность последних была лишь ограничена составленной святителем Филаретом Московским секретной инструкцией под названием «Мысли и советы для православных архиереев, которых паствы сопредельны с разномыслящими в вере и уклонившимся от Православия»²⁷.

²⁶ Первое заседание состоялось 3 июля 1835 года, второе — 3 декабря 1835-го, третье — 13 марта 1836 года (РГИА. Ф. 797. Оп. 205. Д. 179. Журналы Секретного комитета по делам греко-униатским о мерах к охране греко-униатского населения от латино-польского влияния и о передаче греко-униатских духовных училищ в ведение Комиссии духовных училищ при Синоде с приложением копий именных указов Сенату и Комиссии духовных училищ. Л. 1–49).

²⁷ 13 января 1834 года император Николай I отдал приказ обер-прокурору Св. Синода совместно с министром внутренних дел Д. Н. Блудовым составить секретную инструкцию православным епископам и генерал-губернаторам западных губерний для осторожного действия в деле присоединения униатов. Министр внутренних дел, в свою очередь, должен был вместе с митрополитом Иосафатом (Булгаком) разработать меры по искоренению католических нововведений в униатской церкви. Исполняя распоряжения императора, обер-прокурор Св. Синода С. Д. Нечаев на совещании с митрополитом Петербургским Серафимом (Глаголевским) и святителем Филаретом Московским решили вначале узнать мнения архиереев западных губерний (Чистович 1889: 20–21). 31 марта 1834 года святитель Филарет составил проект инструкции, который был разослан для рассмотрения правящим архиереям Волынской, Подольской, Могилёвской, Минской и Полоцкой епархий. Каждый из них одобрил предложения, содержащиеся в проекте инструкции, и высказал свои замечания. Епископ Полоцкий Смарагд предлагал в воссоединённых униатских

Проявившаяся в действиях С. Д. Нечаева, епископа Смарагда (Кржижановского) и подчинённого ему духовенства неготовность православной стороны принять возвращение униатов в православие послужила поводом для внесения в проект общего воссоединения важных изменений, приведших к его интенсификации. В июне 1833 года епископ Иосиф (Семашко) выступил с предложением подчинить униатов Св. Синоду. Предложение не нашло поддержки. Однако Семашко полагал, что альтернативного пути достичь упразднения унии не существует, поэтому по собственной инициативе он начал проводить подготовительные к передаче униатов в ведение Св. Синода мероприятия.

По его инициативе в начале 1834 года в состав униатского епископата были введены единомышленные ему духовные лица — протоиереи Антоний (Зубко) и Василий (Лужинский), которые были назначены викариями Литовской и Белорусской епархий соответственно. В сан епископа был также возведён протоархимандрит базилианского ордена Иосафат (Жарский). Епископ Иосафат не сочувствовал православию, но ради хиротонии согласился дать подписку о желании присоединиться к Русской Православной Церкви в любое время. 7 февраля (ст. ст.) 1834 года решением Греко-униатской духовной коллегии, одобренным всеми униатскими архиереями, в униатскую богослужебную практику были введены православная богослужебная литература, богослужебная утварь и священнические облачения. Так же началась перестройка униатских церквей согласно восточной традиции и очищение богослужения от латинских наслоений. В Жировичском Успенском мужском монастыре при

церквах оставлять некоторые латинские обычаи, например пение «Святый Боже...» с коленопреклонением, но считал невозможным допустить бритьё бород, так как этим самым «православные лишатся одного из убедительнейших аргументов своей истинности», потому что внешний вид священников должен быть подобным на вид Спасителя и апостолов. Вместе с тем преосвященный Смарагд настаивал на продолжении частных присоединений. Епископ Могилёвский Гавриил предложил разрешить жёнам униатских священников оставаться в католичестве латинского обряда. Епископы Смарагд и Гавриил высказывались за подчинение униатской церкви Св. Синоду (Шавельский 1910: 170–171). На основании предварительного обсуждения, с учётом замечаний архиереев, был составлен окончательный вариант инструкции под заглавием: «Мысли и советы для православных архиереев, которых паствы сопредельны с разномыслящими в вере и уклонившимся от Православия» (Чистович 1889: 21). В этом документе рекомендовалось миролюбивое отношение к католикам латинского обряда и униатам, а в случае противоборства с их стороны действиям православного духовенства архиереи, не вступая ни в какие пререкания, должны были сообщать о случившемся обер-прокурору Св. Синода. С присоединениями униатов к православию было рекомендовано не торопиться. Особо желательными считались переходы священников вместе со своими прихожанами. В новоприсоединённых приходах разрешалось оставлять некоторые особенности униатского обряда: униатскую священническую одежду и бритьё бород (Шабатин 1951: 52); (Носко 2000: 81–86); сравн.: (Смолич 1997: 337–338).

Литовской духовной семинарии была учреждена комиссия по обучению приходских священников православному богослужению и правильному чтению церковнославянских текстов.

25 июня (ст. ст.) 1836 года должность обер-прокурора Св. Синода занял граф Н. А. Протасов. 4 января (ст. ст.) 1837 года епископ Иосиф (Семашко) направил ему записку²⁸, в которой предлагалось завершить подготовку общего воссоединения подчинением униатов Св. Синоду и сообщалось, что только в 1834 году из унии в костёлы перешли 25 000 человек. Последнее вызвало заинтересованность Протасова, т. к. свидетельствовало о вредности миссионерских успехов епископа Смарагда (Кржижановского). В июне 1837 года епископ Смарагд был переведён на Могилёвскую кафедру, организованная им миссия прекратилась сама собой. Изменение ситуации послужило для епископа Иосифа (Семашко) поводом, чтобы продемонстрировать Н. А. Протасову готовность униатов к воссоединению и подтолкнуть его на решительные шаги. Для этого он лично и через своих сторонников, назначенных на ключевые епархиальные должности, развернул среди священников сбор подписок о желании воссоединиться с православием. Эта кампания открыла, что последовательное приведение в жизнь после 1834 года литургической реформы в Литовской епархии епископом Иосифом (Семашко), собравшим вокруг себя широкий круг единомышленников, привело к откровенному обсуждению перспективы воссоединения среди униатских духовных лиц. Аргументы сторонников воссоединения оказались убедительными. В результате большая часть духовенства Литовской епархии была согласна на православие. В Белорусской епархии среди униатского духовенства оставалось значительное число лиц, не определившихся со своим отношением к православию, и сложилась небольшая группа влиятельного духовенства, тайно противодействовавшего их сближению с православными (А. Томковид, И. Игнатович, В. Копецкий, И. Малишевский, И. Точитский, К. Мальчевский²⁹). Усилиям этой группы способствовала недостаточная энергия в проведении литургической реформы, проявленная викарием Полоцкой епархии епископом Василием (Лужинским), который был ограничен в своих действиях

²⁸ Записка, составленная 4 января 1837 года, о тогдашнем положении униатского дела и способах доведения оно к предложенной цели (Записки Иосифа митрополита Литовского. Т. 2. 1883: 1–5, 3).

²⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 87. Д. 18. Рапорты камергера Скрипицына по обозрению им греко-униатской епархии. Л. 20 об.

правлящим архиереем митрополитом Иосафатом (Булгаком), и миссионерская деятельность епископа Смарагда, возбудившая антиправославные настроения среди униатов. Разная степень глубины подготовительных к общему воссоединению мероприятий определила то, что к 15 августа (ст. ст.) 1838 года из 1057 священников Литовской епархии подписки о желании присоединиться к православию дали 760 человек. В Белорусской епархии таковых насчитывалось 172 из 680.

В первой половине 1838 года скончались митрополит Иосафат (Булгак) и епископ Иосафат (Жарский), которые были последними сторонниками сохранения унии из числа униатских иерархов в России. В связи со смертью митрополита Иосафата, занимавшего три поста: митрополита, председателя Греко-униатской духовной коллегии и правящего епископа Белорусской епархии, встал вопрос о замещении этих должностей. После совещания обер-прокурора Св. Синода графа Н. А. Протасова с Д. Н. Блудовым, святителем Филаретом Московским и Киевским митрополитом Филаретом (Амфитеатовым) 2 марта (ст. ст.) 1838 года епископ Иосиф (Семашко) был назначен на должность председателя Греко-униатской духовной коллегии. Управляющим Белорусской епархией стал епископ Василий (Лужинский). Вопрос о назначении униатского митрополита остался открытым (Смолич 1997: 340).

Новая иерархическая ситуация и успехи в сборе подписок подтолкнули Н. А. Протасова к выяснению готовности униатов на воссоединение. По его ходатайству в июне 1838 года в западные губернии был направлен чиновник Св. Синода для особых поручений камергер В. Скрипицын³⁰. Скрипицын посетил 54 прихода, 8 мужских и 2 женских монастыря в Литовской епархии, 23 прихода, 2 мужских и 1 женский монастырь в Белорусской. Он выяснил, что «униатские церкви за малым исключением уже приведены в то состояние, когда в них может совершаться правильное православное богослужение»³¹, и отметил, что в числе согласных на воссоединение «состоит всё высшее образованное духовенство, в коем сосредотачивается вся моральная сила его»³². Сомневающимися в справедливости разрыва унии камергер назвал 151 священника и монаха, что не учитывало

³⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 24 165. О командировании в Западные губернии с особым поручением состоящего за обер-прокурорским столом в Святейшем Синоде камергера Скрипицына. Л. 1–24.

³¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 87. Д. 18. Рапорты камергера Скрипицына по обозрению им греко-униатской епархии. Л. 16.

³² Там же. Л. 19. Сравн.: (Толстой 1869: 1096). Толстой пишет, что в Белорусской епархии на этот момент дали подписки уже 415 священников и монахов. Сравн.: (Radwan 2001: 174).

значительное количество духовных лиц, к которым за подписками ещё не успели обратиться, а также безместных и заштатных священников.

В декабре 1838 года Н. А. Протасов инициировал создание «Секретного комитета для совещания о мерах касательно воссоединения Греко-униатской Церкви»³³. В его состав вошли: Главный начальник Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, шеф жандармов генерал А. Х. Бенкендорф, министр государственных имуществ генерал-адъютант П. Д. Киселёв, обер-прокурор Св. Синода генерал-майор граф Н. А. Протасов и министр внутренних дел Д. Н. Блудов. На заседаниях Комитета 22 и 26 декабря 1838 года были рассмотрены письменные мнения о возможности упразднения униатской церкви епископа Иосифа (Семашко), святителя Филарета Московского, митрополита Киевского Филарета (Амфитеатрова) и епископа Антония (Зубко). Все архиереи высказались в пользу скорейшего воссоединения. Епископ Иосиф полагал, что оно должно заключаться в подчинении Греко-униатской духовной коллегии Св. Синоду, после чего должен был последовать длительный процесс интеграции воссоединённых без перемены внешнего вида священников и вмешательства в сложившиеся в унию церковные традиции, если таковые не противоречат вероучению Православной Церкви. Признаком завершения воссоединения он считал поминовение за богослужением Св. Синода вместо папы римского и исключение из Символа веры слов «и от Сына»³⁴. Святитель Филарет Московский усматривал в этом плане опасность, заключающуюся в том, что по предоставленным ему сведениям 421 униатский священник и 172 монаха ещё не дали подписки о согласии на воссоединение. Выражая опасение, что эти люди могут спровоцировать волнения, он предложил провести Собор униатского духовенства, на котором будет принято Соборное обращение униатской иерархии к Св. Синоду с просьбой о присоединении. При этом бывшим униатам следовало оставить те обычаи и привычки, которые не противоречили православному вероучению³⁵. Секретный комитет принял план святителя Филарета и разработал

³³ РГИА. Фонд 1661. Оп. 1. Д. 416. Журнал заседаний секретного комитета «для совещания о мерах касательно воссоединения греко-униатской Церкви с православной» с инструкцией ген.-губернаторам западных губерний по осуществлению этих мер. Постановление Высочайше утверждённого Секретного Комитета для совещания о мерах касательно воссоединения униатской церкви. 1838 г. декабря 22 и 26. Л. 17.

³⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 87. Д. 11. Прошения греко-униатского епископа Иосифа о присоединении к Православной Церкви и соображения о воссоединении всей греко-униатской церкви. Л. 14–17. Л. 16 об., Л. 23.

³⁵ Там же. Л. 24–33; эта же записка см.: (Филарет (Дроздов) 1885: 446–451).

основные положения Соборного акта, который должны были одобрить и подписать члены предстоящего Собора, а также соответствующего прошения на имя императора.

Униатская иерархия согласилась с решениями Секретного комитета. Собор был назначен в день Торжества Православия 12 февраля (ст. ст.) 1839 года в Полоцке. На нём после Божественной литургии был зачитан Соборный акт, объявлявший о возвращении униатов к православному вероисповеданию, рассмотрены, одобрены и подписаны подготовленные заранее документы, к которым прилагались 1305 собственноручно написанных священниками подписок о желании присоединиться к Православной Церкви. Соборный акт подписали епископы: Иосиф, епископ Литовский, Василий, епископ Оршанский, управляющий Белорусской епархией, Антоний, епископ Брестский, викарий Литовской епархии; заседатели Греко-униатской духовной коллегии соборные протоиереи: Игнатий Цильковский, Иоанн Конюшевский, Лев Паньковский; председатель Литовской консистории, соборный протоиерей Антоний Тупальский, председатель Белорусской Консистории, Ректор Полоцкой семинарии соборный протоиерей Михаил Шелепин, вице-председатель Литовской консистории соборный протоиерей Михаил Голубович (впоследствии архиепископ), в должности Ректора Литовской семинарии соборный протоиерей Фердинанд Гомолицкий, вице-председатель Белорусской консистории протоиерей Константин Игнатович, член Литовской консистории и эконом Литовской семинарии игумен Иосаф (Вышинский), член Белорусской консистории игумен Иосиф (Новицкий), инспектор Полоцкой семинарии, соборный протоиерей Фома Малишевский (впоследствии епископ Филарет), инспектор Литовской семинарии иеромонах Игнатий (Желязовский; впоследствии епископ), ключарь Полоцкого Софийского кафедрального собора соборный протоиерей Михаил Копецкий, эконом Белорусской семинарии соборный протоиерей Иоанн Щенснович, заседатель Литовской консистории соборный протоиерей Плакид Янковский, заседатель Белорусской консистории протоиерей Иоанн Глыбовский, заседатель Литовской консистории Григорий Куцевич, заседатель Белорусской консистории иерей Иоанн Сченснович, заседатель Белорусской консистории Фома Околович, в должности секретаря при еп. Иосифе (Семашко) иеромонах Фауст (Михневич), в должности секретаря при еп. Антонии (Зубко) иеромонах Петр (Михалевич) (Уния в документах 1997: 489–490).

После получения прошения от униатской иерархии император Николай I повелел Св. Синоду составить сообразное с каноническими

правилами Православной Церкви постановление, что и было сделано 23 марта (ст. ст.). Через два дня, 25 марта, в праздник Благовещения Пресвятой Девы Марии, император утвердил это постановление резолюцией: «Благодарю Бога и принимаю»³⁶. 30 марта (ст. ст.) Иосиф (Семашко) был возведён в сан архиепископа, в присутствии членов Св. Синодом ему была вручена Синодальная грамота воссоединённым епископам с паствою, дано братское лобзание всех синодальных членов и совершён в Синодальной церкви благодарственный молебен. Одновременно епископ Иосиф был возведён в сан архиепископа, назначен правящим архиереем Литовской епархии и председателем Синодальной коллегии, переименованной из Греко-униатской в Белорусско-Литовскую³⁷.

В память воссоединения униатов была выбита медаль: на одной стороне её лик Спасителя на убрусе с надписью сверху: «Такова имамаи первосвященника (Евр. VIII, 1)», а внизу: «Отторженные насилем (1595), воссоединены любовью (1839)»; на обратной стороне восьмиконечный крест в лучах с надписью вверху: «Торжество Православия» и внизу: «25 марта 1839».

Согласно постановлению Секретного комитета по униатским делам от 22 и 26 декабря 1838 года, Св. Синод издал исполнительный указ, который следовало объявить присоединяемому духовенству. В первую очередь с ним знакомили подписантов акта Полоцкого Собора, затем всех, кто ранее дал подписки о воссоединении³⁸. Не выразивших письменно желание оставить унию, которых в Литовской епархии насчитывалось 116 священников и 95 монахов, а в Белорусской, соответственно, 305 и 77 (Толстой 1869: 62), сначала надлежало убедить дать подписки. Только после этого указ об упразднении униии доводился до их сведения³⁹. Видимым знаком присоединения к православию было прекращение в богослужении поминовения Римского Первосвященника, введение воспоминания Св. Синода и исключение из Символа веры слов «и Сына»⁴⁰.

К 4 июля 1839 года во всех благочиниях и монастырях Литовской епархии духовенству было объявлено о разрыве союза с Римом (Записки

³⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 188. Журнал Синода о воссоединении греко-униатской церкви в России с Православной восточной церковью. Л. 1.

³⁷ Там же. Л. 4–5.

³⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 87. Д. 11. Л. 34–37.

³⁹ РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 415. Л. 59–60.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 416. Л. 20–20 об.

Иосифа митрополита Литовского 1883. Т. 3.: 460–461)⁴¹. В этом же году 4 октября владыка Иосиф сообщил в Св. Синод, что во всех храмах его епархии более не поминается папа, а Символ веры поётся без *Filioque*⁴². После Полоцкого Собора продолжался сбор подписок. Всего в 1839–1840 годах архиепископ Иосиф (Семашко) получил 146 подписок о присоединении⁴³. Такая же работа проводилась епископом Василием (Лужинским)

⁴¹ Г. обер-прокурору Святейшего Синода графу Протасову, от 30 июля за № 844, об объявлении остальному духовенству указа и грамоты о воссоединении униатов с Православной Церковью (Записки Иосифа митрополита Литовского 1883. Т. 3.: 460–461).

⁴² Святейшему Правительствующему Синоду, от 4 октября за № 1095, о полученном донесении от 26-ти благочинных и 9-ти монастырских настоятелей, что по их ведомству поминается уже Святейший Синод и исключается из символа веры слово: и Сына (Записки Иосифа митрополита Литовского 1883. Т. 3.: 477–478).

⁴³ Г. обер-прокурору Святейшего Синода графу Протасову (секретно), от 10 марта за № 171, с препровождением подписок 9-ти священников на присоединение их к Православию (Записки Иосифа митрополита Литовского 1883. Т. 3.: 423–424); Г. обер-прокурору Святейшего Синода графу Протасову (секретно), от 20 марта за № 221, с обязательствами 3-х духовных на присоединение их к Православию (Записки Иосифа митрополита Литовского 1883. Т. 3.: 424–425); Г. обер-прокурору Святейшего Синода графу Протасову (секретно), от 7 июля за № 662, с препровождением объявлений от 13-ти духовных о готовности их присоединиться к Православию (Записки Иосифа митрополита Литовского 1883. Т. 3.: 450–451); Г. обер-прокурору Святейшего Синода графу Протасову (секретно), от 8 июля за № 671, с подписками низведённых священников Белорусской епархии Стратановича и Козакевича на присоединение их к Православию (Записки Иосифа митрополита Литовского 1883. Т. 3.: 452); Г. обер-прокурору Святейшего Синода графу Протасову (секретно), от 1 октября за № 1077, с препровождением 29 подписок от священников на присоединение их к Православию (Записки Иосифа митрополита Литовского 1883. Т. 3.: 474–475); Г. Киевскому губернатору Бибикову (секретно), от 3 октября за № 1090, об оставлении на месте священников Феодосия и Андрея Соколовских и Иоанна Обушинского, давших подписки на присоединение к Православию (Записки Иосифа митрополита Литовского 1883. Т. 3.: 475–476); Г. обер-прокурору Святейшего Синода графу Протасову, от 10 ноября за № 1166, с препровождением подписок священников Маковецкого и Лаппы на присоединение их к Православию, и об увольнении их из Тригурского монастыря на места в Белорусскую епархию (Записки Иосифа митрополита Литовского 1883. Т. 3.: 480–481); Г. обер-прокурору Святейшего Синода графу Протасову, от 11 декабря за № 1281, с мнением о возвращении раскаявшегося священника Пия Перебиллы по прежнему в Витебскую губернию (Записки Иосифа митрополита Литовского 1883. Т. 3.: 493); Г. обер-прокурору Святейшего Синода графу Протасову, от 28 марта за № 321, с препровождением подписок от сорока духовных на присоединение к Православию (Записки Иосифа митрополита Литовского 1883. Т. 3.: 509–510); Г. обер-прокурору Святейшего Синода графу Протасову, от 31 марта за № 339, с препровождением подписок от трёх духовных на присоединение их к Православию (Записки Иосифа митрополита Литовского 1883. Т. 3.: 510–511); Г. обер-прокурору Святейшего Синода графу Протасову, от 19 апреля за № 421, с препровождением подписок от трёх духовных на присоединение их к Православию (Записки Иосифа митрополита Литовского 1883. Т. 3.: 513); Г. обер-прокурору Святейшего Синода графу Протасову, от 31 июля за № 946, с препровождением подписок от 22 духовных на присоединение их к Православию (Записки Иосифа митрополита Литовского 1883. Т. 3.: 531–532); Г. Киевскому военному губернатору Бибикову (секретно), от 31 июля за № 948, с просьбой об употреблении того ж самого чиновника, который успел получить подписки от 15 духовных в Любарском монастыре, для вытребования таких же подписок ещё по трём монастырям (Записки Иосифа митрополита Литовского 1883. Т. 3.: 532–533); Г. обер-прокурору Святейшего Синода графу Протасову, от 9 октября за № 1628, с подпискою раскаявшегося священника Антония Довгялы и о возвращении его из Литовской в Полоцкую епархию (Записки Иосифа митрополита Литовского 1883. Т. 3.: 605).

в Белорусской епархии, который вопреки постановлению Секретного комитета всенародно объявил о воссоединении сразу после Полоцкого Собора.

Присоединившиеся священники получили единовременное денежное пособие (из средств синодальной Комиссии духовных училищ на эти цели были выделены 360 000 рублей). Секретный комитет разработал секретную инструкцию генерал-губернаторам западных губерний (4 января (ст. ст.) 1839), которым было поручено проследить, чтобы католическое духовенство и помещики не препятствовали воссоединению униатов, и принять меры для предотвращения возможных волнений, которые не последовали (Смолич 1997: 342).

По итогам Полоцкого Собора с Российской Православной Церковью воссоединились 3 епископа, более 1700 священников, более 200 монашествующих, 1227 приходов (Radwan 2001: 185) с 1 600 000 верующими (по Литовской епархии — 986 249 человек, по Белорусской — 613 751 человек)⁴⁴.

Воссоединение униатов потребовало решения духовных, административных, церковно-строительных и других задач, преодоления социальных и материальных трудностей. Бывшие униаты заметно отличались от православных верующих. На территории современной Белоруссии бывшие униатские общины располагались среди староправославного населения. Их приходские храмы, как правило, были очень бедными, с иконостасами, сколоченными из простых досок, с минимальным количеством православных и униатских икон, во время богослужений использовались католические литургические сосуды, облачения, монстранции (монстранция — особый ковчег для хранения святынь в костёлах) и проч. Богослужение во многих местах совершалось не единообразно — по православным и по униатским книгам. В службах использовались колокольчики, после служб и во время погребений пелись песнопения на польском языке. Отмечались католические праздники, крестные ходы совершались по чину Католической Церкви. Духовенство имело вид католических священнослужителей. В общении с прихожанами священники часто использовали местные белорусские диалекты, но в проповеди и в домашнем быту говорили на польском языке. У многих бывших униатских священников жёны и дети были католиками латинского обряда. Принципы материального обеспечения воссоединённого клира существенно отличались от принципов

⁴⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 16. Д. 38 385. Л. 11–13.

содержания православного духовенства во внутренних губерниях России. Некоторым бывшим униатским церквям принадлежали имения с крепостными крестьянами. Духовные лица, особенно происходившие из шляхетских родов, имели земельные владения, иногда владели крепостными. Прихожане молились по-польски, не носили нательных крестиков, во время богослужений читали молитвы по польским молитвенникам.

На начальном этапе решение задач, поставленных Полоцким Собором, было возложено на бывшую Белорусско-Литовскую духовную коллегию, работавшую под руководством архиепископа Иосифа (Семашко). Коллегии подчинялись 10 православных епархий, на территории которых проживали бывшие униаты. В 1840–1841 годах в белорусско-литовских губерниях были пересмотрены границы епархий, староправославные и воссоединённые приходы причислены к епархиям, в пределах которых они действительно состояли. Литовская епархия, состоявшая исключительно из бывших униатов, продолжила существовать как Литовская и Виленская. Её управление было оставлено архиепископу Иосифу (Семашко). Епископ Антоний (Зубко) возглавил православную Минскую епархию, которая после передачи ей общин, воссоединённых на 60%, оказалась составленной из бывших униатов. Белорусская епархия была упразднена. Управлявший ею епископ Василий (Лужинский) возглавил православную Полоцкую епархию, переименованную в Полоцкую и Витебскую и ограниченную пределами Витебской губернии. Одновременно с этим церкви Литовской епархии, располагавшиеся в границах Минской губернии, передавались в Минскую епархию, а церкви Минской епархии, находящиеся в пределах Гродненской губернии и Белостокской области, — в состав Литовской епархии. Православная Минская епархия из Минской и Гродненской была переименована в Минскую и Бобруйскую; викарий Литовской епархии стал именоваться епископом не Пинским, а Брестским. Были перераспределены храмы между Полоцкой, Литовской и Минской епархиями, а также между Полоцкой и Могилёвской епархиями⁴⁵.

В результате церковно-административных и иерархических преобразований староправославные и воссоединённые приходы оказались

⁴⁵ См.: (Записки Иосифа митрополита Литовского 1883. Т. 1: 135); (ПСЗРИ 2. Т. 15. Год?: 290); (ПСЗРИ 2. Т. 15. Ч. 1. 1840: 53); (ПСЗРИ 2. Т. 15. Ч. 1. 1840: 537).

перемешаны и соединены в одно целое⁴⁶. Чтобы направить их к полному слиянию, архиепископ Иосиф испросил у Св. Синода: 1) распространения на воссоединённых из унии «преосвященных и духовенство всех тех постановлений, которые относятся к правам и обязанностям древлеправославных преосвященных и духовенства»⁴⁷; 2) разрешения воссоединённым и древлеправославным священникам поручать друг другу исправление духовных треб своим прихожанам⁴⁸; 3) прекращения прежних дел о совращениях православных в унию⁴⁹; 4) издания предписания римско-католическому духовенству, чтобы оно не полагало различий между воссоединёнными и древлеправославными, вывело из использования название «униаты»⁵⁰. Интеграции также способствовало положение «Об обеспечении православного сельского духовенства», вступившее в силу 20 июля 1842 года⁵¹. Распространённое на бывших греко-католиков, оно уравнило

⁴⁶ Проблемы при передаче воссоединённых церквей под власть местных православных архиереев возникли на Украине. Подольский епископ Кирилл оказался не готов безоговорочно принять бывших униатов. Он сразу же поставил вопрос об отрешении от должности тамошнего воссоединённого благочинного Лабейковского, не снизойдя к его несоответствию требованиям к древлеправославному начальствующему духовенству (Кириллу, архиепископу Каменец-Подольскому, от 8 августа за № 1043, о сделанных распоряжениях в отношении воссоединённой паствы в Подольской губернии и благочинного Лабейковского (Записки Иосифа митрополита Литовского 1883. Т. 3: 535); Помимо того, владыка Кирилл не понимал иерархического принципа воссоединения; он хотел развернуть работу по сбору подписок о присоединении к Православию с простого народа. Против этого решительно восставал преосвященный Иосиф (Список с отношения к графу Протасову, от 8 августа 1840 г. за № 1041, по предложениям преосвященного Подольского, об устройстве тамошней воссоединённой паствы (Записки Иосифа митрополита Литовского 1883. Т. 2: 137–138). Мешало и «сильное предубеждение против древлеправославных начальств со стороны вновь подчиняемых им воссоединённых» (Киприанович 1897: 235). В итоге переподчинение украинских приходов местному православному епархиальному управлению в 1840 г. было «отложено до будущего» (Записки Иосифа митрополита Литовского 1883. Т. 1: 135). Оно совершилось только через год, после длительных переговоров владыки Иосифа с местными правящими архиереями и убеждения своих украинских пасомых (Черновое письмо к архимандриту Леонтию Скибовскому о причислении к Волынской епархии воссоединённых церквей тамошней губернии (Записки Иосифа митрополита Литовского 1883. Т. 2: 176).

⁴⁷ РГИА. Ф. 824. Оп. 1. Д. 117. Л. 7.

⁴⁸ Список с предложением, данного Литовской консистории, от 28 июня 1839 года за №594, о разрешении священникам древлеправославным и воссоединённым поручать друг другу исправление духовных треб своим прихожанам по местному удобству (Записки Иосифа митрополита Литовского 1883. Т. 2: 127–128).

⁴⁹ Литовской консистории, от 23 октября за №1127, о прекращении дел о совращении и отступничестве Православных прихожан в бывшую Унию, и о проч. (Записки Иосифа митрополита Литовского 1883. Т. 3: 480).

⁵⁰ Литовской консистории, от 9 марта за № 207, о данном предписании Римско-католическому духовенству, чтобы оно не полагало никакого различия между воссоединённым и древлеправославным народом (Записки Иосифа митрополита Литовского 1883. Т. 3: 506–507).

⁵¹ Высочайше утверждённое положение об обеспечении православного сельского духовенства землями, домами и единовременными пособиями в губерниях: Витебской, Могилёвской, Минской, Гродненской, в Ковельском и Овручском уездах Волынской и в Белостокской области (ПСЗРИ 2. Т. 17. Отд. 1, 1842: 771–780); (Римский 1998: 27).

их с прочими православными в принципах материального обеспечения священников. При этом были составлены штаты архиереев, монастырей, приходских храмов, и в казну были взяты населённые имения, со времени унии принадлежавшие некоторому числу приходов⁵².

В 1840–1850 годах происходило литургическое и духовное объединение бывших униатов с Русской Православной Церковью. Этот процесс осложнялся как противоборством со стороны католического духовенства и шляхты, так и непониманием сложности происходившего в церковной жизни поворота со стороны правительства империи. Положение бывших униатов стало особенно уязвимым после заключения в 1847 году *конкордата* между Российской империей и папским престолом, воодушевившего католическое духовенство и тех, кто выступал за возрождение Речи Посполитой, давшего толчок консолидации их сил и парализовавшего российскую администрацию западных губерний России. В результате до начала 1860-х годов ни процесс церковного строительства, ни материальное обеспечение приходского клира, ни монашеская жизнь в воссоединённых обителях не достигли желаемого уровня. Не были преодолены и униатские привычки воссоединённого духовенства и верующих, что давало почву для появления мнения о неудаче мер по упразднению унии; это мнение высказывали некоторые православные иерархи и представители власти⁵³.

Однако подобные мнения были несправедливы. Дело в том, что проверкой прочности итогов Полоцкого объединительного Собора явилось вооружённое выступление сторонников возрождения Речи Посполитой в 1863–1864 годах. Это событие выявило твёрдость воссоединённого духовенства в православном вероисповедании, продемонстрировало нежелание белорусского населения возвращаться к униатской старине, к чему их настойчиво призывали мятежники, а также то, что через 25 лет после разрыва Брестской церковной унии православные верующие в Белоруссии решительно разграничивали свои и польские интересы.

В историографии Полоцкого Собора встречаются мнения о преследованиях униатских клириков, сохранявших верность унии с Римом.

⁵² РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 420. Л. 4. Во времена унии некоторая часть приходов владела населёнными имениями с крепостными крестьянами. В Литовской епархии их было 157 с 2337 крестьянами, а в Белорусской — 83 с 4107 крепостными (Radwan 2001: 198–199). Это немного, но на таких приходах священники получали дополнительный доход и в меньшей степени зависели от помещиков.

⁵³ Об этом см.: (Морошкин 1872: 637); (Извеков 1899: 5).

Католические историки насчитывают от 92 до 160 униатских священнослужителей, которые были помещены в православные монастыри, брошены в тюрьмы, сосланы на каторжные работы и в Сибирь (напр., см.: (Radwan 2001: 171); (Dobrzyński 1992: 64–65). Однако, согласно документальным свидетельствам, в процессе подготовки Полоцкого Собора и реализации соборного решения униатские священники и монахи не подвергались ни гражданскому, ни уголовному наказанию. Их позиция рассматривалась как неподчинение епархиальной власти, поэтому все действия в отношении представителей греко-католического клира, не согласных на воссоединение с Русской Православной Церковью, предпринимались не государственными властями, а униатским епархиальным начальством.

Можно выделить 2 волны несогласия греко-католических священников со сближением униатского церковного объединения с Православной Церковью. В 1834–1835 годах волнения были связаны с делатинизацией униатского богослужения в некоторых деканатах униатской Литовской епархии и не коснулись духовенства униатской Белорусской епархии. В литургической реформе отказались участвовать 57 греко-католических священников (коллективный протест униатского духовенства Новогрудского деканата), из которых твёрдость проявили 2 клирика. В 1838–1839 годах недовольство вызывали собирание подписок от священников о желании присоединиться к Православной Церкви и проведение Полоцкого Собора. Волнения затронули тогда духовенство униатской Белорусской епархии (111 греко-католических священников Витебской, Минской и Могилёвской губерний подписали протест против упразднения унии) и незначительно задел клир униатской Литовской епархии (15 священников Белостокского деканата). Стремившиеся к воссоединению с православием епископы и их единомышленники намеревались использовать как основное средство воздействия на униатское духовенство частные беседы, но иногда убеждение не достигало цели. Применялись и другие меры: перемещение на другие приходы; временное отстранение от священнических обязанностей с переводом на должности причетников; помещение на епитимию до раскаяния в непослушании в униатские монастыри (Вербиловский, Тадулинский, Любарский, Тригурский, Оршанский); высылка в великорусские губернии. В 1835–1839 годах первые 3 меры были применены к 61 греко-католическому священнослужителю, из которых 47 принесли покаяние и вернулись к исполнению

священнических обязанностей, 13 упорствовали, один, перешедший в унию из латинского обряда, вышел из состава униатского духовенства. В феврале — марте 1839 года из мест компактного проживания воссоединённых, согласно решению Секретного комитета, были удалены 36 духовных лиц, которые выступили против воссоединения (включая 13 человек, проявивших упорство при проведении литургической реформы в 1834–1835 годах и не изменивших свою позицию); из них 20 человек поместили в специально устроенную в г. Курске обитель (просторный дом с обустроенной внутри церковью, окружённый садом), содержавшуюся на средства Белорусско-Литовской духовной коллегии, 16 человек разместили в Черниговской (7 чел.), Орловской (3 чел.), Рязанской (3 чел.), Вологодской (1 чел.), Владимирской (1 чел.), Смоленской (1 чел.) губерниях на свободном поселении или в православных монастырях. Общее число греко-католических священников, подвергшихся всем видам воздействия в ходе подготовки Полоцкого Собора, составляло 84 человека.

В 1842 году обитель в Курске была закрыта: 5 человек вышли из состава духовенства, 7 монахов перевели в воссоединённые монастыри (их поведение уже не считалось вредным для паствы), 8 разместили в монастырях великорусских епархий.

В 1845 году по инициативе министра государственных имуществ П. Д. Киселёва было проведено официальное расследование положения не согласившихся на православие униатских духовных лиц. Поводом послужило переданное священником Ильёй Андрушкевичем Киселёву во время пребывания его во Франции частное письмо, составленное в среде польских эмигрантов. В письме назывались имена 60 греко-католических священнослужителей, подвергшихся гонениям. Расследование открыло, что 8 человек из этого списка приняли православие и вернулись к монастырскому послушанию или приходскому служению, 20 человек выбрали свободное поселение с пенсией от российского правительства в 350 руб. в год, 2 человека изъявили желание остаться на содержании православных монастырей, 1 человек вышел в светское звание, 4 священника к 1845 году скончались, 4 клирика никогда не высылались из белорусско-литовских губерний, 20 имён принадлежали людям, которые не имели никакого отношения к униатскому духовенству либо были наказаны по делам, относившимся к событиям польского восстания 1830–1831 годов, 3 имени были повторены дважды для увеличения списка. 20 клириков, которые предпочли свободное поселение с содержанием от

правительства, избрали для жительства те города, где имелись католические церкви: Чернигов, Полтава, Брянск, Воронеж, Харьков, Симбирск, Нежин, Ярославль, Казань, Саратов, Н. Новгород. Им не навязывали переход в господствующее вероисповедание⁵⁴.

Таким образом, в 1839–1845 годах количество проявивших твёрдость в католическом вероисповедании униатских священнослужителей не превышало 30 человек, что составляло 1,8% от общего числа священников, согласившихся с решением Полоцкого Собора⁵⁵.

Значение Полоцкого объединительного Собора 1839 года имеет несколько измерений.

Во-первых, это событие расширило сферу влияния православия в западных губерниях Российской империи в XIX веке, обеспечив государственную и религиозно-культурную интеграцию западных и восточных частей русского народа вплоть до наших дней.

Во-вторых, Полоцкий Собор завершил период истории Русской Православной Церкви, который можно назвать эпохой разделения. Она началась в середине XV века каноническим обособлением Киевской митрополии, оставшейся в составе Константинопольского Патриархата, от автокефальной Московской митрополии. Это привело к деградации церковной жизни на белорусско-украинских землях и введению в конце XVI века Брестской церковной унии. Брестская церковная уния была призвана подменить собой православие, бесповоротно вытеснить его из жизни западнорусского населения. В реальности же она дополнительно разделила его, но уже между разными конфессиями, а также стала инструментом денационализации предков современных белорусов и украинцев. Формально каноническое разделение Русской Церкви было преодолено в конце XVII века, когда в 1686 году православные Речи Посполитой вошли в состав Московского Патриархата. А вот **плод** канонического разделения — разделение белорусско-украинского населения на православных и униатов — был окончательно устранён только на Полоцком Соборе униатского духовенства в 1839 году.

В-третьих, наибольшее значение Полоцкий Собор имеет для современной белорусской части Русской Православной Церкви,

⁵⁴ РГИА. Фонд 797. Оп. 87. Д. 30. Л. 4–13.

⁵⁵ Романчук А., прот. К вопросу о преследованиях униатского духовенства в ходе общего воссоединения униатов с православными в 1839 году / Борисовская епархия. — URL: Repressii-v-otn.-uniatskogo-d-va.pdf (borisoveparhia.by) (дата обращения: 17.02.2024).

духовно-культурного и национального становления белорусского народа. В начале XXI века в Республике Беларусь 85% верующих причисляют себя к Православной Церкви исключительно благодаря событиям, связанным с подготовкой и осуществлением Полоцкого Собора, а в дальнейшем с интеграцией бывших униатов в состав Русской Православной Церкви. Прочность позиций Православной Церкви в Белоруссии проверена временем и суровыми испытаниями в середине XIX и в XX веке, что засвидетельствовало религиозную и народную справедливость упразднения унии в России в 1839 году.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. — Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1889. — Т. XVI: Документы, относящиеся к истории церковной Унии в России. — 704 с.

Антоний (Зубко), архиеп. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России / архиепископ Антоний (Зубко) // Сборник статей, изданных Святейшим Синодом по поводу пятидесятилетия (1839–1889) воссоединения с православной церковью западно-русских униатов. — СПб. : Синодальная тип., 1889. — С. 38–76.

Бобровский П. О. Русская Греко-Униатская церковь в царствование императора Александра I. Историческое исследование по архивным документам П.О. Бобровского. — СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1890. — 394 с.

Буглаков М., свящ. Преосвященный Георгий Конисский, архиепископ Могилевский. — Минск : Виноград, 2000. — 656 с.

Василий (Лужинский), архиеп. Записки Василия Лужинского, архиепископа Полоцкого и Витебского, члена святейшего правительствующего Всероссийского синода о начале и ходе окончательно совершившегося дела воссоединения греко-Униатской Церкви в Белоруссии и Волыни с православною российскою церковью, написанные в конце тысяча восемьсот шестьдесят шестого года / архиепископ Василий (Лужинский). — Казань : Казанская духовная академия, 1885. — 312 с.

Галанов М. М. Политика российского самодержавия и позиция Русской Православной Церкви в отношении католиков и униатов в годы царствования Павла I : дисс.... доктора наук : 07. 00. 02. — СПб., 2014. — 536 с.

Дмитриев М. В. Между Римом и Царьградом: генезис Брестской церковной Унии 1595–1596 гг. — М. : Изд-во Московского университета, 2003. — 320 с.

Дневник Сестрэнцевича, первого митрополита всех римско-католических церквей в России. Часть 1-я (1797 и 1798 гг.) // Старина и новизна. Исторический сборник, издаваемый при обществе ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III. — 1913. — Кн. 16. — С. 1–185.

Евгений (Булгарис), архиеп. О лучшем способе воссоединения униатов с Православной Церковью // Христианское чтение. — 1887. — Ч. 2. — С. 19–93.

Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора : в 3 т. — СПб. : Тип.

императорской Академии Наук, 1883. — Т. 1. — 745 с.; — Т. 2. — 786 с.; — Т. 3 — 1401 с.

Записка об упразднении греко-униатских монастырей в Западной России 28 февраля 1828 года // Русская старина. — 1870. — 2-е изд. — Т. 1. — С. 517–538.

Записка от 6 апреля 1829, с опровержением притязаний, полученных правительством от Римского двора, по поводу новых распоряжений относительно униатов // Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора. — СПб. : Тип. императорской Академии Наук, 1883. — Т. 1. — С. 510–519.

Записка, составленная ассессором коллегии, прелатом Иосифом Семашко 5 ноября 1827 года, о положении в России Униатской Церкви и средствах возвратить оную на лоно Церкви Православной // Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора. — СПб. : Тип. императорской Академии Наук, 1883. — Т. 1 — С. 387–398.

Извеков Н. Д., свящ. Исторический очерк состояния православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 г. — М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1899. — 522 с.

Киприанович Г. Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского, и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. : с 3-мя портр. высокопреосвящен. Иосифа. — 2-е изд., испр. и доп. — Вильна : Тип. И. Блюмовича, 1897. — XXIV, 614 с.

Коялович М. О. О почившем митрополите Литовском Иосифе. — СПб. : Тип. Департамента Уделов, 1869. — 54 с.

Круковский А. В. Страничка из истории белорусского духовенства / А. В. Круковский // Русская старина. — 1910. — Т. 143. — С. 240–245.

Могилевская епархия. Историко-статистическое описание. — Т. 1, вып. 2, ч. 2. / под общ. ред. прот. Н. Зефирова. — Могилёв : Скоропечатня и литография Ш. Фридланда, 1908. — 382 с.

Морошкин М. Воссоединение Унии: исторический очерк // Вестник Европы. — 1872. — Кн. 4. — С. 606–643.

Носко М. Униатская церковь в начале XIX века и подготовка к воссоединению с Православием: дисс. ... канд. богословия. Московский Патриархат; Белорусская Православная Церковь; Минская духовная академия им. свт. Кирилла Туровского, каф. церковной истории. — Жировичи, 2000. — 158 с.

О лучшем способе воссоединения униатов с Православной Церковью // Христианское чтение. — 1887. — Ч. 2. — С. 19–93.

Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов : в 2 т. — Т. 2. — СПб. : Синодальная тип., 1907. — 1631 с.

Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.] : в 45 т. — СПб. : Тип. 2-го Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830.

Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 2-е. С 1825 г. до 28 февраля 1881 г.] : в 55 т. — СПб. : Тип. 2-го Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1830–1884.

Разговоры между испытующим и уверенным о Православии Греко-Российской Восточной Церкви // Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора. — СПб. : Тип. императорской Академии Наук, 1883. — Т. 1. — С. 65–66.

Римский С. В. Конфессиональная политика России в Западном крае и Прибалтике XIX столетия // Вопросы истории. — 1998. — № 3. — С. 25–44.

Романчук А. А., священник. Греко-католическая Церковь в пределах Российской империи в первой трети XIX в.: проблемы и перспективы // Церковно-исторический вестник. — 2008. — № 15. — С. 56–83.

Романчук А. А., прот. Главная Семинария при Виленском университете: воспитание и образование католического духовенства униатского обряда // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. — 2006. — № 4. — С. 3–10.

Рункевич С. Г. История Минской архиепископии (1793–1832). — СПб. : Тип. А. Катанского и К°, 1893. — 622 с.

Ситкевич А., священник. Униатские кафедральные капитулы в XVIII веке: очерки положения и деятельности белого духовенства в Западно-русской униатской церкви // Христианское чтение. — 1904. — № 9. — С. 320–354.

Смолич И. К. История Русской Церкви 1700–1917: в 2 ч. — М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. — Ч. 2. — 799 с.

Толстой Д. А. Очерк служения митрополита Литовского Иосифа, скончавшегося в 1868 году (Извлечение из отчёта г. обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. А. Толстого за 1868 год) // Христианское чтение. — 1869. — Ч. 2. — С. 1077–1110.

Толстой Д. А. Римский католицизм в России: Историческое исследование графа Дмитрия А. Толстого. — Т. 1–2. — СПб. : Издание в типографии В. Ф. Демакова, 1876. — Т. 2. — 438 с.

Указы государя императора Александра Первого, самодержца всероссийского, напечатанные в январе месяце 1806 года. — М. : в Сенатской тип., 1807. — 569 с.

Уния в документах : сб. / сост. В. А. Теплова, З. И. Зуева. — Минск : Лучи Софии, 1997. — 520 с.

Филарет (Дроздов), митр. Собрания мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам, издаваемое под редакцією преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского : в 7 т. — СПб. ; М. : Синодальная тип., 1885–1887. — Т. 2, 1885. — 485 с.

Филевич И. П. Вопрос о воссоединении западнорусских униатов в его новейшей постановке. — Варшава : Тип. Варшавского учебного округа, 1891. — 31 с.

Фотинский О. Иоанн Красовский, униатский архиепископ Полоцкий и Луцкий // Литовские Епархиальные Ведомости. — 1894. — № 15. — С. 128–131.

Чистович И. Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с православной церковью западнорусских униатов: обзор событий воссоединения в царствование императора Николая I. — СПб. : Синодальная тип., 1889. — 64 с.

Шабатин И. Из истории воссоединения белорусских униатов / И. Шабатин // Журнал Московской Патриархии. — 1949. — № 8. — С. 37–49; 1951. — № 2. — С. 35–47; № 6. — С. 59–63; № 10. — С. 47–54; № 11. — С. 51–60.

Шеститко В., свящ. Персональный состав Секретных комитетов по униатским делам в 1835–1839 гг. // Хронос. — 2017. — № 4. — С. 55–82.

Шавельский Г., протопр. Последнее воссоединение с православною церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.). — СПб. : Тип. «Сельского вестника», 1910. — 380 с.

Янковский П., свящ. Записки сельского священника. — Минск : Свято-Петро-Павловский собор, 2004. — 380 с.

Галадза П., свящ. Літургічне питання і розвиток богослужень напередодні Берестейської унії аж до кінця XVII століття // Берестейська унія та внутрішнє життя Церкви в XVII столітті: матеріали Четвертих Берестейських читань, Львів, Луцьк, Київ, 2–6 жовтня 1995 р. / ред. Б.Гудзяк. — Львів : Інститут Історії Церкви Львівської Богословської Академії, 1997. — С. 5–6.

Dobrzyński Z. Prawosławni a grekokatolicy w dawniej Polsce : 2 cz. — Warszawa, 1992. — Cz. 2. — 262 s.

Канфесійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі (канец XVIII — пачатак XX ст.) / В.В. Яноўская [и инш.] ; навук. рэд. В.В. Яноўская ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. — Мінск : Беларуская навука, 2105. — 496 с.

Kołbuk W. Kościoły wschodnie w Rzeczypospolitej około 1772 roku. — Lublin : Instytut Europy Środkowo Wschodniej, 1998. — 460 s.

Mironowicz, A. Diecezja białoruska w XVII i XVIII wieku. — Białystok : Wydawnictwo uniwersytetu w Białymstoku, 2008. — 351 s.

Назарко, Іриней, ЧСВВ. Київські і Галицькі митрополити. Біографічні нариси (1590–1960) / Іриней Назарко. — Торонто : Видавництво отців Василіян, 1962. — 269 с.

Пері, В. Берестейська унія у Римському баченні / В. Пері // Історичний контекст, укладнення Берестейської унії і перше поунійне покоління: матеріали Перших Берестейських читань, Львів, Івано-Франківськ, Київ, 1–6 жовтня 1994 р. / ред. Б. Гудзяк. — Львів : Інститут Історії Церкви Львівської Богословської Академії, 1995. — С. 7–38.

Radwan M. Carat wobec kościoła greckokatolickiego w zaborze Rosyjskim 1796–1839. — Roma; Lublin : Polski instytut kultury chrześcijańskiej, 2001. — 504 s.

Філатава А. М. Хрысціянскія канфесіі пасля далучэння Беларусі да Расійскай імперыі (1772–1860) // Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.) / В. В. Грыгор’ева [і інш], навук. рэд. У. І. Навіцкі. — Мінск : ВП “Экаперспектыва”, 1998. — С. 5–28.

Сведения об авторе:

Протоиерей Александр Александрович Романчук — кандидат богословия, председатель Синодальной исторической комиссии Белорусского Экзархата Московского Патриархата, доцент кафедры церковной истории и церковно-практических дисциплин Минской духовной академии, заведующий кафедрой церковной истории и церковно-практических дисциплин Минской духовной семинарии, 231822, Белоруссия, Гродненская область, Слонимский район, агрогородок Жировичи, ул. Соборная, 55, e-mail: romanchuk_alex@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 14.03.2024; принята к публикации 15.04.2024.

Archpriest A. A. Romanchuk

SYNODAL HISTORICAL COMMISSION OF THE BELARUSIAN EXARCHATE,
MINSK THEOLOGICAL SEMINARY,
ZHIROVICHY, BELARUS

The Polotsk Unification Council of 1839: Context, Proceedings, and Significance

Abstract. This article explores the background leading to the Polotsk Unification Council (also known as the Synod of Polotsk) convened in 1839. It delves into the proceedings of the council and evaluates its importance within the context of the Russian Orthodox Church and the Belarusian Exarchate. The conclusion drawn is that the abolition of the Uniate church association within the Russian Empire during the second quarter of the 19th century stemmed from a distinctive convergence of historical factors. These included shifts in Russian governmental policy, apprehensions regarding the Uniates within the Catholic Church leadership, and internal conflicts among the Greek Catholic clergy. The significance of the Polotsk Unification Council of 1839 encompasses several dimensions. Firstly, this event expanded the sphere of influence of Orthodoxy in the western provinces of the Russian Empire in the 19th century, fostering the state, religious, and cultural integration of the western and eastern segments of the Russian people up to the present day. Secondly, the Polotsk Council marked the conclusion of an era in the history of the Russian Orthodox Church known as the era of division. It commenced in the mid-15th century with the canonical

division of the Kiev Metropolia, which remained under the jurisdiction of the Patriarchate of Constantinople, from the autocephalous Moscow Metropolia. This resulted in the decline of church activity in the Belarusian-Ukrainian territories and culminated in the establishment of the Brest Church Union at the end of the 16th century. The Brest Church Union aimed to supplant Orthodoxy and permanently eliminate it from the lives of the Western Russian populace. In reality, it further fragmented the population along religious lines, while also serving as a tool for the denationalization of the ancestors of modern Belarusians and Ukrainians. Formally, the canonical division of the Russian Church was resolved by the end of the 17th century when, in 1686, the Orthodox Christians of the Polish-Lithuanian Commonwealth joined the Moscow Patriarchate. But the outcome of the canonical division, the division of the Belarusian-Ukrainian population into Orthodox and Uniates, was only finally reconciled at the Polotsk Council of the Uniate clergy in 1839. Thirdly, the significance of the Polotsk Council lies in its profound impact on the modern Belarusian sector of the Russian Orthodox Church, as well as its role in shaping the spiritual, cultural, and national identity of the Belarusian people. At the beginning of the 21st century, in the Republic of Belarus, approximately 85% of believers identify themselves as Orthodox Christians, a trend largely attributed to the events surrounding the preparation and execution of the Polotsk Council, and subsequently, the integration of former Uniates into the Russian Orthodox Church. The strength of the Orthodox Church's position in Belarus has endured the test of time and significant trials in the mid-19th and 20th centuries, affirming the religious and popular validity of the abolition of the union in Russia in 1839.

Keywords: the Polotsk Council of 1839, Orthodoxy, Catholicism, the Brest Church Union of 1596, clergy

For citation: Romanchuk, A. A., Archpriest. (2024). The Polotsk Unification Council of 1839: Context, Proceedings, and Significance. *Orthodoxia*, (3), 10–53. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-3-10-53

REFERENCES:

Akty, izdavaemye Vilenskoiu Arkheograficheskoiu komissiei [Acts Issued by the Vilna Archaeological Commission] (Vol. XVI: Dokumenty, otnosiashchiesia k istorii tserkovnoi Unii v Rossii). (1889). Vilna : Tip. A. G. Syrkina. [In Russian].

Antony (Zubko), Archbishop. (1889). O Greko-Uniatskoi Tserkvi v Zapadnom krae Rossii [On the Greek Uniate Church in the Western Territory of Russia]. In *Sbornik statei, izdannykh Sviateishim Sinodom po povodu piatidesiatiletia (1839–1889) vossoedineniia s pravoslavnoi tserkov'iu zapadno-russkikh uniatov* (pp. 38–76). Saint Petersburg : Sinodal'naia tip. [In Russian].

Bobrovsky, P. O. (1890). *Ruskaia Greko-Uniatskaia tserkov' v tsarstvovanie imperatora Aleksandra I. Istoricheskoe issledovanie po arkhivnym dokumentam P. O. Bobrovskogo* [The Russian Greek Uniate Church in the Reign of Emperor Alexander I. Historical Research on the Archival Documents of P. O. Bobrovsky]. Saint Petersburg : Tip. V. S. Balasheva. [In Russian].

Buglakov, M., Priest. (2000). *Preosviashchennyi Georgy Konissky, arkhiepiskop Mogilevsky* [His Grace George Konisky, Archbishop of Mogilev]. Minsk : Vinograd. [In Russian].

Vasily (Luzhinsky), Archbishop. (1885). *Zapiski Vasiliia Luzhinskogo, arkhiepiskopa Polotskogo i Vitebskogo, chlena sviateishego pravitel'stvuiushchego Vserossiiskogo sinoda o nachale i khode okonchatel'no sovershivshegosia dela vossoedineniia greko-Uniatskoi Tserkvi v Belorussii i Volyni s pravoslavnoi rossiiskoiu tserkov'iu, napisannye v kontse tysiacha vosem'sot shest'desiat shestogo goda* [Notes by Vasily Luzhinsky, Archbishop of Polotsk and Vitebsk, a Member of the Most Holy Governing All-Russian Synod on the Beginning and Progress of the Finally Accomplished Reunification of the Greek Uniate Church in Belarus and Volhynia with the Orthodox Russian Church, Written at the End of one Thousand Eight Hundred and Sixty-Sixth Year]. Kazan : Kazanskaia dukhovnaia akademiia. [In Russian].

Galanov, M. M. (2014). *Politika rossiiskogo samodержaviia i pozitsiia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v otnoshenii katolikov i uniatov v gody tsarstvovaniia Pavla I* [The Policy of the Russian Autocracy and the Position of the Russian Orthodox Church in Relation to Catholics and Uniates during the Reign of Paul I] [Dissertation of Doctor of Historical Sciences]. Saint Petersburg. [In Russian].

Dmitriev, M. V. (2003). *Mezhdurimom i Tsar'gradom: genezis Brestskoi tserkovnoi Unii 1595–1596 gg.* [Between Rome and Constantinople: the

Genesis of the Brest Church Union of 1595–1596]. Moscow : Izd-vo Moskovskogo universiteta. [In Russian].

Dnevnik Sestrentsevicha, pervogo mitropolita vseh rimskokatolicheskikh tserkvei v Rossii. Chast' 1-ia (1797 i 1798 gg.) [The Diary of Sestrentsevich, the First Metropolitan of All Roman Catholic Churches in Russia. Part 1 (1797 and 1798)]. (1913). In *Starina i novizna. Istorichesky sbornik, izdavaemyi pri obshchestve revnitelei russkogo istoricheskogo prosveshcheniia v pamiat' Imperatora Aleksandra III* (Book 16, pp. 1–185). [In Russian].

Evgeny (Bulgaris), Archbishop. (1887). O luchshem sposobe vossoedineniia uniатов s Pravoslavnoi Tserkov'iu [On the Best Way to Reunite Uniates with the Orthodox Church]. In *Khristianskoe chtenie* (Part 2, pp. 19–93). [In Russian].

Zapiski Iosifa mitropolita Litovskogo, izdannye Imperatorskoiu Akademiei Nauk po zaveshchaniuu avtora : v 3 t. [Notes of Joseph Metropolitan of Lithuania, Published by the Imperial Academy of Sciences According to the Will of the Author : in 3 Volumes] (Vol. 1, 2, 3). (1883). Saint Petersburg : Tip. imperatorskoi Akademii Nauk. [In Russian].

Zapiska ob uprazhnenii greko-uniatskikh monastyrei v Zapadnoi Rossii 28 fevralia 1828 goda [A Note on the Abolition of the Greek Uniate Monasteries in Western Russia on February 28, 1828]. (1870). In *Russkaia starina* (2-nd ed., Vol. 1, pp. 517–538). [In Russian].

Zapiska ot 6 apreliia 1829, s oproverzheniem pritiizanii, poluchennykh pravitel'stvom ot Rimskogo dvora, po povodu novykh raspriazhenii otnositel'no uniатов [A Note Dated April 6, 1829, Refuting the Claims Received by the Government from the Roman Court Regarding New Orders Regarding the Uniates]. (1883). In *Zapiski Iosifa mitropolita Litovskogo, izdannye Imperatorskoiu Akademiei Nauk po zaveshchaniuu avtora* (Vol. 1, pp. 510–519). Saint Petersburg : Tip. imperatorskoi Akademii Nauk. [In Russian].

Zapiska, sostavlennaia asessorom kollegii, prelatom Iosifom Semashko 5 noiabria 1827 goda, o polozhenii v Rossii Uniatskoi Tserkvi i sredstvakh vozvratit' onuiu na lono Tserkvi Pravoslavnoi [A Note Compiled by the Assessor of the College, Prelate Joseph Semashko on November 5, 1827, on the Situation in Russia of the Uniate Church and the Means to Return it to the Bosom of the Orthodox Church]. (1883). *Zapiski Iosifa mitropolita Litovskogo, izdannye Imperatorskoiu Akademiei Nauk po zaveshchaniuu avtora* (Vol. 1, pp. 387–398). Saint Petersburg : Tip. imperatorskoi Akademii Nauk. [In Russian].

Izvekov, N. D., Priest. (1899). *Istorichesky ocherk sostoianiia pravoslavnoi tserkvi v Litovskoi eparkhii za vremia s 1839–1889 g.*

[A Historical Sketch of the State of the Orthodox Church in the Lithuanian Diocese during the Period from 1839–1889]. Moscow : Pechatnia A. I. Snegirevoi. [In Russian].

Kiprianovich, G. Ia. (1897). *Zhizn' Iosifa Semashki, mitropolita Litovskogo i Vilenskogo, i vossoedinenie zapadno-russkikh uniatov s pravoslavnoi tserkov'iu v 1839 g.* [The Life of Joseph Semashko, Metropolitan of Lithuania and Vilna, and the Reunification of the Western Russian Uniates with the Orthodox Church in 1839]. Vilna : Tip. I. Bliumovicha. [In Russian].

Koialovich, M. O. (1869). *O pochivshem mitropolite Litovskom Iosife* [About the Late Metropolitan Joseph of Lithuania]. Saint Petersburg : Tip. Departamenta Udelov. [In Russian].

Krukovsky, A. V. (1910). Stranichka iz istorii belorusskogo dukhovenstva [A Page from the History of the Belarusian Clergy]. In *Russkaia starina* (Vol. 143, pp. 240–245). [In Russian].

Mogilevskaia eparkhiia. Istoriko-statisticheskoe opisanie [Mogilev Diocese. Historical and Statistical Description] (Vol. 1, Ed. 2, Part 2). (1908). Mogilev : Skoropechatnia i litografiia Sh. Fridlanda. [In Russian].

Moroshkin, M. (1872). Vossoedinenie Unii: istorichesky ocherk [The Reunification of the Union: a Historical Essay]. In *Vestnik Evropy* (Book 4, pp. 606–643). [In Russian].

Nosko, M. (2000). *Uniatskaia tserkov' v nachale XIX veka i podgotovka k vossoedineniiu s Pravoslaviem* [The Uniate Church in the Early 19th Century and Preparations for Reunification with Orthodoxy] [Dissertation of Candidate of Theology. Minsk Theological Academy named after Svt. Kirill Turovsky, Department of Church History. Zhirovichi]. [In Russian].

O luchshem sposobe vossoedineniia uniatov s Pravoslavnoi Tserkov'iu [On the Best Way to Reunite Uniates with the Orthodox Church]. (1887). In *Khristianskoe chtenie* (Part 2, pp. 19–93). [In Russian].

Opisanie dokumentov arkhiva zapadnorusskikh uniatskikh mitropolitov : v 2 t. [Description of the Documents of the Archive of the Western Russian Uniate Metropolitans : in 2 Vols.] (Vol. 2). (1907). Saint Petersburg : Sinodal'naia tip. [In Russian].

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. (Sobranie 1-e. S 1649 po 12 dekabria 1825 g.) : v 45 t. [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. (Meeting 1st. From 1649 to December 12, 1825) : in 45 Vols.]. (1830). Saint Petersburg : Tip. 2-go Otdeleniia Sobstvennoi E. I. V. kantseliarii. [In Russian].

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. (Sobranie 2-e. S 1825 g. do 28 fevralia 1881 g.) : v 55 t. [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. [Meeting 2nd. From 1825 to February 28, 1881] : in

55 Volumes]. (1830–1884). Saint Petersburg : Tip. 2-go Otdeleniia Sobstvennoi E.I.V. kantseliarii. [In Russian].

Razgovory mezhd u ispytuiuushchim i uverenym o Pravoslavii Greko-Rossiiskoi Vostochnoi Tserkvi [Conversations between the Probing and the Confident about the Orthodoxy of the Greek-Russian Eastern Church]. (1883). In *Zapiski Iosifa mitropolita Litovskogo, izdannye Imperatorskoiu Akademiiu Nauk po zaveshchaniu avtora* (Vol. 1, pp. 65–66). Saint Petersburg : Tip. imperatorskoi Akademii Nauk. [In Russian].

Rimsky, S. V. (1998). Konfessional'naia politika Rossii v Zapadnom krae i Pribaltike XIX stoletii [Confessional Policy of Russia in the Western Region and the Baltic States of the XIX Century]. *Voprosy istorii*, (3), 25–44. [In Russian].

Romanchuk, A. A., Priest. (2008). Greko-katolicheskaia Tserkov' v predelakh Rossiiskoi imperii v pervoi treti XIX v.: problemy i perspektivy [The Greek Catholic Church within the Russian Empire in the First Third of the XIX Century: Problems and Prospects]. *Tserkovno-istoricheskii vestnik*, (15), 56–83. [In Russian].

Romanchuk, A. A., Archpriest. (2006). Glavnaia Seminaria pri Vilenskom universitete: vospitanie i obrazovanie katolicheskogo dukhovenstva uniatskogo obriada [The Main Seminary at the University of Vilna: Education and Upbringing of the Catholic Clergy of the Uniate Rite]. *Vesnik Grodzenskaga dziazhaŭnaga universiteta imia Ianki Kupaly*, (4), 3–10. [In Russian].

Runkevich, S. G. (1893). *Istoriia Minskoi arkhiepiskopii (1793–1832)* [The History of the Minsk Archdiocese (1793–1832)]. Saint Petersburg : Tip. A. Katanskogo i K°. [In Russian].

Sitkevich, A., Priest. (1904). Uniatskie kafedral'nye kapituly v XVIII veke: ocherki polozheniia i deiatel'nosti belogo dukhovenstva v Zapadno-russkoi uniatskoi tserkvi [Uniate Cathedral Chapters in the XVIII Century: Essays on the Position and Activities of the White Clergy in the Western Russian Uniate Church]. *Khristianskoe chtenie*, (9), 320–354. [In Russian].

Smolich, I. K. (1997). *Istoriia Russkoi Tserkvi 1700–1917: v 2 ch.* [The History of the Russian Church 1700–1917: in 2 parts] (Part 2). Moscow : Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyria. [In Russian].

Tolstoy, D. A. (1869). Ocherk sluzheniia mitropolita Litovskogo Iosifa, skonchavshegosia v 1868 godu (Iz vlechenie iz otcheta g. ober-prokurora Sviateishego Sinoda grafa D. A. Tolstogo za 1868 god) [An Essay on the Ministry of Metropolitan Joseph of Lithuania, Who Died in 1868 (Extract from the Report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod, Count D. A. Tolstoy for 1868)]. In *Khristianskoe chtenie* (Part 2, pp. 1077–1110). [In Russian].

Tolstoy, D. A. (1876). *Rimsky katolitsizm v Rossii: Istoricheskoe issledovanie grafa Dmitriia A. Tolstogo* [Roman Catholicism in Russia: A Historical Study of Count Dmitry A. Tolstoy] (Vol. 2). Saint Petersburg : Izdanie v tipografii V. F. Demakova. [In Russian].

Ukazy gosudaria imperatora Aleksandra Pervogo, samoderzhitsa vserosiiskogo, napechatannye v ianvare mesiatse 1806 goda [Decrees of the Sovereign Emperor Alexander the First, the Autocrat of All—Russia, Printed in January 1806]. (1807). Moscow : v Senatskoi tip. [In Russian].

Uniia v dokumentakh : sb. [The Union in Documents : Collection]. (1997). Minsk : Luchi Sofii. [In Russian].

Filaret (Drozdov), Mitropolitan. (1885). *Sobraniia mnenii i otzyvov Filareta, mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo po uchebnym i tserkovnogosudarstvennym voprosam, izdavaemoe pod redaktsieiu preosviashchennogo Savvy, arkhiepiskopa Tverskogo i Kashinskogo : v 7 t.* [Collections of Opinions and Reviews of Filaret, Metropolitan of Moscow and Kolomna on Educational and Church-State Issues, Edited by His Grace Savva, Archbishop of Tver and Kashinsky : in 7 Volumes] (Vol. 2). Saint Petersburg; Moscow : Sinodal'naia tip. [In Russian].

Filevich, I. P. (1891). *Vopros o vossoedinenii zapadnorusskikh uniatov v ego noveishei postanovke* [The Question of the Reunification of the Western Russian Uniates in its Latest Formulation]. Warsaw : Tip. Varshavskogo uchebnogo okruga. [In Russian].

Fotinsky, O. (1894). Ioann Krasovsky, uniatsky arkhiepiskop Polotsky i Lutsky [John Krasovsky, Uniate Archbishop of Polotsk and Lutsk]. *Litovskie Eparkhial'nye Vedomosti*, (15), 128–131. [In Russian].

Chistovich, I. (1889). *Piatidesiatiletie (1839–1889) vossoedineniia s pravoslavnoi tserkov'iu zapadnorusskikh uniatov: obzor sobytii vossoedineniia v tsarstvovanie imperatora Nikolaia I* [The Fiftieth Anniversary (1839–1889) of the Reunification with the Orthodox Church of the Western Russian Uniates: an Overview of the Events of Reunification during the Reign of Emperor Nicholas I]. Saint Petersburg : Sinodal'naia tip. [In Russian].

Shabatin, I. (1951). Iz istorii vossoedineniia belorusskikh uniatov [From the History of the Reunification of the Belarusian Uniates]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii*, (2), 35–47; (6), 59–63; (10), 47–54; (11), 51–60. [In Russian].

Shestitko, V., Priest. (2017). Personal'nyi sostav Sekretnykh komite-tov po uniatskim delam v 1835–1839 gg. [The Personal Composition of the Secret Committees on Uniate Affairs in 1835–1839]. *Khronos*, (4), 55–82. [In Russian].

Shavelsky, G., Archpriest. (1910). *Poslednee vozsoedinenie s pravoslavnoi tserkoviiu uniatov Belorusskoi eparkhii (1833–1839 gg.)* [The Last

Union with the Orthodox Church of the Uniates of the Belarusian Diocese (1833–1839)]. Saint Petersburg : Tip. “Sel’skogo vestnika”. [In Russian].

Iankovsky, P., Priest. (2004). *Zapiski sel’skogo sviashchennika* [Notes of a Village Priest]. Minsk : Sviato-Petro-Pavlovsky sobor. [In Russian].

Galadza, P., Priest. (1997). Liturgichne pitannia i rozvitok bogoslu-zhen’ naperedodni Beresteiskoi unii azh do kintsia XVII stolittia [Liturgical Question and Development of Divine Services on the Eve of the Brest Union up to the End of the XVII Century]. In *Beresteis’ka unii ta vnurishne zhittia Tserkvi v KhVII stolitti: materialy Chetvertikh Beresteis’kikh chitan’, L’viv, Luts’k, Kiiv, 2–6 zhovtnia 1995 r.* (pp. 5–6). Lvov : Institut Istorii Tserkvi L’vivs’koi Bogoslovs’koi Akademii, 1997. [In Ukrainian].

Dobrzyński, Z. (1992). *Prawosławni a grekokatolicy w dawniej Polsce : 2 cz.* [Orthodox and Greek Catholics in the Former Poland: 2 parts] (Part 2). Warszawa. [In Polish].

Kanfesiiny faktor u satsyial’nym razvitsi Belarusi (kanets XVIII — pachatak XX st.) [Confessional Factor in the Social Development of Belarus (Late XVIII — Early XX Century)]. (2015). Minsk : Belaruskaiia navuka. [In Byelorussian].

Kołbuk, W. (1998). *Kościół wschodnie w Rzeczypospolitej około 1772 roku* [Eastern Churches in the Republic around 1772]. Lublin : Instytut Europy Środkowo Wschodniej. [In Polish].

Mironowicz, A. (2008). *Diecezja białoruska w XVII i XVIII wieku* [The Belarusian Diocese in the 17th and 18th Centuries]. Białystok : Wydawnictwo uniwersytetu w Białymstoku. [In Polish].

Nazarko, Irinei, ChSVV. (1962). *Kiivs’ki i Galits’ki mitropoliti. Biografichni narisi (1590–1960)* [Kiev and Galician Metropolitans. Biographical Essays (1590–1960)]. Toronto : Vidavnistvo ottziv Vasiliian. [In Ukrainian].

Peri, V. (1995). Beresteis’ka unii u Rims’komu bachenni [Brest Union in the Roman Vision]. In *Istorichnii kontekst, ukladnennia Beresteis’koi unii i pershe pouiniie pokolinnia: materialy Pershikh Beresteis’kikh chitan’, L’viv, Ivano–Frankivs’k, Kiiv, 1–6 zhovtnia 1994 r.* (pp. 7–38). Lvov : Institut Istorii Tserkvi L’vivs’koi Bogoslovs’koi Akademii. [In Ukrainian].

Radwan, M. (2001). *Carat wobec kościoła grekokatolickiego w zaborze Rosyjskim 1796–1839* [Carat Against the Greek Catholic Church in the Russian Partition 1796–1839]. Roma; Lublin : Polski instytut kultury chrześcijańskiej. [In Polish].

Filatava, A. M. (1998). *Khrystiianskiia kanfesii paslia daluchennia Belarusi da Rasiiskai imperyi (1772–1860)* [Christian Confessions after the Annexation of Belarus to the Russian Empire (1772–1860)]. In *Kanfesii*

na Belarusi (kanets XVIII–XX st.) (pp. 5–28). Minsk : VP “Ekaperspektyva”.
[In Byelorussian].

About the author:

Archpriest Alexander Aleksandrovich Romanchuk — Candidate of Theology, Chair of the Synodal Historical Commission of the Belarusian Exarchate of the Moscow Patriarchate, Associate Professor of the Department of Church History and Church-Related Practical Disciplines of Minsk Theological Academy, Head of the Department of Church History and Church-Related Practical Disciplines of Minsk Theological Seminary, 55, Sobornaya str., Zhirovischi Agricultural Settlement, Slonim District, Grodno Region, Belarus, 231822, e-mail: romanchuk_alex@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 28.02.2024; approved after reviewing 14.03.2024; accepted for publication 15.04.2024.

Иерей А. С. Хотеев

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ,
МИНСК, БЕЛОРУССИЯ

Полоцкий Собор 1839 года: экклезиологический аспект

Аннотация. В статье предлагается анализ экклезиологических принципов, изложенных в Полоцком акте 1839 года. Обосновывается сама необходимость их рассмотрения для понимания сути принятого соборного решения и употребления соответствующей терминологии. Данный методологический подход сочетается с изучением исторического контекста упразднения унии. Акцентируется внимание на унии в смысле подчинения римскому папе, которое повлекло за собой признание всех особенностей католического вероучения и пагубно сказалось на сохранении в унии традиционных обрядов и восточной духовности. Наоборот, восстановление православного богослужения привело к оживлению церковного самосознания, помогло униатам обрести самих себя и выйти из подчинённого и подавленного состояния. Большую роль в этом сыграли лидерские качества епископа Иосифа (Семашко) и вообще молодого поколения униатских священников. Объясняется, почему Полоцкий акт содержит признание православного церковного статуса и не упоминает напрямую об отречении от власти римского папы и католической догматики, говоря только о внешней зависимости и неблагоприятных обстоятельствах, которые негативно сказались на церковной жизни в унии. Соответствующее признание православия на литовских и белорусских землях содержится в ответной грамоте

Святейшего Синода, почему униатские епископы принимаются в су- щем сане и более не требуется никакого формального акта вступ- ления в Церковь. В итоге автором делается вывод, что наиболее точно будет определять богословие Полоцкого Собора 1839 года как экклезиологию воссоединения разрозненных частей Русской Церкви. Только в связи с этим принятое на нём решение можно при- звать канонически оправданным и правомочным.

Ключевые слова: воссоединение униатов, канонические принципы, Полоцкий Собор, Иосиф (Семашко)

Для цитирования: Хотеев А. С., иерей. Полоцкий Собор 1839 года: экклезиологический аспект // Ортодоксия. — 2024. — № 3. — С. 54–79. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-3-54-79

Полоцкий Соборный акт стал выражением воли значительной ча- сти униатского духовенства, которое желало, чтобы бывшие некогда православными, но отторженные в унию чада Русской Церкви могли вос- становить с ней прежнее единство (Уния 1997: 489). В ответной грамоте Св. Синода говорилось о принятии бывших униатов в «полное и совер- шенное общение Святыя Православно-Кафолическия Восточныя Церкви и в нераздельный состав Церкви Всероссийския» (Иосиф (Семашко). Т. II. 1883: 92). Таким образом, в документах шла речь о воссоединении с униатами, об их возвращении, а не об акции прозелитизма. В связи с отмеченными определениями Полоцкого акта и грамоты Св. Синода встаёт вопрос об экклезиологических основаниях решения о воссоеди- нении и, соответственно, его реализации с канонической точки зрения. Сама постановка проблемы обуславливается встречающейся в настоя- щее время неустойчивостью терминологии («воссоединение», «присое- единение», «обращение (переход) униатов в Православие», «ликвидация унии», «отмена униатской церкви» и др.). Кроме того, прояснение эккле- зиологических оснований возвращения униатов даёт точное представле- ние о мотивах действующих лиц, о богословском понимании феномена унии. Наконец, ответ на вопрос о каноничности или неканоничности принятого в 1839 году решения, а по этому поводу давно ведётся конфес-

сиональная полемика, во многом зависит от адекватности понимания экклезиологии унии.

В качестве примера двух диаметрально противоположных точек зрения на каноничность Полоцкого Собора можно привести статьи православного канониста протодиакона Геннадия Малеева и униатского архим. Сергия (Гаека). Если первый её положительно утверждает (при этом, правда, не проводя различия между «воссоединением с Православием» и «присоединением к Православию») (Малеев 2009), то второй категорически отрицает, указывая, в частности, на антиканоническое вмешательство светской власти (Сергий (Гаек) 2009). Разрешение данного противоречия лежит в богословской плоскости, ведь сам феномен унии в принципе является противоречивым с точки зрения экклезиологии, на что уже отчасти обращалось внимание (Хотеев 2018). В связи с этим рассмотрение унии с точки зрения учения о Церкви представляется единственно возможным подходом, при котором находится объективное решение конфессионального противоречия: «воссоединение» или же «акция неканонического произвола»?

Применение экклезиологического подхода к рассмотрению Полоцкого Соборного акта в методологическом отношении предполагает определение конфессионального статуса унии («Униатской Церкви»), затем изучение изложенной в документе аргументации и далее оценки принятого решения в соответствии с действующими канонами.

По своему замыслу церковная уния есть восстановление разорванного единства между христианским Западом и Востоком. Не разбирая здесь известных из церковной истории попыток соглашения, которые реализовывались в конкретных политических обстоятельствах (унии 1274, 1439, 1596, 1646 годов с православными, а также соглашения римских пап с некоторыми иерархами древневосточных Церквей), следует заметить следующее. Во всех случаях речь идёт об исполнении заповеди о единстве учеников Христовых («да будут все едино» — Ин. 17: 21). По этой причине восстановление канонического (евхаристического) общения между церковными сообществами, имевшими некогда такое общение, но утратившими его друг с другом в результате богословских расхождений или из-за споров об иерархическом подчинении, есть возвращение к первоначальному единству.

Однако в случае с униями-подчинениями римским папам возникает специфическая проблема с определением изначального принципа церковного единения: является ли признание особых прерогатив католического

понтифика возвращением к первоначальной практике или же это объединение нового порядка с выдвиганием условия, которого Древняя Церковь не знала? Понятно, что с точки зрения католической доктрины полномочия римских пап ведут своё начало от ап. Петра, но доказательства этой доктрины подвергаются закономерным сомнениям и её навязывание служит камнем преткновения в деле восстановления церковного единства. Соответственно, согласие с подчинением Риму является главным условием с католической стороны, условием, которое влечёт за собой признание всех католических догматов, канонических и литургических декретов, провозглашённых через римских пап. Осознавая принципиальную важность такого требования, римские теологи силились обосновать положение, что папские прерогативы признавались изначально и повсеместно. Со своей стороны, противники такого мнения выдвигали свои аргументы, показывая, что это позднейшее изобретение не может считаться первоосновой церковного единства, следовательно, речь не может идти о восстановлении бывшего некогда общения, а об установлении новой формы церковного соглашения на основе подчинения — значит, это уже не воссоединение, а присоединение.

Применительно к Брестской унии следует заметить, что признание особых прерогатив римских пап было изначальным условием предполагаемого шага. В книге виленского проповедника иезуита Петра Скарги «О единстве костёла Божия под единым пастырем» (первое издание — 1577 год) автор вопрошал: «Как могла бы Церковь Божия на земле быть одним телом, если бы у неё не было одной головы? Как она могла бы быть единым домом, если бы в нём было много хозяев? Как могло бы быть одно стадо овец без одного пастыря?» Далее иезуит продолжал: без видимого посланца, который бы как ап. Пётр сотника Корнилия (Деян. 10) к истинной вере приводил, «не может быть на земле ни веры во Христа, ни крещения, ни других таинств»; духовно глава Церкви — Христос, а телесно — папа, наместник Христа: Один Невидимый Глава Свою Церковь Духом живит, а другой, видимый, через своих посланцев до слуха каждого небесную волю доносит (Памятники 1882: 274–276). Понятно, что такие рассуждения, характерные для католического теолога, подводили к унии в форме признания превосходства («зверхности») римского понтифика.

Эти католические аргументы вряд ли были новыми и по-особенному убедительными для православных Киевской митрополии. Суть унии как подчинения папе была, конечно, ясна западнорусским иерархам, решившимся на такой шаг. Начиная от совещания в Белзе (1590 год)

и заканчивая Соборной грамотой (1595 год) (Documenta: 8; Уния 1997: 93), в обращениях со стороны епископата Киевской митрополии повторялись слова о «послушенстве и зверхности столицы святое апостольское Римское». В последнем документе также указывалось, что владыки приступают «до згоды и соединенья, которую первой сего Церковь Восточная с Церковью Заходней мела» (со ссылкой на решение Флорентийского Собора). В присяге на унию представителей «клира и народа» Руси еп. Ипатия Потя и еп. Кирилла Терлецкого в Риме 23 декабря 1595 года католическое учение выражалось в виде развёрнутой формулировки: «[Верую] также, что святой апостольский престол и римский первосвященник во всём мире имеет первенство, что римский первосвященник является преемником блаженного Петра, князя апостолов, и истинным наместником Христа, главой всей Церкви, отцом и учителем всех христиан, что ему в лице блаженного Петра от Господа нашего Иисуса Христа передана полная власть пасти и управлять Вселенской Церковью, как это в деяниях Вселенских Соборов и святых канонах заключается» (Documenta: 213–214). Данная трактовка конкретизирует особенности католического учения о главенстве Римского епископа, которые в подготовительных документах озвучивались в общих выражениях. Западнорусские иерархи, будучи вполне убеждёнными во всех обозначенных положениях римской экклезиологии или же согласившись без особых размышлений с предложенными формулировками (собственно, это не имеет значения), присягнули на унию, исповедуя вероучение Католической Церкви.

Римский папа Климент VIII в конституции от 23 декабря 1595 года по поводу унии, со своей стороны, заявил, что Киевский митрополит с епископами «должным образом отступили от ересей, ошибок и от осуждённой и отвратительной схизмы, которой принадлежали; и при этом готовы открыто исповедовать католическую веру по заповеданной форме, а также нам и апостольскому престолу явить истинное послушание, в связи с чем во славу Божию постановляем русским епископам и народу быть допущенными к телу Церкви и принятыми к общению и единству Римской Церкви» (Documenta: 220). В своей оценке совершившегося папа значительно преувеличил желание западнорусских епископов отступить от «схизмы и ересей» восточного вероисповедания, поскольку те в своём соборном обращении как раз просили оставить их «при вере, сакраментях и всех церемониях и обрядах Церкви Восточное» (Уния 1997: 94). Очевидно, в их понимании уния представлялась суммой

вероучительных положений обоих исповеданий, когда православные догматы дополнялись бы, а не отменялись католическими. В случае же различия обрядов, выражающих разницу веры, они просили оставить обряды восточные. Такой подход означал бы смену юрисдикции патриарха Константинопольского на иерархическую зависимость от папы римского. Однако католическая сторона перенесла вопрос из сферы церковного управления в область экклезиологии, потребовав от решившихся на унию епископов католического исповедания веры по формулам Тридентского Собора (Denzinger 2007: 605). Что же касается восточных обрядов, их униатам было позволено сохранять «если только (*dummodo*) они не противоречат догматам и учению (*veritati et doctrinae*) Веры Католической и не препятствуют общению с Римской Церковью» (Documenta: 244). Понятно, что такая оговорка могла трактоваться весьма широко в зависимости от обстоятельств, открывая возможность сближать оба обряда для выражения одной веры.

Итак, уния в порядке своего заключения в 1595 году (в следующем году в Бресте она была просто обнародована) содержала такие экклезиологические принципы:

а) воссоединение как возвращение к изначальному (с католической точки зрения) согласию Запада и Востока в признании главенства папы римского (данный пункт западнорусскими епископами принимался со ссылкой на решения Флорентийского Собора);

б) признание всего объема католического вероучения по формулам Тридентского Собора с осуждением «греческой схизмы»;

в) условное сохранение восточных обрядов, если они не противоречат католической вере и заключаемой унии;

г) в общение с Римом принималась не «Церковь», а «русский клир и народ» (*clerus et populus Nationis Ruthenae*), т. е. уния рассматривалась как частное присоединение сообщества «схизматиков».

Последний пункт нуждается в пояснении. По католическому учению, отступившие от согласия с Римом Церковью уже не являются, следовательно, не может быть и речи ни о каком «союзе Церквей». Данный пункт корректировал пункт первый в том смысле, что Флорентийский Собор был собранием, на котором были представители практически всех Поместных Православных Церквей, в настоящем же случае иерархи Киевской митрополии, понятно, могли представлять только региональную организацию одного Константинопольского Патриархата (да и то не весь русский «клир и народ», как было заявлено в документах унии,

а только их неопределённую часть, поскольку переговоры об унии велись тайно по собственному почину епископата и на них не было дано согласие никакого местного Собора). Соответственно, ссылка на изначальное единство и решения во Флоренции — это, по сути, обоснование унии богословски спорным тезисом и историческим прецедентом, но не подтверждение её изначального и затем прерывающегося существования. Фактически единство с Востоком постулировалось в прошлом и планировалось в будущем, а пока в настоящем совершалось присоединение национальной группы («русских схизматиков»), а не Церкви.

В связи с этим возникает ещё одно наблюдение. Брестская уния не является восстановлением церковного единства ещё и по той причине, что «клир и народ» Руси не имел его с Римом ранее. Признание главенства папы в католической трактовке было предметом конфессиональных споров, доводом чисто умозрительным. Вера и духовный уклад жизни объективно связывали Киевскую митрополию с Восточной Церковью. Соответственно, осуществление унии на деле предполагало не декларативную связь с Римом, а переход от умозрительной связи к зависимости видимой и эффективной. Конечно, от времени заключения унии её поддерживало правительство Речи Посполитой из видов политических. Однако кроме этого внешнего влияния необходима была действенная связь, скреплявшая иерархическое подчинение. Отсюда вытекала латинизация унии, выразившаяся в реорганизации униатского монашества по образцу иезуитского ордена, а также в разрешении вступать в него лицам латинского обряда, преданных католическому вероисповеданию. Латинизация проявилась также в постепенном превращении восточного облика унии (архитектуры церквей, богослужения, одеяния священников) в латинский. Всему этому помогали и внутренние обстоятельства: сословный престиж латинского обряда («панская вера»), привилегированное положение латинской иерархии в Речи Посполитой (заседание бискупов в сенате, взимание десятины с униатов в пользу латинского духовенства). Таким образом, объявленное в 1596 году в Бресте воссоединение на деле оказалось присоединением, т. е. фактически началом обращения униатов в латинство (прозелитизмом).

Говоря о ситуации, в которой оказались униаты, Мелетий Смотрицкий писал во «Фриносе» (1610 год): «Мы, Русь восточного послушания и вероисповедания, являемся приверженцами чисто греческо-кафолической религии; польские паны и Литва — западного послушания и вероисповедания — чисто римско-католической религии. Они

же между нами и приверженцами римской религии представляют собой что-то ненастоящее, нечто неискреннее, притворное, надуманное, ни то ни сё» (Уния 1997: 176). Известно, что сам Мелетий Смотрицкий впоследствии перешёл в унию и из её противника сделался защитником. Это был пример человека увлекающегося, талантливого по своему уму и литературным способностям, который оказался в трудных условиях жизненной борьбы и после колебаний, воодушевлённый пафосом уберечь восточное исповедание, выбрал путь для себя более лёгкий и престижный. Но многие наблюдения, высказанные им, не лишены основательности. Это свидетельство современника, близкого ко времени заключения унии.

Здесь уместно привести рассуждение религиозного философа А. С. Хомякова, который в полемике с русским иезуитом о. Иваном Гагариным в 1853 году тонко подметил двусмысленное положение униатов в Католической Церкви. Он обращает внимание на неравноправное состояние в католичестве восточных христиан, признающих главенство римского папы. Ситуацию философ изображает в виде диалога: на каком основании восточные принимаются в общение. «В равенстве христианского братства? — “Пожалуй”, ответит латинянин, несколько помявшись. Значит: и в равенстве прав на епископство, на кардинальство и на папство, на которое все сыны Церкви, очевидно, имеют равное право? — “Что вы!” восклицает утращённый латинянин, “куда забрели вы! Мы принимаем вас, но как детей, не более, с даруемою вам привилегией на невежество и, говоря откровенно, на бессмыслие”» (Хомяков 1886: 188).

Под невежеством и бессмыслием автор понимает несуразное сложение двух богословских систем (католической и православной), принципиальное несходство которых он видит, кроме известных богословских расхождений в учении о Святом Духе и др., ещё и в трактовке самой основы церковного единства: согласие как подчинение всех одному (римскому папе) и согласие как результат единомыслия всех. Для католичества характерно первое, а для православия — второе. Соответственно, оставляя униатам форму восточного вероисповедания (обряды и другие традиции), Рим признаёт их исключительные права, но не приглашает их к участию в высшем церковном управлении, например, не допускает, чтобы римским епископом стал клирик восточного обряда.

В другом месте А. С. Хомяков пишет: «Что папство изобрело Церковь Греко-униатскую — это понятно. Церковь-государство может, если ей заблагорассудится, пожаловать некоторые права гражданства бывшим своим восточным братьям, которых она же некогда объявила илотами

в области веры; она может дать им эти права в награду за смиренное их подчинение авторитету папы, не требуя от них единства веры, выраженной в символе. Истым латинянам такие полу-граждане, конечно, ничего более не внушают кроме жалости с примесью презрения; но они пригодны и полезны как союзники против их восточных братьев, которым они изменили, уступая гонению. До настоящих римских граждан им, разумеется, далеко, и ни один богослов, ни один учитель не взялся бы доказать логичности их исповедания; это нелепость терпимая — не более» (Хомяков 1886: 70). В контексте таких рассуждений видного русского философа открывается, насколько Брестская уния от самого своего начала имела неустойчивый, подчинённый статус, обусловленный противоречивостью её оснований именно с точки зрения экклезиологии.

С учётом сказанного понятно, почему Полоцкий акт 1839 года содержит значительную по объёму историческую преамбулу. Здесь говорится о начальной принадлежности униатов Православной Восточной Церкви, о бытии издревле частью Греко-Российской Церкви и русского народа. Затем о политическом отделении западнорусских областей, последующем отторжении от католического единства с Русской Церковью и подчинении Римской Церкви. После отмечается право сохранять свой язык и богослужение, которое нарушалось стремлением государства (Речи Посполитой) и латинского духовенства изгладить особенные обычаи и традиции унии, чтобы совершенно последнюю уничтожить (латинизация унии). Также говорится о первом возвращении униатов в православие после третьего раздела Речи Посполитой. Особенно отмечается независимое положение униатской церкви в царствование императора Николая Павловича, поднятие уровня духовного образования, восстановление храмового благолепия по правилам Восточной Церкви. Наконец, для упрочения данного порядка, внутреннего спокойствия и духовного преуспеяния делается необходимым полное восстановление прежнего единства с Русской Церковью (Уния 1997: 487–489).

Полоцкий Соборный акт известен в виде, опубликованном в журнале «Христианское чтение» в 1839 году, по которому сделаны позднейшие издания (Уния 1997: 487–489), и в чёрновом варианте, авторства Преосвященного Иосифа (Семашко) (Иосиф (Семашко). Т. II. 1883: 85–87). Разница между обоими текстами разве что в словах и стилистических оборотах. По смыслу же они идентичны, из чего можно сделать вывод, что идейное содержание самого обращения принадлежит Семашко.

В историческом введении данного документа в экклезиологическом контексте обращают на себя внимание следующие положения: наименование униатов Церковью, указание на изначальное единство (союз) с Церковью Востока, принадлежность национальная русскому народу и духовная — Русской Церкви, обозначение унии как подчинение власти Римской Церкви, опасность латинизации и восстановление в унии восточного богослужения и порядка, из чего следует вывод: «Мы и прежде отделены были от древней матери нашей Православно-Кафолической Восточной и в особенности Российской Церкви, не столько духом, сколько внешней зависимостью и неблагоприятными событиями; ныне же, по милости Всещедраго Бога, так снова приблизились к ней, что нужно уже не столько восстановить, сколько выразить наше с нею единство» (Уния 1997: 489). Примечательно, что в Полоцком акте нигде не встречается прямого выпада против римского папы и католического вероучения, только против латинского духовенства.

Дело представляется таким образом, что процесс обновления униатской церкви, т. е. возвращение к первоначальному её устройству и восточным обрядам, требует своего естественного завершения — признания канонического единства с Восточной Церковью в лице её поместной структуры — Русской Церкви. Создаётся впечатление, что униаты не исповедуют католическую догматику, не признают римского епископа особенным главой Вселенской Церкви. Всё, что отделяет их от Церкви Восточной — латинские обычаи, — очищено, «неблагоприятные обстоятельства» (очевидно, бесправное положение в католическом государстве) — в прошлом, осталась только «внешняя зависимость» (от Рима), но и она настолько формальна, что о ней есть только упоминание вскользь. Так, подле Греко-Российской Церкви появляется её обновлённая часть — Церковь также, по существу, Православная и Русская, но оказавшаяся на время из-за «неблагоприятных событий» под римским ярмом. По этой причине в Соборном акте не идёт речи о каком-либо раскаянии, отречении от заблуждений, смиренной просьбе принять в церковное общение. Униатское духовенство обращается как бы к самому себе: «Признать вновь единство нашей Церкви с Православно-Кафолическою Восточною Церковью, и посему пребывать отныне, купно со вверенными паствами, в единомыслии со Святейшими Восточными Православными Патриархами и в послушании Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода» (Уния 1997: 489). Таким образом, Полоцкий акт написан с подчёркнутым сознанием своего церковного достоинства, нет

никакого признания раскола или догматического отступничества, делается заявление: мы — православные, русские — выражаем своё единство с Православной Церковью.

Как отнестись к такой трактовке? Это, безусловно, полный разрыв с католической сутью Брестской унии, разрыв не просто с подчинением римскому папе в настоящем, но и переосмысление униатского прошлого. Это свидетельство о глубоком внутреннем перевороте, который может происходить в душе отдельного человека, но проецируется на целое общество. Такая перемена сознания была, конечно, не у всей униатской паствы и, вероятно, не у всего и даже не у большинства униатского духовенства, давшего свои подписки, но, безусловно, у самой образованной, молодой его части. Совершается обретение самих себя, выход из неопределённого состояния «ни то ни сё». В этом отношении возрастает роль еп. Иосифа (Семашко) как настоящего духовного лидера, который, будучи уверен сам, действовал убеждением на всех остальных.

«С давнего уже времени, — писал он в прошении императору Николаю I 15 мая 1833 года о желании присоединиться к православию, — я глядел на полтора миллиона своих единоверцев не без тягостного ощущения. Мы, русские, дети Греко-Российской Восточной Церкви, отторжены от общего тела старших наших братьев политическими видами бывшего польского правительства и общества иезуитов. Более двухсот лет мы были игрищем партий, взаимно между собою враждовавших; нас угнетали, нас уничижали, у нас отнимали наши права, наши постановления, искажали прекрасное наше богослужение: и за всё нами претерпленное, за всё отнятое мы получили несколько так называемых догматов веры, неизвестных древней христианской Церкви, а изобретённых на Западе, во времена варварства средних веков, духовенством, в самом грубом невежестве находившимся. Поставленные ныне между римским обрядом, который, вспомоствуемый многими клеветами из самого нашего духовенства, стремится более и более изменить нас в народ, чуждый России и Православию... (униаты. — А. Х.) обретут спокойствие лишь тогда, когда обратятся в лоно Греко-Российской Церкви и сольются в одно могущественное тело россиян» (Иосиф (Семашко). Т. I. 1883: 622).

Экклезиологические взгляды Преосвященного Иосифа (Семашко) обстоятельно рассмотрены в превосходной монографии прот. Александра Романчука (Романчук 2018: 238–249). Униатский прелат вполне осознанно стремился к переходу в православие, что было личным выбором его совести, а это с точки зрения права на свободу перемены внутренних

убеждений признаётся практически в любом христианском исповедании. Иными словами, нельзя упрекать его за смену конфессиональных воззрений. Однако в своих мыслях еп. Иосиф (Семашко) оказался не одинок. Его ближайшие сотрудники в деле воссоединения униатов каждый по-своему пришли к тем же убеждениям. Так, еп. Василий (Лужинский) считал себя продолжателем митр. Ираклия (Лисовского), который будто бы ещё в 1799 году начал сближение с православием, затем в том же направлении якобы действовали архиеп. Иоанн (Красовский) и митр. Григорий (Коханович), т. е., по его мнению, имелась уже целая плеяда сторонников воссоединения (Василий (Лужинский) 1881: 383). Другой помощник Преосвященного Иосифа (Семашко) еп. Антоний (Зубко) в своих воспоминаниях говорит о том, что пришёл к мнению об истинности православия путём исследования благодаря образованию в Главной семинарии при Виленском университете (Антоний (Зубко) 2019: 43). При этом оба признают, что во многом следовали примеру Семашко, отличавшегося знаниями, решительностью и настойчивостью (Василий (Лужинский) 2019: 53; Антоний (Зубко) 2019: 62).

Как сам Преосвященный Иосиф, так и его ближайшие сотрудники много действовали убеждением, беседами при объезде епархий, подводя униатских священников к мысли о воссоединении. Вот что об этом вспоминает, например, еп. Антоний (Зубко): «Более просвещённое белое духовенство [...], способное убедиться доказательствами, было уверено в правоте Православной Церкви [...]. Большинство белого унитского духовенства, необразованное, неспособное понимать доказательств, бессознательно веровало в превосходство римского католицизма, но эта вера была слаба; её не подогревала симпатия пропагандистов-панов, ксендзов и прежнего греко-унитского начальства, заботившегося более о разных поборах со священников, нежели об их духовном образовании и благосостоянии, поэтому оно было склонно примкнуть к той стороне, которая оказала бы ему сочувствие. Белое духовенство видело, что новые, просвещённые иерархи, поступившие из его среды, а не из римско-католиков, не только освободили его от всех налогов, прежде взимавшихся со священников, но старались о заведении небывалых прежде училищ и семинарий для детей духовных и с усердием и бескорыстно занимались воспитанием их. Поэтому духовенство во всём доверяло своим иерархам. Я удостоверился в том, беседуя со священниками, приезжавшими по делам в Жиговицы, и во время многократных объездов епархии. [...] я убедился в склонности их воссоединиться с Греко-Российскую Церковью.

Поэтому я и попросил моего правящего архиерея, архиепископа Иосифа, разрешить мне принимать от священников подписки о желании их воссоединиться с Православием» (Антоний (Зубко) 2019: 64–70).

О своих усилиях по убеждению униатского духовенства свидетельствует также еп. Василий (Лужинский): «Должно было мне самому непосредственно действовать внушениями, вразумлениями на каждого в собственном его доме, наедине, лицом к лицу» (Василий (Лужинский) 2019: 100).

В таких беседах, по признанию еп. Антония (Зубко), зачастую делался акцент на общности многих догматов католической и православной веры (Антоний (Зубко) 2019: 72), то есть внимание обращалось главным образом не на отречение от латинских мнений, а на сохранявшиеся в унии догматы Греко-Восточной Церкви, издревле присущие обоим вероисповеданиям.

В самом деле, восстановленное в унии в ходе литургических реформ 1830-х годов восточное богослужение зримым образом исповедовало православие, в то время как католические догматы становились всё более и более умозрительными. Неслучайно многие священники, давая расписку в том, что они будут совершать службы по служебнику московской печати, понимали дело так, что они присоединяются к Православной Церкви (Иосиф (Семашко). Т. I. 1883: 19). Таким образом обходилось естественное затруднение, обусловленное консервативностью убеждений духовенства, которое веками воспитывалось в верности отеческой традиции, в то время как требование отречения от католической догматики обострило бы у него культивируемое много лет ощущение принадлежности к Римской Церкви. Соответственно, на первый план выносилось как раз требование соблюдать формы праотеческой веры, и консервативность как психологическая установка из возможного препятствия к движению в православие становилась его стимулом.

Впрочем, нельзя игнорировать случаи, когда униатские священники, не имея формальных оснований для протеста против восстановления иконостасов, обратного переноса престолов в центр алтаря и возобновления правильного порядка восточного богослужения, оставались при латинских мнениях как раз по причине верности уже сформировавшейся в унии католической традиции. Об этом свидетельствует, в частности, «Исповедание веры Греко-Униатской Церкви» (1839), подписанное 42 священниками Белорусской епархии (Уния 1997: 483–486). В документе речь идёт о признании католического Символа веры, числа Вселенских

Соборов по обыкновению Римской Церкви, чистилища, одинакового значения опресноков и квасного хлеба, особенного начальственного права римских пап и вообще всего, что утверждает католическая вера. Так что находились униатские священники, которые понимали, что переход в православие есть отречение от католичества, были с этим не согласны и свидетельствовали о своей верности латинскому исповеданию. С учётом таких настроений в Полоцком Соборном акте пункт об отказе от особенностей римского учения не акцентируется. Однако, как уже было отмечено, это нельзя объяснять одними «тактическими» соображениями: экклезиология воссоединения предполагала, прежде всего, внутреннее существование православия в унии, которое сохранялось под видом внешней зависимости от Рима.

Важным аспектом этой внутренней связи оставалась этнокультурная принадлежность «Руси», на что указывается в Полоцком акте словами: «Предки наши, по языку и по происхождению, всегда составляли часть русского народа» (Уния 1997: 488). Таким образом, восстановление церковного единства мыслилось ещё и как выражение единства национального. Собственно, к экклезиологии это указание прямого отношения не имеет, но в начатом деле оно объясняет обращение именно к Русской Церкви. Напомним, что в унию с Римом в 1596 году принимались «русский клир и народ» и сознание своей русскости униаты продолжали сохранять. Неслучайно униатский архим. Игнатий Кульчинский (†1747) в своём сочинении «Specimen Ecclesiae Ruthenicae» («Образ Русской Церкви») перечисляет святых не только Литовской, но и Московской Руси: Дмитрия Прилуцкого, Евфимия Суздальского, Макария Калязинского, Сергия и Никона Радонежских, а в одном месте мечтает: «Хотелось бы, чтобы большая и наиболее знатная часть, то есть Верхняя Русь, объединилась с Нижней Русью, чтобы стать одним стадом под одним верховным пастырем, Римским понтификом» (Kulczynski 1733: 141).

Впрочем, к началу XIX века русское национальное самосознание в унии хоть и сохранялось, но находилось в презрении, элитарной была польскость. По этому поводу униатский архипресвитер Михаил Гарашевич (†1836) вспоминал мысль поэта Адама Мицкевича: «Что это была за сила, которая подняла польскую народность, распространила её в русских землях и уже изгнала русскую народность из этих земель за Днепр? Этой силой, отвечает он, была [Польская] Церковь, которая пропандировала дело польской национальности» («Quae erat haec potestas, quae levabat nationalitatem polonicam, eam in terris ruthenis dilatabat, jam

autem nationalitatem ruthenam ex iis terris trans Dnieprum propulsabat? Haec potestas erat, respondet idem, Ecclesia [polonica], quae rem nationalitatis polonocae promovebat» (Harasiewicz 1862: VI).

В 1839 году объединение Великой и Белой Руси производилось в обратном направлении. Преосвященный Иосиф (Семашко) старался в униатском духовенстве «возжечь родственные чувства русского духа», для чего «возобновлялась при каждом удобном случае память их русского происхождения, претерпенные ими от поляков угнетения и отеческое о них попечение русского правительства. Могу уверить, что чуждая прежде мысль, гордиться именем и происхождением русского, ныне драгоценна для весьма значительной части подчинённого мне духовенства». Так писал он в докладной записке от 3 октября 1837 года (Иосиф (Семашко). Т. II. 1883: 18, 36). В соответствии с этим возвращение униатов в Православную Церковь должно было осуществляться через вступление в Поместную Русскую («Греко-Российскую») Церковь, хотя униатская иерархия в XVI веке выходила из юрисдикции Константинополя, а не Москвы. Но именно таким образом восстанавливалось каноническое единство униатских Литовской и Белорусской епархий с епархиями восточно-русскими, которое было гораздо раньше (до середины XV века) при Киевских митрополитах свв. Петре, Алексии, Киприане и Ионе, пребывавших в Москве. Конечно, это было прежде всего духовное воссоединение с православными белорусами Минской, Полоцкой и Могилевской епархий, уже находившихся в юрисдикции Российского Св. Синода.

Переходя теперь к каноническому аспекту Полоцкого акта 1839 года, необходимо сразу оговориться, что Полоцкий Собор не организовывался в виде заседания с протоколом, председателем и обсуждением предложенного вопроса. Фактически это было соборное служение высшего униатского духовенства, на котором подготовленный и подписанный текст от лица духовенства униатской Литовской епархии был дополнен подписями представителей Белорусской епархии. Подписанный акт даже не обнародовался. Впрочем, на литургии не поминался римский папа, а перечислялись православные патриархи и епископат. Обращает на себя внимание также то, что по своей форме составленный документ был обращением к российскому императору, а не Св. Синоду. После подписания Акта о воссоединении и прошения на имя императора, по свидетельству еп. Василия (Лужинского), «сие деяние свое заключили мы горячим

молением в Полоцком кафедральном соборе в Неделю Православия, да Всевышний Глава Церкви и Господь Иисус Христос подаст успех твердому намерению нашему положить во имя Его Святое конец разделению Русских Церквей» (Василий (Лужинский) 2019: 127).

Теперь от рассмотрения еклезиологических положений Полоцкого акта есть смысл обратиться к их реализации с точки зрения церковного права. Согласно каноническим правилам (1-е правило св. Василия Великого; VI Вселенский Собор, правило 95), принятие в Православную Церковь совершается при условии исповедания православной веры и отречения от бывших заблуждений тремя способами: Крещением и Миропомазанием (иноверцы и еретики), только Миропомазанием (раскольники, не имеющие правильного священства и таинств), только через отречение и Покаяние (нарушители церковной дисциплины). Речь идёт главным образом об обращениях частного характера. Однако в случае принятия в Церковь лиц епископского сана без какого-либо действия принимаются и их общины (св. Василий Великий в 1-м правиле: «Братий Зоина и Саторнина, бывших в их обществе, мы прияли на кафедру епископскую: почему соединенных с их обществом уже не можем строгим судом отчуждати от церкви, постановив, принятием епископов, как бы некое правило общения с ними»). Таким образом, канонические правила предусматривают два момента: открытое исповедание православных убеждений и совершение священнодействия вступления в Церковь (Крещения, Миропомазания, Евхаристии). Униаты по их вероисповеданию считаются католиками, почему для них должен был применяться третий чин приёма в Православную Церковь. Однако в 1839 году этот чин присоединения в полном виде не применялся. Почему?

На этот счёт имеет смысл привести цитату из докладной записки Преосвященного Иосифа (Семашко) от 1 декабря 1838 года «О способах порешить окончательно воссоединение униатов с Православной Церковью»: «Требовать ли формального согласия всех униатских прихожан и совершать над ними обряд присоединения? Но это послужило бы только к возбуждению сомнений в сердцах простых, следующих руководству своих пастырей, а не собственным выводам. Народ униатский, за весьма малым исключением, таков почти ныне, каков был до обращения его в унию и будет православным, как скоро его пастыри будут православны. Сверх того, требование согласия предполагает и несогласие; а подчинённость всех почти униатов помещикам римского исповедания

дала бы сим последним случай возмущать своих крестьян, если бы от них требовалось согласие формальное.

Составить ли Собор из униатского духовенства, который бы определил присоединение униатов к Православной Церкви? Но Собор такой должен предполагать общее единодушие: а такового ещё нет между униатским духовенством, да и быть не может, как и во всех делах человеческих. Следовательно, сильные властью помещики западных губерний римляне легко могут возбудить к протестации некоторых неблагонадёжных униатских духовных, особенно в большом числе находящихся по Белорусской епархии.

[...] лучше всего, кажется, обратиться к предположению, давно уже удостоившемуся Высочайшего одобрения, то есть подчинить униатов ведению Святейшего Синода силою Высочайшего именного указа» (Иосиф (Семашко). Т. II. 1883: 79–80).

Эти рассуждения еп. Иосифа (Семашко) представляются вполне резонными с практической точки зрения, но к ним необходимо пояснение канонического характера. В рассматриваемой программе действий как будто отсутствует принципиальный момент выражения согласия с новым вероисповеданием. Нет отречения от католического вероучения, нет и принятия православных догматов как чего-то нового, то есть нет самого перехода из унии в православие. Это обусловлено тем, что в экклезиологии воссоединения речь идёт о восстановлении в унии православной самоидентификации, а не о переходе из одного вероисповедания в другое. Эту мысль еп. Василий (Лужинский) объяснял так: «Населённый народ [...] не знал о наших намерениях, стремлениях и действиях; он только с большой осторожностью в словах был приуговоряем через приходских священников к Православию внушениями ему, что так называемая греко-униатская вера есть древняя греко-восточная, догматами и обрядами отличная от римской и напротив того ничем не различествующая с православной, почему и должна называться православной, т. е. правой верой, а о воссоединении его с Православной Российской Церковью и намек перед ним не делалось» (Василий (Лужинский) 2019: 127). Не делалось потому, что Русскую Церковь в народе по привычке считали схизматической, ещё нужно было время, чтобы был сломлен этот стереотип о братьях по вере. При таком подходе теряли значение канонические чины приёма, поскольку униатам соглашаться нужно было не с принимающей стороной, а с самими собой, со своим изначальным исповеданием. Как же быть

с отречением от католического вероучения? Оно прямо не озвучивалось, а заключалось во фразе Полоцкого акта: «Признать вновь единство нашей Церкви с Православно-Кафолической Восточной Церковью». Это значит — возвратиться к состоянию до-унии, отказаться от подчинения Риму и католической догматики.

К слову, против формулировки о признании единства с Восточной Церковью католики не могли возражать, поскольку принадлежность западнорусов до унии Восточной Церкви есть неоспоримый факт. Другое дело возражать против отказа от католического вероучения, но в Полоцком акте напрямую об этом не говорится. Оформляется как будто переход из одной юрисдикции в другую, от папы римского к Св. Синоду. И здесь католическая сторона могла бы ответить несогласием выдать свою «отпускную грамоту». Однако, объявляя унию в 1596 году, в Риме обошлись без аналогичного разрешения патриарха Константинопольского. Кроме того, поскольку между Восточной Церковью и Римской нет канонического общения, не может быть и речи о признании переходов целых епархий в другую юрисдикцию.

Что же касается богослужебного чина самого принятия униатов в православие, то он совершился совместной молитвой в день 30 марта, когда в собрании Св. Синода в присутствии еп. Иосифа (Семашко) была зачитана соответствующая грамота, затем последовал благодарственный молебен и Преосвященным Иосифом принесена архиерейская присяга по православному образцу (Иосиф (Семашко). Т. I. 1883: 125–126). Так как в общение принимались епископы с подведомственным духовенством, никакого особенного чина приёма для их паствы уже не требовалось (см. уже упомянутое 1-е правило св. Василия Великого). В дальнейшем состоявшееся объединение подтверждалось общими служениями православного и воссоединённого духовенства.

В грамоте Св. Синода от 30 марта 1839 года, которая была составлена самим еп. Иосифом (Семашко) вместо слишком «приказного» варианта митр. Московского свт. Филарета (Иосиф (Семашко). Т. I. 1883: 126), говорилось о принятии в полное и совершенное общение Восточной Церкви иерархии и паствы Литовской и Белорусской епархий. Здесь же особенно отмечалось восстановление в унии восточного богослужения, проникнутого православной догматикой. Обращает также на себя внимание, что униаты здесь называются Церковью (Иосиф (Семашко). Т. II. 1883: 91–92). Таким образом, экклезиология воссоединения получает своё признание и завершение с православной стороны.

Поводя итог предпринятому изучению, нужно сделать следующие выводы:

1. Экклезиологическим основанием Полоцкого акта 1839 года была сохранявшаяся в унии память о принадлежности к Восточной Церкви, которая была запечатлена в восточных обрядах и актуализировалась литургической реформой, проводившейся накануне Полоцкого Собора. Консервативность, характерная для церковного сознания, включала в себя представление о верности отеческой вере, т. е. о её правильности. Именно это убеждение стало главным принципом, который определил готовящееся церковное решение как воссоединение с Православной Церковью.

2. В Соборном акте большинства духовенства Литовской и Белорусской епархий речь идёт о признании себя Церковью, а не расколом или отпадением в инославие. Поскольку совершалось восстановление канонического общения с бывшими униатскими епископами литовско-белорусских епархий, подведомственного им духовенства и паствой, не потребовалось никакого иного чина приёма, кроме согласия со стороны Св. Синода с их признанием себя православными, архиерейской присяги Преосвященного Иосифа и совместного богослужения.

3. Вопрос с исповеданием католического вероучения в связи с воссоединением решался не в виде отречения от известных положений римской догматики, а в форме утверждения исповедания веры, свойственного православным Киевской митрополии до заключения унии в 1595–1596 годах. Сама уния с Римом характеризовалась как внешняя зависимость, обусловленная неблагоприятными обстоятельствами, т. е. как явление временное и условное. В историческом контексте уния определялась в Соборном акте как подчинение римскому папе, приведшее к негативным последствиям (латинизации).

4. Проповедниками экклезиологии воссоединения стали Преосвященный Иосиф (Семашко) и его ближайшие сотрудники, вообще молодая и наиболее образованная часть белого униатского духовенства. Их активность и лидерские качества вызвали доверие у паствы и старшего поколения униатских священников.

5. Установление церковной связи Литовской и Белорусской епархий со Св. Синодом было восстановлением первоначального единства Русской Церкви, свидетельством общности русского самосознания.

С учётом сказанного трактовка события 1839 года как воссоединения униатов является адекватной тому представлению, которое имели

сами его участники. Некорректными выглядят термины «присоединение», «обращение (переход) униатов в Православие», подразумевающие прозелитизм. Неуместно также говорить об уничтожении или ликвидации «Униатской Церкви», поскольку речь шла только об отмене унии, а не самой Церкви, которая в виде правильной организации из епархий Литовской и Белорусской (Полоцкой) вошла в юрисдикцию Святейшего Правительствующего Синода.

Нет оснований говорить и о каноническом произволе Полоцкого Собора, который в экклезиологическом контексте должен рассматриваться как выражение соборного голоса униатской иерархии, вполне осознанно утверждающей свой православный церковный статус. Без учёта богословия, изложенного в Полоцком акте, принятие униатов как католиков (без отречения от католической догматики и признания православного вероисповедания) было бы проблемой в каноническом отношении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Антоний (Зубко), архиеп. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России. — Минск : Медиал, 2019. — 240 с.

Василий (Лужинский), архиеп. Записки о воссоединении греко-униатского духовенства и народа в Белоруссии и на Волыни с Православной Церковью // Русский архив. — 1881. — Кн. 2, № 4. — С. 380–387.

Василий (Лужинский), архиеп. Записки. — Минск : Медиал, 2019. — 240 с.

Иосиф (Семашко), митр. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академией наук по завещанию автора : в 3 т. — СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1883. — Т. 1. — 745 с.

Иосиф (Семашко), митр. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академией наук по завещанию автора : в 3 т. — СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1883. — Т. 2. — 786 с.

Малеев Г., протоиак. Полоцкий церковный Собор 1839 г. : канонические аспекты // Хрысціянства у гістарычным лёсе беларускага народа. Частка 1. — Гродна, 2009. — С. 285–291.

Памятники полемической литературы в Западной Руси. — СПб., 1882. — Кн. 2. — 1818 сб.

Романчук А., прот. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: очерк жизни и церковно-общественной деятельности. — М. ; Минск : Издание общества любителей церковной истории, 2018. — 443 с.

Уния в документах : сб. / сост. В. А. Теплова, З. И. Зуева. — Минск : Лучи Софии, 1997. — 520 с.

Хомяков А. С. Полное собрание сочинений : в 2 т. — М. : Университетская тип., 1886. — Т. 2. — 450 с.

Хотеев А. С. Уния 1596 года и воссоединение 1839 года: принципы и условия. — Аспект. — 2018. — № 2. — С. 3–12.

Сергий (Гаек), архим., Сапунко О. Царкоўны з'езд у Полацку 1839 г. — пытанне пра яго кананічнасць // Хрысціянства у гістарычным лёсе беларускага народа. Частка 1. — Гродна, 2009. — С. 301–305.

Denzinger H. Enchiridion symbolorum definitionum et declarationum de rebus et morum. — Freiburg. 2007. — S. 1811.

Documenta unionis Berestensis ejusque auctorum // Analecta OBSM. — Romae 1970. — Sectio III. — Series II. — 540 p.

Harasiewicz M. Annales Ecclesiae Ruthenae. — Leopoli, 1862. — 1184 p.

Kulczynski I. Specimen Ecclesiae Ruthenicae. — Romae, 1733. — 351 p.

Сведения об авторе:

Иерей Алексей Сергеевич Хотеев — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси, 220072, Белоруссия, Минск, ул. Академическая, 1, e-mail: hoteev@tut.by

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 24.02.2024; одобрена после рецензирования 28.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.

The Church Council of Polotsk (1839): Ecclesiological Considerations

Abstract. The article provides an analysis of the ecclesiological principles outlined in the conciliar petition of the Church Council of Polotsk in 1839. The necessity of considering them is justified to understand the essence of the conciliar decision adopted and the use of appropriate terminology. This methodological approach is coupled with an examination of the historical context surrounding the abolition of the union. Attention is focused on the union in terms of subordination to the Pope, which involved the acknowledgment of all the aspects of the Catholic faith and had a negative impact on the preservation of traditional rituals and Eastern spirituality within the union. Conversely, the restoration of Orthodox worship resulted in the revitalization of church self-awareness, aiding the Uniates in rediscovering their identity and emerging from a subordinate and oppressed state. The leadership qualities exhibited by Bishop Joseph (Semashko) and the younger generation of Uniate priests, in particular, were instrumental in facilitating this process. The article also elucidates why the conciliar petition of the Church Council of Polotsk acknowledged the status of the Orthodox church without

directly addressing the renunciation of the Roman pope and Catholic dogma. Instead, it focused on external dependence and adverse circumstances that had a detrimental impact on church life within the union. The corresponding acknowledgment of Orthodoxy in the Lithuanian and Belarusian territories was conveyed in the response letter from the Holy Synod. This letter acknowledged Uniate bishops in their rightful positions, obviating the need for any formal act of joining the Church. As a result, the author concluded that the theology of the Church Council of Polotsk in 1839 would most accurately be defined as the ecclesiology of the reunification of the disparate parts of the Russian Church. Only in this regard can the decision taken at it be recognized as canonically justified and legitimate.

Keywords: reunification of the Uniates, canonical principles, the Church Council of Polotsk, Joseph (Semashko)

For citation: Khoteev, A. S., Priest. (2024). The Church Council of Polotsk (1839): Ecclesiological Considerations. *Orthodoxia*, (3), 54–79. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-3-54-79

REFERENCES:

Antony (Zubko), Archbishop. (2019). *O Greko-Uniatskoi Tserkvi v Zapadnom krae Rossii* [About the Greek Uniate Church in the Western Region of Russia]. Minsk : Medial. [In Russian].

Vasily (Luzhinsky), Archbishop. (1881). *Zapiski o vossoedinenii greko-uniatskogo dukhovenstva i naroda v Belorussii i na Volyni s Pravoslavnoi Tserkov'iu* [Notes on the Reunification of the Greek Uniate Clergy and People in Belarus and Volhynia with the Orthodox Church]. *Russky arkhiv*, book 2, (4), 380–387. [In Russian].

Vasily (Luzhinsky), Archbishop. (2019). *Zapiski* [The Notes]. Minsk : Medial. [In Russian].

Iosif (Semashko), Metropolitan. (1883). *Zapiski Iosifa mitropolita Litovskogo, izdannye Imperatorskoiu Akademiei nauk po zaveshchaniuu avtora: v 3 t.* [The Notes of Joseph Metropolitan of Lithuania, Published by the Imperial Academy of Sciences According to the Will of the Author. In 3 Volumes] (Vol. 1). Saint Petersburg : Tip. Imperatorskoi Akademii nauk. [In Russian].

Iosif (Semashko), Metropolitan. (1883). *Zapiski Iosifa mitropolita Litovskogo, izdannye Imperatorskoiu Akademiei nauk po zaveshchaniuu avtora: v 3 t.* [The Notes of Joseph Metropolitan of Lithuania, Published by the Imperial Academy of Sciences According to the Will of the Author. In 3 Volumes] (Vol. 2). Saint Petersburg : Tip. Imperatorskoi Akademii nauk. [In Russian].

Maleev, G., Protodeacon. (2009). *Polotsky tserkovnyi Sobor 1839 g. : kanonicheskie aspekty* [The Polotsk Church Council of 1839 : Canonical Aspects]. In *Khrystsiianstva u gistorychnym lese belaruskaga naroda. Chastka 1* (pp. 285–291). Grodna. [In Russian].

Pamiatniki polemicheskoi literatury v Zapadnoi Rusi [Monuments of Polemical Literature in Western Russia] (book 2, 1818) (1882). Saint Petersburg. [In Russian].

Romanchuk, A., Archpriest. (2018). *Vysokopreosviashchennyi Iosif (Semashko), mitropolit Litovskiy i Vilenskiy: ocherk zhizni i tserkovno-obshchestvennoi deiatel'nosti* [His Eminence Joseph (Semashko), Metropolitan of Lithuania and Vilna: an Essay on Life and Church and Social Activities]. Moscow, Minsk : Izdanie obshchestva liubiteli tserkovnoi istorii. [In Russian].

Unii v dokumentakh : sb. [Union in Documents: Collection] (1997). Minsk : Luchi Sofii. [In Russian].

Khomiakov, A. S. (1886). *Polnoe sobranie sochineny: v 2 t.* [Complete Works. In 2 Volumes] (Vol. 2). — Moscow : Universitetskaia tip. [In Russian].

Khoteev, A. S. (2018). Uniiia 1596 goda i vossoedinenie 1839 goda: printsipy i usloviia [The Union of 1596 and the Reunification of 1839: Principles and Conditions]. *Aspekt*, (2), 3–12. [In Russian].

Sergy (Gaek), Archimandrite, Sapunko, O. (2009). Tsarkoŭny z'ezd u Polatsku 1839 g. — pytanne pra iago kananichnasts' [The Church Congress in Polotsk in 1839—the Question of its Canonicity]. In *Khrystsiianstva u gistarychnym lese belaruskaga naroda. Chastka 1* (pp. 301–305). Grodna. [In Belarusian].

Denzinger, H. (2007). *Enchiridion symbolorum definitionum et declarationum de rebus et morum* [Handbook of Symbols Definitions and Clarifications on Facts and Behaviors]. Freiburg. [In Latin].

Documenta unionis Berestensis ejusque auctorum [Documents of the Union of Brest and its Promoters]. (1970). In *Analecta OBSM* (Section III, Series II). Romae. [In Latin].

Harasiewicz, M. (1862). *Annales Ecclesiae Ruthenae* [Chronicle of The Church of Ruthen]. Leopoli. [In Latin].

Kulczynski, I. (1733). *Specimen Ecclesiae Ruthenicae* [Ideal for the Ruthenic Church]. Romae. [In Latin].

About the author:

Priest Alexei Sergeevich Khoteev — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, 1, Akademicheskaya str., Minsk, Belarus, 220072, e-mail: hoteev@tut.by

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 24.02.2024; approved after reviewing 28.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.

О. Р. Айрапетов

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА, МОСКВА, РОССИЯ

1829–1839 годы. Внешняя политика России в канун событий 1839 года

Аннотация. Преодоление униатского раскола было результатом серьёзных изменений в политике императора Николая I, в начале правления которого не планировалось сколько-нибудь серьёзных перемен в политике на западных окраинах Империи. Петербург следовал традиции диалога с первым сословием, Николай продолжал политику своего предшественника в отношении Царства Польского.

Император воспринимал Конституцию 1815 года как часть наследства, короновался в качестве царя (короля) польского и довольно щедро относился к своим польским подданным. Русско-англо-французское сотрудничество в восточном вопросе при решении наболевшей греческой проблемы привело к благоприятным для Петербурга внешнеполитическим условиям перед началом Русско-турецкой войны 1828–1829 годов. Казалось, было покончено с политикой монархической солидарности Священного Союза и удержания status quo Венской системы. Однако революция 1830 года изменила всё. Вместе с Бурбонами надолго исчезла возможность союзных или даже партнёрских отношений с Парижем. После детронизации Романовых, принятой сеймом мятежников в январе 1831 года, фактически началась русско-польская война. Её результатом стало очередное крушение польской государственности. Вместе с ней исчезло и доверие императора к польскому дворянству. Вскоре

первый египетский кризис 1833 года вновь обострил противоречия среди европейских держав, а в 1836 году впервые за многие годы отношения Петербурга и Лондона оказались на грани настоящей войны. Второй турецко-египетский кризис 1839–1840 годов вновь изменил расклад сил.

Наиболее активно поддерживавшая поляков после 1831 года страна — Франция — находилась в изоляции. Вторая католическая держава — Австрия — была союзницей России. Что касается Великобритании, то Лондон, хотя и поддерживал в Италии Папское государство, в религиозной своей политике был весьма далёк от поддержки католицизма в собственных владениях, и прежде всего в Ирландии. Всё это создавало благоприятные условия для проведения реформы 1839 года.

Ключевые слова: Россия, Франция, Великобритания, Австрия, Пруссия, Османская империя, восточный вопрос, греческий вопрос, Царство Польское, Священный Союз, Проливы, дело «Виксена», Ункяр-Искелеси, Лондонские конвенции

Для цитирования: Айрапетов О. Р. 1829–1839 годы. Внешняя политика России в канун событий 1839 года // Ортодоксия. — 2024. — № 3. — С. 80–121. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-3-80-121

Десятилетие между 1829 и 1839 годами во внешней политике Российской империи началось с полного изменения той системы отношений, которой придерживался Александр I в конце своего правления. В 1814–1815 годах на Венском конгрессе император столкнулся с проблемой переустройства Европы после победы над Наполеоном. Прежде всего речь шла о судьбе главных трофеев: Германии, Италии и части Польши.

В конце XVIII века реалии были таковы: старые Великие Державы Европы — Испания, Нидерланды и Швеция — окончательно утратили этот статус, Великобритания набирала силы после потери северо-американских колоний, начав превращаться в «мастерскую мира» и выстраивая новую империю в Индии. Финансовый дефицит Франции подвёл её к политическому кризису. В 1795 году после Третьего раздела Речь Посполитая была уничтожена, в Германии после двух войн «за австрийское наследство» сохранялся баланс сил между Веной и Берлином. За контроль над Апенниннами долгое время вели борьбу традиционные великие силы христианского Средиземноморья — Испания, Священная Римская империя германской нации и Франция. Папа сочетал духовную и светскую власть и управлял значительной частью центральной Италии — Папской областью и в XVI–XVII веках сам активно вёл борьбу с протестантскими странами и конкурентами-католиками в Италии (Ranke 1847: 450–518). В XVIII веке в Центральной и Северной Италии за влияние боролись Париж и Вена, в Сицилии и Неаполе — Мадрид и Вена.

Французская революция покончила со «старым порядком». Король Людовик XVI был свергнут и казнён, в 1798 году войска дивизионного генерала А. Бертье заняли Рим, где была провозглашена республика. Наполеон уничтожил Папскую область и покончил с австрийским и испанским влиянием в Италии. Пий VI вынужден был покинуть свои бывшие владения, его преемник Пий VII в 1802 году заключил конкордат с Францией, подчинившись ей. Папа несколько раз возвращался в Рим и изгонялся оттуда (Barry 1911: 188–189; 196; 198–199). В 1806 году съезд покорных Наполеону рейнских князьков заявил об отказе признавать далее Священную Римскую империю германской нации. Её император Франц немедленно сложил с себя этот титул, став императором Австрии. Был создан Рейнский союз, протектором которого стал император Франции (Богданович 1869: 137–138). В 1807 году на территориях, полученных Пруссией по разделам Польши, Наполеон создал герцогство Варшавское. Наследственное правление в новом государстве переходило к саксонским королям, но реально Варшава ориентировалась на Париж. Административная система, суд, армия были выстроены по французскому образцу (Попов 2007: 431–432; Дубровин 2007: 431–432). Статья 1-го Венского трактата 1815 года решала судьбу большей части бывшего герцогства Варшавского следующим образом: «...навсегда присоединяется к Российской Империи. Оно в силу своей Конституции будет в неразрывной с Россией связи, и во владении Е. В. Императора Всероссийского,

наследников Его и преемников на вечные времена» (Мартенс 1876: 238). 25 мая 1815 года жителям Царства Польского было объявлено о даровании им конституции, самоуправления, собственной армии и свободы печати (Внешняя политика России XIX и начала XX века — (далее ВПР) 1972: 347). 27 ноября 1815 года Александр I утвердил конституцию Царства (Шильдер 1905: 354–356). Статья 1-я гласила: «Царство Польское навсегда присоединено к Российской империи». Корона Царства становилась наследственной для российских императоров (ст. 3) (Конституционная хартия 1815 года 1907: 41–42). После победы над Наполеоном Пий VII окончательно вернулся в Рим. В Италии теперь господствовала Австрия (Barry 1911: 208–210; 216–217). В созданном в 1815 году Германском Союзе установилось равновесие между Берлином и Веной. Членами этого Союза были короли Датский и Нидерландский (Мартенс 1876: 276).

Для гарантии стабильности после гигантских потрясений, вызванных Французской революцией, Александр I выступил с инициативой создания нового союза, который должен был стоять на страже нового политического порядка в Европе. 14 (26) сентября 1815 года «Трактат братского Христианского союза» был подписан Александром I, австрийским императором Францем I и прусским королём Фридрихом-Вильгельмом III в Париже. Монархи заявили, что впредь «...пребудут соединены узами действительного и неразрывного братства, и, почитая Себя как бы единосемцами, Они во всяком случае и во всяком месте станут подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь; в отношении же к подданным Своим они, как отцы семейств, будут управлять ими в том же духе братства, которым Они одушевлены, для охранения веры, мира и правды» (Мартенс 1878: 6). Формально это было объединение христианских государств, отношения между которыми подчинялись «высоким истинам, внушаемым вечным Законом Бога Спасителя» (Мартенс 1878: 5).

В тот же день императоры Всероссийский и Австрийский и король Прусский обратились к принцу-регенту Великобритании Георгу с предложением присоединиться к союзу (ВПР 1972: 519). В письме от 6 октября 1815 года принц Георг заявил, что формы английской конституции не позволяют ему присоединиться к союзу, идеям которого он полностью сочувствует (Мартенс 1895: 249), но вступил в него в качестве регента Ганновера. 19 ноября 1815 года к договору присоединился Людовик XVIII, а в 1816 году — короли шведский и норвежский, датский, нидерландский, сардинский, обеих Сицилий, испанский, португальский, Швейцарский союз, государи и вольные города Германии. Только султан турецкий

и папа Римский не получили приглашений вступить в эту общеевропейскую организацию (Шильдер 1905: 436).

Положение в Европе определялось теперь раскладом сил между ведущими державами континента — Великобританией, Россией, Австрией и Пруссией. В 1823 году 83-тысячная французская армия под командованием герцога Луи-Антуана Ангулемского вторглась в Испанию для борьбы с революцией (*Recit des operations de l'armee Francaise en Espagne...* 1823: 42, 44–53, 55). Вместе с французскими армиями в Атлантике и в Средиземном море действовали две французские эскадры, действия которых резко усложнили положение революционеров (*Recit des operations de l'armee Francaise en Espagne...* 1823: 182–183). Интервенция была санкционирована Священным Союзом и его создателем — Александром I (ВПр 1982: 134). Франция доказала этим, что наследие революции преодолено и она окончательно вернулась в клуб Великих Держав. Что касается Священного Союза, то вряд ли можно оспорить мнение британского историка, утверждавшего, что он «...не существовал нигде, кроме как в уме Александра I в качестве благородного идеала» (Gooch, Masterman 1917: 3), в то время как Европа, прошедшая через войны, стала циничной, и там не было места высоким идеалам (Gooch, Masterman 1917: 4).

Греческое восстание 1821 года продемонстрировало это в полную силу, и император Николай I отказался от политики сохранения консервативного единства с партнёрами по Союзу для подготовки коллективного выступления европейских Держав с целью самостоятельного решения Греческого вопроса. Новый внешнеполитический курс был частью подготовки к Русско-турецкой войне 1828–1829 годов. Петербургский протокол 1826 года предусматривал согласие Лондона на выступление Петербурга на Балканах (Мартенс 1895: 341–343), в 1828 году Берлин обещал придерживаться в конфликте строгого нейтралитета (Россия и Германия в XIX веке 1898: 479), а Париж обязался поддержать Россию в случае недружественных действий Вены (Мартенс 1909: 66). Итак, Россию в той или иной мере поддержали Великобритания, Франция и Пруссия, а стремившаяся сохранить *status quo* на Балканах Австрия оказалась в одиночестве.

Результатом Русско-турецкой войны стал мир, подписанный во второй столице Османской империи 2 (14) сентября 1829 года. Николай I был доволен. «Адрианопольский мир — самый главный из когда-либо заключённых, — писал он 22 сентября (4 октября) ген.-ад. ген. от инф. гр. И. И. Дибичу, — и Вы сумели придать ему характер, приличный миру, заключённому после такой войны: наша умеренность зажёмёт рты всем

нашим клеветникам, а нас самих мирит с совестью. Ещё раз спасибо, на всю жизнь. Чин фельдмаршала, пожалованный Вам сегодня, принадлежит Вам по праву» (Епанчин 1906: 208). Триумф был полным, но вскоре политическая обстановка начала быстро меняться.

27 июля 1830 года в Париже началась революция. Последний король Франции и Наварры Карл X бежал в Англию, с властью Бурбонов было покончено. О какой-либо форме вооружённого выступления России против революции речи не было с самого начала, но она надолго покончила с русско-французским политическим сближением. Первоначально было принято решение об отзыве русских подданных из Франции, французские в России брались под «неукоснительный надзор» (ВПр 2005: 40), в российские и финляндские порты французские корабли допускались только под белым флагом (т. е. флагом Бурбонов). Те французские суда, которые уже находились в портах Империи и Великого Княжества, в случае подъёма триколора подлежали немедленному выдворению (ВПр 2005: 43). Действия русского правительства произвели весьма серьёзное впечатление в Париже (Июльская революция во Франции 1909: 567).

Только после того, как 25 августа французское правительство официально известило Петербург о принятии нового флага, меры против триколора были отменены (ВПр 2005: 52). Русским подданным посещение Франции было разрешено только с 15 (27) мая 1831 года (ВПр 2005: 343). Император не торопился с признанием «короля баррикад» Луи-Филиппа Орлеанского (Зайончковский 1908: 84). Уже 7 августа, в день своего провозглашения королём французов, тот обратился с письмом ко всем европейским монархам, в том числе и к Николаю I. Луи-Филипп подробно излагал ход событий, приведший к революции, и подчёркивал, что он вынужден был принять королевский титул для того, чтобы избежать дальнейших беспорядков (Шильдер 1903: 303). В памятной записке 18 (30) августа и циркулярной депеше 24 августа (5 сентября) Петербург провозгласил, что император отказывается признать за Луи-Филиппом иной титул, кроме наместника королевства в малолетство законного наследника престола внука Карла X герцога Генриха Бордосского при том условии, что Париж признает существующие с 1815 года границы и не будет стараться изменить их или экспортировать за свои пределы революцию (ВПр 2005: 70–71). Опасения были небезосновательны.

Французы попытались перенести революцию в Савойю (С. З. Император Николай I и Европейские революции 1904: 533). В конце августа 1830 года волнения вспыхнули в Саксонии, на улицах Лейпцига

и Дрездена начались бои. Власти восстановили порядок с большим трудом. Почти одновременно с этими событиями началась революция и в Бельгии, принадлежавшей с 1815 года Нидерландскому королевству, монарх которого был членом Германского Союза (Веселовская 1911: 3–7). 23 августа в Брюсселе началось восстание, которое королевские войска оказались не в состоянии подавить. В начале сентября оно охватило практически все крупные франкоязычные центры Нидерландов (К истории революции 1830 г. в Бельгии 1941: 213–214). Восставшие получали помощь из Франции, откуда приходили добровольцы (С. З. Император Николай I и Европейские революции 1904: 534). Это также вызывало подозрения в России относительно намерений Парижа и возможно в будущем присоединения франкоязычной Бельгии к Франции, что значительно усилило бы это государство (ВПр 2005: 97). Крепости, построенные в Бельгии для защиты от повторения французской агрессии под контролем держав-победительниц над Наполеоном и частично на их средства, рассматривались как средство обороны не только Голландии, но и всей Северной Германии и ни в коем случае не должны были перейти во французские руки (ВПр 2005: 97).

Только 18 (30) сентября 1830 года император дал ответ на личное письмо Луи-Филиппа, обратившись к нему «Государь» (ВПр 2005: 93). С вручением этого письма в начале октября 1830 года Россия, после Англии, Пруссии и Австрии, окончательно признала новый порядок во Франции, но при этом — только *de facto*. В обращении императора к новому королю вместо слов «Государь, брат мой» поначалу использовалось вежливое и несколько самоуничижительное «Ваше Величество» (обычно так обращались подданные к коронованным особам, но не монархи друг к другу) (Мартенс 1909: 122–123), а затем была использована формула «великий и дорогой друг» (ВПр 2005: 95). Король французов смирился и принял верительную грамоту русского посла с имевшимся в ней вежливо-оскорбительным полупризнанием (Татищев 1889: 170). Посланец нового короля маршал Э. Мортье герцог де Тревизо был хорошо принят в Петербурге, однако, по сути дела, это ничего не изменило (Воспоминания французского дипломата... 1866: 279). Кризис в отношениях с Францией был преодолен, но сами они после этих событий серьёзно ухудшились.

Главной проблемой для императора по-прежнему оставалось нарушение законного порядка вещей в Европе. 29 сентября наследник престола

принц Вильгельм Оранский с 10-тысячной армией подошёл к Брюсселю, бои в предместьях города были неудачными для голландской армии. Она вынуждена была отступить (Покровский 1868: 268). 2 октября 1830 года король Нидерландов и Великий Герцог Люксембургский Вильгельм I обратился к Николаю I с просьбой о помощи для восстановления решений Венского конгресса относительно Нидерландов (К истории революции 1830 г. в Бельгии 1941: 218). Письмо короля Нидерландов пришло в Петербург 3 (15) октября 1830 года вместе с обращением принца Оранского, который также просил об интервенции. Оказание помощи в ответ на призыв дружественного России монарха было для Николая I делом чести. Определённое значение для Петербурга имел и тот факт, что сестра Николая — Анна Павловна — была женой наследника нидерландского престола. Император был настроен весьма решительно и поначалу был даже готов выступить и в одиночку, вне зависимости от позиции Берлина и Лондона (ВПр 2005: 104–105).

Русская дипломатия ещё до обращения из Гааги начала подготовку соглашения между Австрией, Пруссией, Великобританией и Россией о совместных действиях в случае перехода французскими войсками бельгийской границы. В августе в Берлин для переговоров был отправлен ген.-ад. ген.-ф. гр. И. И. Дибич, в Вену — ген.-ад. ген.-л. гр. А. Ф. Орлов (Между двумя войнами 1881: 373–378). 30 сентября (12 октября) Николай I дал соответствующее распоряжение вице-канцлеру гр. К. В. Нессельроде, добавив при этом, что он готов выставить 150-тысячную армию (ВПр 2005: 103). 5 (17) октября последовал рескрипт управляющему Военным министерством ген. от кав. ген.-ад. гр. А. И. Чернышеву о начале подготовки к походу в Империи и Царстве Польском. При этом император приказал не делать тайны из военных приготовлений, надеясь, что эта демонстрация может способствовать предотвращению войны. 6 (18) октября соответствующее распоряжение было направлено в Варшаву Наместнику Царства Польского и главнокомандующему польской армией ген.-ад. Великому Князю Константину Павловичу (ВПр 2005: 106).

Предполагалось, что в поход выступят армия Царства Польского и 1-я русская армия, дислоцированная в Польше. 1 (13) ноября 1830 года император известил пребывающего в Берлине Дибича, что военные приготовления идут весьма успешно и что в середине декабря 1830 года к походу будут готовы польская армия, I, II, Литовский и Гренадерский корпуса и резервная артиллерия (ВПр 2005: 150). Эти действия воодушевили

Берлин, король Фридрих-Вильгельм III убедился, что не останется в одиночестве (Между двумя войнами... 1881: 391). 9 (21) ноября Чернышев сообщил Дибичу о небольшой корректировке — готовность к выступлению войск переносилась на 1 (13) января 1831 года. Это было связано с тем, что военные приготовления в Царстве Польском были отложены до возвращения фельдмаршала из Берлина в Варшаву (Шильдер 1903: 577–578). Через несколько дней это подтвердил император — движение войск к границе должно было начаться уже в конце декабря (Между двумя войнами... 1881: 392–393). Оно не состоялось из-за начавшегося в Царстве Польском мятежа.

В 1815 году земли бывшего герцогства Варшавского были разорены многочисленными реквизициями во время войн (Блиох 1882: 137). Из 6 802 277 рублей серебром дохода первого бюджета Царства за 1817 год на содержание польской армии выделялось 3 млнруб., в 1821 году на армию тратилось уже 5 млн руб. при бюджетном дефиците в 1,3 млн (Пузыревский 1890: 20). Различного рода пособия Царству со стороны Империи с 1815 по 1830 год составили 54,75 млн руб. серебром (Рапорт Наместника Царства Польского... 1896: 598). Это делалось в весьма тяжёлое для России время. В начале 20-х годов XIX века бюджеты России закрывались со значительным дефицитом. Русская казна была почти банкротом. Всего государственных долгов числилось на гигантскую сумму 1 323 млн руб. ассигнациями. Внешний долг голландским банкам, равнявшийся 101 100 000 гульденов, был окончательно погашен только в 1891 году, общая сумма внутренних займов значительно превышала 220 млн руб. (Министерство финансов 1902: 57–60). Курс бумажного рубля был стабильно низким, ассигнационный долг равнялся 595 млн. руб., возможность внешних займов на приемлемых условиях исключалась (Блиох 1882: 151).

Таможенный тариф Империи, принятый 12 (24) марта 1822 года, был протекционистским (Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ РИ) 1830. Т. 38: 104–110). 2 (14) апреля 1822 года были восстановлены отменённые 14 (26) декабря 1819 года таможенные границы между Царством Польским и Российской империей (ПСЗ РИ 1830. Т. 36: 417–499), при этом «галантерейные товары», произведённые в Царстве, допускались на территорию Империи беспошлинно (ПСЗ РИ 1830. Т. 38: 140–142). В 1826 году Царству Польскому был дарован чрезвычайно выгодный таможенный тариф, способствовавший подъёму местной хлопчатобумажной промышленности (Корнилов 1993: 170–171).

Рост ввоза польского сукна, который начался в 1824 году, продолжился. Если в 1823 году в Империю из Царства было ввезено 12 тыс. пудов ткани на 1 865 000 руб., то в 1824 году — уже 20 012 пудов на 3 210 000 руб., а в 1829 году — 64 157 пудов на 8 418 000 руб. (Лодыженский 1886: 218). Баланс торговли становился всё более невыгодным для Петербурга, а к этому добавился и свободный доступ польских тканей в Кяхту для торговли с Китаем (Лодыженский 1886: 219). Уже в 1829 году бюджет Царства Польского получил прочный, как казалось, профицит в 291 818 руб. из поступивших 13 283 744 руб. доходов (Пузыревский 1890: 20). Экономический подъём Царства — результат льгот, дарованных Петербургом Варшаве.

Благодеяния правительства не помогли — уже в 1819 году в Царстве Польском было основано тайное общество — «Национальное масонство», которое начало подготовку заговора против монарха. Пропаганда заговорщиков набирала силу (Богданович 1871: 167–173). В России жило 54,5% всех поляков (в Австрии — 28,25%, в Пруссии — 17,25%), по отношению ко остальному населению империи они составляли 6% (Кабузан 1992: 151). Большая их часть проживала в границах т. н. конгрессовой Польши, или Царства Польского, население которого быстро росло — с 2 717 тыс. в 1815 году до 4 137 тыс. в 1830 году. Почти в 2 раза, с 80 тыс. в 1814 году до 150 тыс. в 1829 году, выросло и население Варшавы (Смит 1863: 68); (Пузыревский 1890: 18). 73% населения Царства составляли поляки, в то же время на Правобережной Украине их проживало только 6%, а в Белоруссии и Литве — 5% (Высочков 2003: 261).

Николай всячески демонстрировал своё расположение полякам. Он не использовал польскую армию в Русско-турецкой войне, против чего категорически выступил Великий Князь Константин, и Николай согласился с мнением своего старшего брата (Карнович 1878: 7). После взятия Варны, 1 (13) октября 1828 года император даровал Варшаве 12 тяжёлых трофейных турецких орудий. 10 ноября 1444 года польский король Владислав III погиб в крестовом походе в битве под Варной, и Николай I в качестве нового польского короля считал такой дар знаком символического возмездия за смерть Ягеллона (Шильдер 1903: 170–171). «Смерть короля Владислава отомщена!» — сказал император, въезжая в Варну через пролом в городской стене (Действия Проводского отряда... 1875: 177). В ходе войны 1831 года трофейные турецкие орудия вновь будут вести огонь по русским войскам, но уже с варшавских укреплений. Попав в руки русских солдат опять, они были отправлены в Петербург

и использованы для украшения ограды Преображенского всей гвардии собора (Воспоминания А. Л. Зеланда... 1892: 326).

9 (21) мая 1829 года в зале Сената Варшавского замка Николай I торжественно короновался в качестве короля Польского (Александр I не сделал этого). Торжества были весьма пышными и продолжались несколько дней (Современные летописи 1829). Обряд коронации не был установлен в Конституции, император в Манифесте о восшествии на престол подтвердил её и поэтому отказался от повторной присяги ей (Кизиветтер 1912: 410–412). Вместо этого Николай I произнёс на французском языке молитву со следующими словами: «Да пребудет со мной Твоя мудрость, окружающая Твой престол. Сниспошли её с небес, дабы я был проникнут Твоею державною волей и истиной Твоих заповедей, дабы сердце моё было в руках Твоих и дабы я мог царствовать к благу моих народов и к славе Твоего святого имени, согласно хартии, утверждённой моим августейшим предместником, клятвенно мною подтверждённой...» (Майков 1905: 158). Богослужение было проведено по католическому обряду. От православного Николай отказался на том основании, что коронация царя Польского для русских уже состоялась в Москве (Кизиветтер 1912: 413). Во время торжеств было амнистировано 3915 преступников, отменено штрафов, взысканий, разного рода долгов перед казной на сумму в 8 586 216 руб. сер., основано эмеритальное общество для престарелых офицеров, чиновников, их вдов и детей (Рапорт Наместника Царства Польского Его Императорскому Величеству 1896: 594).

Император считал важным для себя точное соблюдение Конституции, которой он присягал и не собирался её нарушать (Кизиветтер 1912: 404–408). «Я чувствую, — сказал Николай после коронации в Варшаве, — что я государь Польши и предвижу, что рано или поздно я привлеку к себе поляков благодарениями» (Карнович 1878: 18). Как вскоре выяснилось, это были ошибочные ожидания. Никакие уступки и знаки внимания не могли удовлетворить польских революционеров, мечтавших о восстановлении Речи Посполитой в границах 1772 года. Это было очевидно уже для многих трезвомыслящих современников. Князь Леон Сапега вспоминал о взглядах петербургского общества незадолго до начала мятежа: «Много раз мне говорили: “Чем больше Государь для вас делает, тем скорее вы устроите восстание”. Их предположения действительно осуществились» (Сапега 1915: 109).

Мобилизация армии в Империи и подготовка к ней в русской Польше для похода в защиту протестантских Нидерландов против католической

Бельгии послужили катализатором взрыва. Эмиссары революционеров из Парижа зачастили в Варшаву (Воспоминания прелата Буткевича 1878: 591–592). В ночь с 29 на 30 ноября 1830 года в Варшаве началось выступление заговорщиков, центром которого стала школа подхорунжих. Поводом для начала мятежа стала подготовка к мобилизации армии для возможного выступления в поход на Бельгию (Смит 1863: 115–116); (Военский 1905: 148). Мятежники попытались убить Великого Князя, напали на госпиталь, убивали русских на улицах Варшавы (Максимович 1875: 194). Были убиты военный министр, начальник Главного штаба, командир пехотного корпуса, начальник школы подхорунжих — всего 8 польских генералов, оставшихся верными присяге (Военский 1905: 149). Их убивали за отказ присоединиться к восстанию и возглавить мятежников, за призывы одуматься и просто в горячке резни (Польское восстание в 1830–1831 гг. 1884: 170–171); (Записки графа Мориоля 1909: 65).

Константин Павлович упустил возможность подавить мятеж и приказал русским войскам отступить из Царства на Брест. При этом отходе мятежникам были сданы имевшие стратегическое значение крепости Замостье и Модлин с их значительными складами и вооружением (Пузыревский 1890: 23). Быстрым отступлением Константин Павлович стремился избежать столкновений и сохранить возможность примирения. Он надеялся, что мятеж подавят сами поляки, и приказал придерживаться исключительно оборонительных действий, воздерживаясь от атак на мятежников (Акты, относящиеся до происшествий в Варшаве 1831: 117). Это была ошибочная стратегия, которая убедила их в возможности наступательной войны против России (Польское восстание в 1830–1831 гг. 1891: 302). Диктатором «национальной революции» был избран див. ген. И. Хлопицкий, который отправил в Петербург делегацию во главе с подполковником Ф. И. Вылежинским с предложениями о мире на основе уступок, в том числе и территориальных, со стороны императора. 30 декабря Вылежинский встретился с Николаем I (Воробьев 1903: 360–361), который, естественно, отверг предложения Хлопицкого. Император предложил амнистию при условии немедленной капитуляции (Военский 1905: 79).

6 января 1831 года посланник мятежников вернулся в Варшаву, где предложение Петербурга вызвало бурю негодования (Военский 1905: 1). 25 января сейм принял акт о детронизации Романовых, одновременно освободив от присяги поляков не только Царства Польского, но и «восточных воеводств», то есть бывших владений Речи Посполитой,

отошедших к Российской империи по разделам Польши (Смит 1863: 277). Теперь речь шла не о конфликте мятежных подданных со своим королём, а о столкновении между двумя государствами — Королевством Польским и Российской империей. Таким образом, польское восстание, которое началось как военный мятеж, превратилось в русско-польскую войну, в которой Вена и Берлин безоговорочно поддержали Петербург, подписав конвенцию против поляков. Предусматривалась и возможность совместной оккупации Кракова, где в феврале 1831 года также начались волнения (ВПР 2005: 285–286).

Так как обещание Александра I дать своим польским подданным конституцию было частью Венских соглашений 1815 года, это создавало почву для юридических спекуляций и попыток вмешательства на стороне повстанцев, которые летом 1831 года предприняли Великобритания и Франция (Татищев 1889: 171). Наиболее активным в этом вопросе был Париж. Из всех европейских столиц именно он отмечался наиболее яркими и бурными проявлениями симпатий к польскому делу (Татищев 1889: 172). 23 июля о своём желании вмешаться в конфликт в качестве посредника заявил в своей речи Луи-Филипп (ВПР 2005: 419–422). В Англии и в её правительстве было немало сторонников вмешательства в польские дела, но глава британского МИД лорд Генри Пальмерстон не шёл в этом вопросе дальше слов (Ridley 1970: 122). Лондон не сотрудничал с Парижем в польском вопросе (Webster 1951: 187).

23 января (4 февраля) 1831 года император подписал Манифест «О вступлении Действующей армии в пределы Царства Польского, для усмирения мятежников» (ПСЗ РИ 2 1832: 55). Началась русско-польская война 1831 года. 26 августа (7 сентября) 1831 года, в годовщину Бородинского сражения, капитулировала Варшава. За успешный штурм польской столицы ген.-ад. ген.-ф. гр. И. Ф. Паскевич-Эриванский 4 (16) сентября был возведён в княжеское достоинство и стал Светлейшим князем Варшавским (Щербатов 1894: 89). В октябре 1831 года остатки армии мятежников были интернированы в Пруссии и Австрии, их оружие было возвращено России. 7 октября сдалась крепость Модлин, 21 октября — Замостье. Их гарнизоны были разоружены и распущены по домам. Последние очаги организованного сопротивления, таким образом, были подавлены.

4 (16) сентября 1831 года был издан Манифест об учреждении в Царстве Польском Временного Правления (Щербатов 1894: 209). Оно должно было восстановить порядок в крае. 6 (18) октября 1831 года

последовал Манифест «О прекращении военных действий в Царстве Польском», в котором говорилось о победе и о прощении (ПСЗ РИ 2 1832: 109). Разоружённые в Пруссии поляки стали причиной значительных проблем для этого государства — они вели себя демонстративно вызывающе и провоцировали беспорядки. Принуждать к их возвращению пруссаки не хотели, содержать — тем более. В конечном итоге часть офицеров согласилась принять у себя Франция, а рядовые и унтер-офицеры постепенно начали возвращаться в Россию (Т. 1873: 70–71). Центром польской диаспоры стала Франция и резиденция князя Адама-Ежи Чарторыйского в центре Парижа — Hotel Lambert (Татищев 1889: 172).

Наместником в Варшаву был назначен Паскевич. В качестве трофеев в Москву им были присланы знамёна, а также символы государства: королевский трон, дворцовый флаг и, как выразился Николай I, «ковчег с покойницей конституцией» (Щербатов 1894: 188). Конституция 1815 года, являвшаяся актом международного права, была действительно мертва, и приняла она свою смерть от мятежного польского сейма. С 1831 года Россия владела «конгрессовой Польшей» по праву завоевания, а не на основании международного соглашения. Мятеж покончил с уступками Петербурга полякам. Ещё 11 (23) ноября 1831 года был дан Именной Указ Сенату «О некотором возвышении Таможенных пошлин, с росписью товарам» (ПСЗ РИ 2 1832: 195–197). Он вводил пошлины на товары из Царства Польского и был чрезвычайно положительно встречен русскими промышленниками. В Кяхту польские товары уже не допускались (Лодыженский 1886: 223–225). Новый «Общий Тариф по европейской торговле», принятый 12 (24) декабря 1833 года (ПСЗ РИ 2 1834: 761), был основан, по словам Министра финансов ген. от инф. гр. Е. Ф. Канкрин, на «постоянстве системы таможенной защиты» (Блиох 1882: 201).

14 (26) февраля 1832 года был принят «Органический Статут» («О новом порядке управления и образования Царства Польского»). Название Царства Польского сохранялось, оно объявлялось нераздельной частью Российской империи. Корона царства провозглашалась наследственной в императорском доме. Статут гарантировал свободу вероисповедания всех христианских конфессий, сохранял таможенную автономию, особое положение Польского банка, несколько отличавшийся от остальной империи режим управления, но полностью уничтожал государственную автономию, существовавшую в 1815–1830 годах. Польская армия ликвидировалась, но правительственные и судебные дела велись на польском языке (ПСЗ РИ 2 1833: 83–90). В связи с ликвидацией Государственного

Совета Царства создавался особый департамент по делам Царства при Государственном Совете Империи (ПСЗ РИ 2 1833: 90).

В 1832 году эмигрантский центр попытался спровоцировать партизанскую войну. Эта попытка успеха не имела — польские крестьяне выдавали эмиссаров мятежников, что поощрялось выдачей премии в 500 злотых (75 руб. сер.) за каждого (Щербатов 1896: 82). Отчёт министра внутренних дел за 1833 год гласил: «С удовольствием можно заметить, что все усилия сих врагов порядка, прокламации, ими рассеянные, рассказы их и внушения, не произвели важных действий, даже и в тех, на кого они более всего надеялись» (Извлечение из отчёта министра внутренних дел... 1834: 24). В Польше было введено военное положение. 11 (23) апреля 1833 года был издан Высочайший Указ о передаче дел по политическим преступлениям в военный суд (Великий Князь Наместник... 1862: 752). Жёсткость его не стоит преувеличивать. Учитывая наказания за уголовные преступления, в 1835 году было вынесено 12, в 1836 году — 13, в 1837 году — 8, в 1838 году — 5, в 1839 году — 11 и в 1840 году — 7 смертных приговоров (Действия судилищ Царства Польского 1842).

После польских событий наметилось сближение России, Австрии и Пруссии, в основе которого было стремление к сохранению существующих консервативных государственных порядков и равновесия сил в Европе. Три северные монархии заняли консолидированную позицию по вопросу о проведении бельгийско-голландской границы, Пруссия и Австрия в 1830–1831 годы провели мобилизации и плотно перекрыли свои границы с русской Польшей. В апреле 1830 года, ещё до начала революции в Европе, наметилось некоторое улучшение отношений с Константинополем — Николай I согласился сократить контрибуцию Турции (ст. 8 Адрианопольского мира (Юзефович 1869: 77) на 2 млн. дукатов.

Россия была заинтересована в стабильности в районе Босфора и Дарданелл и, следовательно, в улучшении своих отношений с Османской империей. Русскому посланнику в Константинополе было дано ясное определение основной идеи русской политики на Востоке: «Император желает сохранения Турции» (ВПР 2005: 188). Через Чёрное море вывозилась большая часть экспортной русской пшеницы, и эти показатели постоянно увеличивались. После заключения Адрианопольского мира (ст. 7 устанавливала «полную и совершенную свободу торговли» для российских подданных (Юзефович 1869: 75) торговля Одессы стабильно

росла (И. 1872: 11–12). Черноморская торговля процветала, и любое осложнение на Проливах существенно сказывалось на её показателях.

В октябре 1831 года начался пограничный конфликт между египетским правителем Мехмедом-Али и пашой Акры¹. Решить его переговорами не удалось, султан Махмуд II потребовал прекратить военные действия, а когда этого не случилось, объявил войну Мехмеду-Али (Война в Сирии Наместника Египетского... 1838: 78, 80, 85–87); (Сен-Жан-д'Акр 1845: 188). Египтяне под командованием сына правителя Ибрагим-паши разбили султанскую армию в Палестине и Сирии и взяли Дамаск (Daly 1991: 75), а затем Александретту и вторглись в Анатолию. На море господствовал египетский флот. Великий визирь оказался в плену, войска Ибрагим-паши угрожали Константинополю². Возникла угроза захвата столицы Османской империи.

«Завоевание Турции Мегмед-Али-пашею, — заявил на совещании с Военным министром Нессельроде, — могло бы, с возведением нового лица на престол турецкий, возродить новые силы в сем упадающем царстве и отвлечь внимание и силы наши от дел Европы, а потому Государя особенно занимало удержание султана на колеблющемся престоле его» (Русские на Босфоре в 1833 году 1869: 2). 15 (27) ноября 1832 года последовало распоряжение привести Черноморский флот «как можно наипоспешнее» в готовность к выходу в море. Командующим эскадрой для похода в Босфор был назначен контр-адмирал М. П. Лазарев (М. П. Лазарев. Документы 1955: 7, 9). В Константинополь был отправлен ген.-ад. ген.-л. Н. Н. Муравьёв. 21 декабря 1832 года он прибыл в столицу Османской империи и 4 января 1833 года на аудиенции у султана передал ему предложение помощи со стороны России, после чего отплыл в Александрию к Мехмеду-Али с требованием остановить военные действия на суше и на море (Русские на Босфоре в 1833 году 1869: 5). Одновременно к Ибрагиму-паше был отправлен полковник А. О. Дюгамель, который должен был убедить египетского командующего остановить наступление (Автобиография А. О. Дюгамеля 1885: 498).

Складывалась исключительно благоприятная ситуация для изолированного выступления России на Проливах. Финансы европейских стран в этот момент не вполне ещё отошли от банковского кризиса

¹ См.: (Война в Сирии Наместника Египетского... 1838: 71, 72, 75); (Описание похода Ибрагима паши в Сирию и Анатолию 1834: 100–102); (Сен-Жан-д'Акр 1845: 176–178); (Муравьёв 1869: 1).

² См.: (Описание похода Ибрагима паши в Сирию и Анатолию 1834: 125–127); (Война в Сирии Наместника Египетского... 1838: 8, 17); (Муравьёв 1869: 122).

1825–1828 годов (Conant 1896: 475–479). Политическая нестабильность во Франции и в Англии исключала возможность вмешательства в восточный кризис со стороны Лондона и Парижа. К тому же по-прежнему не был окончательно решён бельгийский вопрос, французская армия и британский флот были вовлечены в конфликт по вопросу о проведении бельгийско-голландской границы. Решалась судьба важнейшей крепости и коммерческого порта в устье Шельды — Антверпена. Часть флота Англии была задействована у Фолклендских островов, решая вопрос о принадлежности этого архипелага. Пруссия не имела в Османской империи сколько-нибудь значительных интересов, а Австрия не могла действовать без поддержки союзников (Айрапетов 2017: 221–226).

14 февраля 1833 года Лазарев доложил императору о выходе эскадры Черноморского флота под его командованием в поход на Босфор. 20 февраля 1833 года эти суда — 4 линейных корабля, 3 фрегата, корвет и бриг — вошли в залив Буюк-Дере на Босфоре (М. П. Лазарев. Документы 1955: 53–54). 4 апреля 1833 года в Константинополь прибыли 2 транспорта с передовым эшелоном русского десанта, а на следующий день и остальные суда с основными силами (Русские на Босфоре в 1833 году 1869: 249). 8 апреля на берег был высажен 10-тысячный десантный отряд (Русские на Босфоре в 1833 году 1869: 030–031), расположившийся на азиатском берегу в долине Ункяр-Искелеси (М. П. Лазарев. Документы 1955: 80–82). Русская эскадра составила к этому времени 10 линейных кораблей, 4 фрегата, корвет, бриг, 2 бомбардирских судна, имевших на своих бортах 1114 орудий, пароход и 4 транспорта (М. П. Лазарев. Документы 1955: 108–110). Ближайшим резервом этой внушительной силы на Босфоре должна была стать 30-тысячная русская оккупационная армия в Дунайских княжествах, стоявшая там на основании решений Адрианопольского мира (Заблоцкий-Десятовский 1882: 407–408).

Вмешательство России привело к мирному завершению кризиса. Египетская армия начала отход в Сирию. 20 июня 1833 года последние египетские части перешли за хребет Тавр (Война в Сирии Наместника Египетского... 1838: 40). Сразу же после получения известий об отступлении египтян, без всяких предварительных условий началась эвакуация русского десантного отряда. Ещё до её окончания А. Ф. Орлов получил от Махмуда II согласие на союзный оборонительный русско-турецкий договор. Он был заключён 8 июля 1833 года в Ункяр-Искелеси сроком на 8 лет. Россия и Турция обязывались в случае необходимости оказывать друг другу военную помощь. Наибольшее значение имело секретное

приложение, по которому Россия отказывалась от военной помощи Турции, но взамен последняя обязывалась «ограничить действия свои в пользу Императорского Российского Двора закрытием Дарданелльского пролива, то есть не позволять никаким иностранным военным кораблям входить в оный под каким бы то ни было предлогом» (Юзефович 1869: 89–92). 9 июля началась посадка русского десанта на корабли в Ункяр-Искелеси, на следующий день русский флот с войсками на борту отбыл в Севастополь (Содействие российских войск... 1837: 143).

Ункяр-Искелесийский договор был триумфом политики «слабого соседа», закрывшей Чёрное море для иностранных флотов. Уже успехи России в войнах с Турцией и Персией крайне обеспокоили Лондон, в 1828 году там впервые выходит книга об опасности русского вторжения в Индию. Ункяр-Искелеси усилил эти опасения. Англия и Франция отреагировали на него исключительно резко — к Дарданеллам были посланы их эскадры. К ноябрю 1833 года в Смирне стояли уже четыре эскадры — английская, французская, австрийская и американская, — 14 линейных кораблей и крупных фрегатов, не считая более мелких судов. Каждая страна постоянно увеличивала свою эскадру под предлогом защиты левантйской торговли (Daly 1991: 105).

29 октября 1833 года британский и французский поверенные в делах вручили российскому правительству ноты, в которых Петербург предупредила — в случае вооружённого вмешательства России во внутренние дела Турции Лондон и Париж будут действовать вместе (Мартенс 1898: 45). Ноты звучали исключительно резко: «Если условия этого акта вызовут впоследствии вооружённое вмешательство России во внутренние дела Турции, то Английское и Французское правительства почтут себя совершенно вправе следовать образу действий, внушённого им обстоятельствами, поступая так, как если бы упомянутого трактата не существовало» (Татищев 1886: 80). Ровно через неделю, 5 ноября 1833 года, последовал русский ответ. Нессельроде ответил на англо-французский демарш нотами, в которых говорилось, что Россия будет выполнять договор, поступая так, как если бы этих нот не существовало (Татищев 1886: 81).

Этот ответ был принят Пальмерстоном крайне болезненно — в Лондоне назвали его «жёстким и высокомерным» (Мартенс Россия и Англия в царствование императора Николая I... 1898: 473). Князь Ливен вынужден был дать следующие разъяснения: русская нота вполне соответствует тону и содержанию британского протеста. После Польского восстания это было уже второе объединение Франции и Великобритании

против России, причём на этот раз откровенно враждебное (Мартенс Собрание трактатов и конвенций... 1898: 47). Оно способствовало процессу сближения России с Пруссией и Австрией. Потепление между Веной и Петербургом началось ещё во время польского мятежа, и теперь возникала возможность для преодоления старых противоречий. В августе и сентябре 1833 года Николай I встретился с Фридрихом-Вильгельмом III и Францем I (Тарле 2003: 89).

Результатом этих встреч и переговоров стало подписание Нессельроде и Меттернихом 18 сентября 1833 года русско-австрийской конвенции в гор. Мюнхенгрец. Она предусматривала совместные действия обоих государств в случае повторения кризиса в Турции, направленные на её сохранение под властью существующей династии (Мартенс 1878: 445–447). Кроме того, в секретном приложении подчёркивалась необходимость совместных русско-австрийских действий в случае, если существующий в Османской империи порядок всё же падёт (Мартенс 1878: 447–449). Кроме того, ещё одна конвенция, подписанная 19 сентября, предусматривала взаимную гарантию польских владений Вены и Петербурга, военную помощь в случае восстания и выдачу политических преступников. Нессельроде после Мюнхенгреца отправился в Берлин, где 16 октября последовало аналогичное соглашение с Пруссией по польскому вопросу (Мартенс 1888: 187–193), а 15 октября 1833 года был заключён русско-австро-пруссский договор. Каждый из монархов получал право на поддержку от других участников в случае внутренней или внешней опасности (Мартенс 1878: 462).

Ответом на русско-австро-прусское сближение стал союз Англии, Франции, Испании и Португалии, заключённый 22 апреля 1834 года. Во Всеподданнейшем отчёте Нессельроде за 1833 год отмечалось, что за прошедший год русская политика ставила перед собой две цели: 1) сохранение status quo на Востоке; 2) создание на Западе оборонительной системы против революции (Мартенс 1878: 463). Эти цели были достигнуты, и таким образом Россия вышла из опасного изоляцией противостояния с Англией и Францией на Востоке, но Европа оказалась разделённой между союзом морских держав и лагерем северных континентальных монархий.

Довольно интенсивным для европейской политики стал 1835 год. Вслед за кончиной Франца I Австрийского и вступлением на престол Фердинанда I последовали встречи трёх монархов в Теплице и объединённые манёвры русских и прусских войск в Калише, приуроченные

к годовщине Кульмского сражения (29 сентября 1813 года). Место было избрано Николаем, потому что оно находилось всего в 5 верстах от русско-прусской границы. На встречу русского и прусского монархов прибыли представители Австрии, германских государств, Англии, Дании, Нидерландов (Татищев 1888: 11). Манёвры начались 11 сентября и закончились 22 октября, вслед за чем войска получили 2-дневное угощение. Несмотря на праздничный настрой, положение было довольно сложным — в Пруссии и Германии постоянно распространялись слухи о польском заговоре. Русский монарх ожидал покушения со стороны польских революционеров, и даже впервые составил текст своего завещания в июле 1835 года (Завещание Николая I сыну 1923: 292). Николай не боялся заговора, он заявил: «Меня охраняет Сам Господь, если я больше не буду нужен России, Он меня призовет» (Бенкендорф 2012: 529).

Покушение не состоялось, хотя в сентябре в Позене по одному из экипажей императорского поезда был сделан ружейный выстрел, пуля оставила след в коляске. Манёвры 1835 года продемонстрировали единство Петербурга, Берлина и Вены (Татищев 1889: 268, 347–371). После окончания торжеств в октябре 1835 года в Праге прошла встреча Николая I и Фердинанда I. Николай посетил и Вену. Результатом русско-австрийского сближения стал секретный договор 14 октября 1835 года по вопросу о вольном городе Кракове (Мартенс 1878: 472). 30 мая 1832 года чрезвычайными комиссарами Держав-покровительниц была создана новая конституция города, в которой вводилась ответственность за нарушение нейтралитета, обязательство республики отказываться в предоставлении убежища беглецам из соседних государств и т. п. (Попов 1875: 130, 136). Фердинандом и Николаем было принято решение включить город в австрийскую таможенную систему и временно занять его союзными войсками, так как сенат Кракова не мог или не хотел организовать высылку политических эмигрантов (Мартенс 1878: 472–474).

Полякам император уже не верил. Возвращаясь в Петербург через Варшаву, он принял делегацию города, но не дал ей возможности говорить: «Вы хотели говорить мне речи? Этого не нужно! Я желаю избавить вас от лжи! Да, господа, я желаю избавить вас от лжи! Знаю, что вы не чувствуете того, в чём хотите меня уверить; знаю, что большая часть из вас, если бы возобновились прежние обстоятельства, были бы готовы опять то же начать, что делали во время революции. Не вы ли сами за пять, за восемь лет перед сим говорили лишь о верности, преданности;

не вы ли уверяли меня в привязанности вашей, — и что же? Спустя несколько дней вы нарушили ваши клятвы, вы совершили дела ужасные!» (Приложения к запискам Д. В. Давыдова 1872: 392). Николай заявил, что впредь готов верить только делам, а не словам, а сам твёрдо намерен придать забвению прошлое (Приложения к запискам Д. В. Давыдова 1872: 392).

Настроение императора будет легче понять, если вспомнить, что причиной австро-русского решения по Кракову было убийство русского дипломатического агента во время беспорядков в городе, его сенат отказался провести наказание виновных. Порядок вынуждены были наводить австрийские, прусские и русские войска (Щербатов 1896: 149–152). Лондон энергично протестовал против оккупации, но эти протесты остались без ответа (Мартенс 1898: 62). Варшавская речь Николая I получила большой резонанс за границей — её содержание быстро стало известно французской прессе, горячо заступившейся за «жертвы рабов и палачей». Император игнорировал эти вопли (Император Николай Павлович в Варшаве 1873). Вскоре русские и прусские части покинули Краков, и там остался только небольшой австрийский гарнизон. Это была уступка Австрии, но поддержка Вены и Берлина была необходима Петербургу. В 1836 году возникла опасность прямого столкновения России и Великобритании.

Седьмая статья Адрианопольского договора открыла Чёрное море для торгового судоходства неприбрежных государств. В связи с этим перед русской политикой и стратегией стояла ещё одна задача — установление эффективного контроля над приобретённым в 1829 году Черноморским побережьем Кавказа от Анапы до Поти. 10 (22) октября 1821 года были Высочайше утверждены «Правила для торговых сношений с Черкесами и Абазинцами». Для морской торговли с горцами выделялся Керченский порт, для сухопутной — залив Бугаз у лимана Кубани. Торговля должна была вестись под контролем русских чиновников, путём обмена товара на товар, запрещался ввоз медной, серебряной, золотой монеты, ассигнаций (как русских, так и иностранных), огнестрельного и холодного оружия, пороха и свинца (ПСЗ РИ 1. Т. 37. 1830: 878–881).

8 (20) апреля 1830 года Нессельроде запросил мнение начальника Морского штаба ген.-ад. адм. кн. А. С. Меншикова по вопросу о необходимости установления постоянного крейсерства вдоль восточного берега Чёрного моря — от Тамани до Поти. Меншиков, естественно, поддержал это предложение и уже 30 апреля (12 марта) 1830 года отдал предписание

командующему Черноморским флотом адм. А. С. Грейгу отправить корабли для крейсерской службы (М. П. Лазарев. Документы 1955: 195). 4 (16) марта 1832 года император Николай I утвердил инструкцию для Черноморских военных крейсеров, в которой говорилось: «Для сохранения Российских владений от внесения заразы и воспрепятствования подвоза военных припасов горским народам военные крейсера будут допускать по черноморскому восточному берегу иностранные коммерческие суда только к двум пунктам — Анапа и Редут-Кале, в коих есть карантин и таможни, к прочим же местам сего берега приближение оным запрещается» (М. П. Лазарев. Документы 1955: 209). 5 (17) мая Нессельроде известил о введении крейсерской блокады русского посланника в Турции для информирования властей. Блокада объяснялась контрабандной перевозкой горцам на судах, приходящих из турецких портов, пороха, свинца и оружия. Петербург предупредил, что после 1 (13) апреля 1832 года всякое иностранное судно у берегов Западного Кавказа, «для торговли не позволенных», будет конфисковано (М. П. Лазарев. Документы 1955: 210).

14 (26) ноября 1836 года военный бриг «Аякс» под командованием капитан-лейтенанта Н. П. Вульфа задержал в бухте Суджук-Кале британскую шхуну «Wixen» (Вульф 1886: 93–94). Она имела на борту контрабанду — груз соли, были свидетельства перевозки оружия. Хозяин шхуны А. Белл и её команда вели себя вызывающе. Отправка контрабандиста была организована первым секретарём британского посольства в Константинополе Д. Урквартом, назначенным на это пост в начале 1835 года при полной поддержке посла лорда Дж. Понсонби (Дегоев 1992: 24). В 1834 году Уркварт опубликовал в Англии книгу под названием «Англия, Франция, Россия и Турция», в которой весьма громко и также бездоказательно приписывал Петербургу коварные планы по захвату Константинополя, Турции и аннексии Персии. Более того, для России, по его мнению, эти захваты были всего лишь прелюдией к завоеванию Индии. Единственным препятствием на пути подобного рода inferнальных планов Уркварт считал «Черкессию».

Так как «Wixen» был захвачен стоящим на якоре во время разгрузки в запретном для торговли районе, то, на основании Положения 1832 года, он был объявлен призом. Корабль был конфискован и передан в состав Черноморского флота, став 10-орудийной шхуной «Суджук-Кале». Из Одессы экипаж Белла за казённый счёт отослан в Константинополь. Вслед за этим последовало резкое ухудшение русско-британских отношений. Пальмерстон категорически отказался принять русские объяснения

и заявил императорскому послу в Англии ген.-ад. ген. от инф. гр. К. О. Поццо ди Борго, что Россия не имеет прав на Кавказ (Мартенс 1898: 63). В парламенте требовали сохранить мир путём угрозы войны и обеспечить свободу торговли в Чёрном море через присутствие британского военного флота (Дегоев 2001: 121–122, 127).

Николай I отреагировал на известия из Лондона словами «Это война! Страшная война!». На донесении Поццо ди Борго о разговоре с Пальмерстоном император сделал собственноручную надпись для вице-канцлера, приказав ему довести до сведения посла лорда Дж. Дерхема: «...что я ни в чём не изменю моего образа действия; что останусь хладнокровным, что я буду защищать наши права во что бы то ни стало» (Мартенс 1898: 65). В подтверждение этих слов последовал приказ привести в состояние повышенной боевой готовности армию и флот, а Черноморскому флоту быть в готовности к перевозке армейского корпуса на Босфор в течение 24 часов после получения приказа (Дегоев 1992: 33). Опасность столкновения была велика, но эта военная тревога завершилась уже к апрелю 1837 года. Лондон не смог найти себе союзника для борьбы с Россией. Самостоятельно Англия действовать не могла. Численность британской армии в 1837 году составляла 114 613 чел., Ост-Индской — 145 600 чел. (из них европейской пехоты — 12 800, туземной — 113 600) (Военные сухопутные силы Англии 1837: 139–140). Для действий против России этого было явно недостаточно.

В результате в официальном ответе правительства и либеральной партии на запрос консерваторов в британском парламенте было отмечено, что Россия по Константинопольской конвенции 1783 года признала Черкесию частью Османской империи, что никогда и никем и не оспаривалось, а следовательно, передача этой территории под власть Петербурга (ст. 4 Адрианопольского договора — «берег Чёрного моря от устья Кубани до пристани Св. Николая включительно» (Юзефович 1869: 74) является вполне законной (Дегоев 2001: 136). Пальмерстон заявил при этом о том, что британское правительство отрицает принадлежность Черкесии России *de facto*, но не оспаривает власть Петербурга над Анапой, Поти и Суджук-Кале, где и состоялся арест британского судна (Мартенс 1898: 66–67). Уркварт был отозван из Турции и попытался по возвращении в Англию обвинить главу Форейн офис в том, что тот был подкуплен русскими. Особого успеха и эта кампания не имела (Норкirk 1992: 160–161).

В очередной раз внешнеполитическая ситуация изменилась в 1839 году, когда началась вторая турецко-египетская война. Она была

объявлена только 7 июня. Уже 21 июня 1839 года турецкие войска были разбиты в первом же сражении при Незибе (Мольтке 1876: 10). 30 июня умер Махмуд II, а новый султан Абдул-Меджид I готов был пойти на новые уступки (Татищев 1887: 453). Утром 4 июля капудан-паша — командующий турецким флотом — вывел эскадру из Дарданелл и отправился вместе с ней в Александрию. Турецкий флот перешёл на сторону Мехмед-Али (Daly 1991: 416). Таким образом, чуть более чем за месяц турки потеряли и армию, и флот, и султана. 15 июля Мехмед-Али потребовал признания наследственной власти над всеми территориями, которые контролировали его войска, и, кроме того, он претендовал на роль регента при 16-летнем султানে, то есть хотел стать фактическим правителем всей Османской империи (Татищев 1887: 453–454).

На сторону султана встали Россия, Англия, Австрия и Пруссия. В дипломатической изоляции осталась лишь покровительница египетского паши — Франция (Stavrianos 2002: 312). 15 июля 1840 года в Лондоне была заключена конвенция между Россией, Австрией, Англией, Пруссией и Турцией. По условиям соглашения египтяне должны были вернуть туркам флот, вывести свои войска из Сирии, Палестины, Аравийского полуострова и острова Крит. За это Египет и Восточный Судан объявлялись наследственными, а Акрский пашалык — пожизненным владением Мехмед-Али, который признавал себя данником султана, на территорию Египта распространялись все договоры Османской империи с другими державами (Мартенс 1898: 130–139).

Конвенция отменяла положение Ункяр-Искелеси, но Николай I был готов пойти на такую уступку взамен на изоляцию Парижа и установление британско-русского сотрудничества. 13 (25) августа 1840 года он писал фельдмаршалу Паскевичу: «Конвенция между Англией, Пруссией, Австрией, мною и Турцией подписана, без Франции!! То важное дело и новая эпоха в политике, ибо в первый раз Англия отстала от Франции» (Щербатов 1896: 229). Вскоре Египет был разгромлен. Реакция Парижа на конвенцию была очень бурной. Премьер-министр Франции А. Тьер заявил, что англо-французский союз мёртв. Парижане закидали кареты британского посла камнями, они распевали «Марсельезу» и призывали двинуться на Рейн. Реакция в германских государствах была предсказуемой (Ridley 1970: 234).

Во Франции началось формирование новых воинских частей, укрепление подступов к Парижу, на экстраординарные военные цели было выделено 100 млн франков. Ещё 22 сентября 1839 года Пальмерстон через

британского посла во Франции предупреждал Тьера, что в случае войны потери Парижа будут весьма значительными. Франции грозили потерей флота, морской торговли, колоний, блокадой армии в Алжире и полным разгромом Мехмед-Али (Татищев 1886: 239–240). Посол Франции в Лондоне Ф. Гизо был бессилён сделать что-либо — у него не было возможности прибегнуть к силе, да и внутреннее положение было далеко не стабильным (Молчанов 1886: 434). Союз морских держав развалился.

Десятилетие 1829–1839 годов началось с русско-франко-британского сотрудничества в восточном вопросе. Император полностью доверял полякам. После 1830–1831 годов всё изменилось. От доверия польскому дворянству не осталось и следа, Царство Польское как отдельное государство, связанное с Российской империей династической унией, исчезло. Русско-французские отношения стали откровенно враждебными. В 1833 году, после того как Россия добилась максимально выгодного для себя режима судоходства в Проливах, возник англо-французский союз, которому противостоял союз северных монархий. Равновесие сил в Европе сыграло свою роль во время инцидента со шхуной «Wixen» в 1836 году. Второй турецко-египетский кризис 1839–1840 годов вновь изменил расклад сил.

Наиболее активно поддерживавшая поляков после 1831 года страна — Франция — находилась в изоляции. Вторая католическая Держава — Австрия — была союзницей России. Что касается Великобритании, то католики там преследовались и в религиозном, и в имущественных отношениях (Lieven 2001: 274), и особенно в Ирландии, где правительство проводило реформу управления имуществами Католической Церкви (Современная политика 1833: 306–307). Папы Лев XII, Пий VIII и Григорий XVI пытались постепенно выравнивать внутреннюю и внешнюю политику Папского государства, учитывая влияние и Австрии, и Франции, и официально враждебной католицизму Англии, и необходимость борьбы с революционерами, которые начали борьбу за объединение Италии. Папский престол не мог быть политически активен (Barry 1911: 217–227).

Внешнеполитический фон для действий против униатской церкви был весьма благоприятным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Автобиография А. О. Дюгамеля // Русский Архив. — М., 1885. — Вып. 4. — С. 489–525.

Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914. Внешняя политика императора Николая I. 1825–1855. — М., 2017. — Т. 2. — 622 с.

Акты, относящиеся до происшествий в Варшаве. Дополнительное донесение Его Императорского высочества Государя Цесаревича от 20 ноября 1830 года, о случившемся возмущении. // Военный Журнал. — 1831. — №2. — С. 113–174.

Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. — М., 2012. — 759 с.

Блиох И. С. Финансы России XIX столетия. История-статистика. — СПб., 1882. — Т. 1. — 292 с.

Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I и Россия в его время. — М., 1869. — Т. 2. — 535 с.

Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I и Россия в его время. — М., 1869. — Т. 6. — 523+132 с.

Великий Князь Наместник Его Императорско-Царского Величества в Царстве Польском // Русский инвалид. — 1862. — 5 октября. — № 219. — С. 752.

Веселовская М. В. Бельгийская революция 1830 г. — М., 1911. — 39 с.

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. — Сер. 1. 1801–1815. — Т. 8. — Май 1814 г. — ноябрь 1815 г. — М., 1972. — 778 с.

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. — Сер. 2. 1815–1830. — Т. 5 (13). Январь 1823 г. — декабрь 1824 г. — М., 1982. — 831 с.

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. — Т. 17. Август 1830 г. — январь 1832 г. — М., 2005. — 720 с.

Военные сухопутные силы Англии // Военный Журнал. — 1837. — № 5. — С. 138–141.

Военский К. Император Николай и Польша в 1830 году. Материалы для истории польского восстания 1830–1831 гг. / пер. с рукописи Фаддея Вылежинского. — СПб., 1905. — 154 с.

Война в Сирии Наместника Египетского Мехмеда-Али с Портою Оттоманскою с 1831 по 1833 год // Военный Журнал. — 1838. — № 1. — С. 70–88.

Воробьёв Г. А. Посылка Тадеуша Вылежинского в Петербург в 1830–1831 гг. // Русская старина. — 1903. — Т. 114. — Вып. 5. — С. 351–362.

Воспоминания А. Л. Зеланда о польском восстании и войне 1830–1831 гг. // Русская старина. — 1892. — Т. 76. — Вып. 11. — С. 316–326.

Воспоминания прелата Буткевича. Польское восстание 1831 года // Русская старина. — 1878. — Т. 22. — Вып. 8. — С. 591–615.

Воспоминания французского дипломата при С.-Петербургском дворе 1828–1831 годов // Военный Сборник. — 1866. — № 6. — С. 273–306.

Вульф П. [Н.] Английская шхуна Wixen — военный приз, взятый бригадом «Аякс» у берегов Кавказа в 1836 г. // Морской сборник. — 1886. — № 4.

Высочков Л. В. Николай I. — М., 2003. — 693 с.

Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. — М., 2001. — 443 с.

Дегоев В. В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30–60-х гг. XIX в. — Владикавказ, 1992. — 311 с.

Действия Проводского отряда в 1828–1829 годах (Посмертные записки генерала Купреянова) // Военный сборник. — 1875. — № 2. — С. 158–180.

Действия судилищ Царства Польского. № 11 // Завелийский М. Статистика Царства Польского по Высочайшему повелению составленная. — СПб., 1842.

Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века. — СПб., 2007. — 645 с.

Епанчин Н. [А.] Очерк похода 1829 г. в Европейской Турции. — Ч. 3. Переход через Балканы. — СПб., 1906. — 514 с.

Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. — СПб., 1882. — Т. 1. — 422 с.

Завещание Николая I сыну // Красный архив. — М., 1923. — Т. 3. — С. 291–293.

Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. — М., 1908. — Т. 1. — 768 с.

Записки графа Мориоля // Исторический Вестник. — 1909. — № 10. — С. 73–104.

И. Очерк Одесского порта, его заграничного судоходства и торговли // Морской Сборник. — 1872. — № 4. — С. 1–50.

Извлечение из отчёта министра внутренних дел за 1833 год. — СПб., 1834. — С. 1–143.

Император Николай Павлович в Варшаве. 1835 г. // Русская старина. — 1873. — Т. 7. — Вып. 5. — С. 677–690.

Июльская революция во Франции. Из двух современных писем // Русский архив. — М., 1909. — Вып. 4. — С. 565–567.

К истории революции 1830 г. в Бельгии // Красный архив. — М., 1941. — Т. 1 (104). — С. 199–248.

Кабузан В. М. Народы России в первой половине XIX в. Численность, этнический состав. — М., 1992. — 214 с.

Карнович Е. П. Цесаревич Константин Павлович. 1779–1831 // Русская старина. — 1878. — Т. 21. — Вып. 1. — С. 1–28.

Кизиветтер А. А. Император Николай I, как конституционный монарх // Исторические очерки. — М., 1912. — С. 402–412.

Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского. — СПб., 1907. — 148 с.

Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. — М., 1993. — 445 с.

Лодыженский К. История русского таможенного тарифа. — СПб., 1886. — XVI, 312, 82 с.

М. П. Лазарев. Документы. — М., 1955. — Т. 2. — 712 с.

Майков П. Царство Польское после Венского конгресса // Русская старина. — 1905. — Т. 121. — Вып. 1. — С. 154–169.

Максимович М. Воспоминание о польском восстании 1830 года (Из записок очевидца) // Военный сборник. — 1875. — № 4. — С. 190–201.

Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами. Трактаты с Англией 1832–1895. — СПб., 1898. — Т. 12. — 504 с.

Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами. Трактаты с Австрией. 1808–1815. — СПб., 1876. — Т. 3. — 549 с.

Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами. Трактаты с Австрией. 1815–1849. — СПб., 1878. — Т. 4. — 601 с.

Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами. Т. 8. Трактаты с Германиею. 1825–1888. — СПб., 1888. — 747 с.

Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами. Т. 11. Трактаты с Англией 1801–1831. — СПб., 1895. — 492 с.

Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами. Т. 12. Трактаты с Англией 1832–1895. — СПб., 1898. — 504 с.

Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными Державами. Т. 15. Трактаты с Франциею 1822–1906. — СПб., 1909. — 836 с.

Мартенс Ф. Ф. Россия и Англия в царствование императора Николая I // Вестник Европы. — 1898. — № 2. — 465–502.

Между двумя войнами (Эпизод из царствования императора Николая). 1830 г. // Русская старина. — 1881. — Т. 31. — Вып. 7. — С. 373–378.

Министерство финансов. 1802–1902. — СПб., 1902. — Ч. 1. — 640 с.

Молчанов А. Н. Восточный вопрос в 1839–1841 годах // Исторический вестник. — 1886. — № 5. — С. 464–476.

Мольтке Г. Русско-турецкая кампания в Европейской Турции 1828 и 1829 г. — СПб., 1876. — Вып. 1. — 187 с.

Муравьёв Н. Н. Турция и Египет в 1832–1833 годах. — М., 1869. — Т. 2. — 188 с.

Описание похода Ибрагима паши в Сирию и Анатолию // Военный журнал. — 1834. — № 6. — С. 75–128.

Покровский В. И. Рассказы из истории последнего пятидесятилетия // Отечественные Записки. — 1868. — № 9. — С. 245–282.

Полное собрание законов Российской империи. — СПб., 1830. — Т. 38. — 1354 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. — СПб., 1832. — Т. 6. — 790 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. — СПб., 1834. — Т. 8. — 832 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. — СПб., 1833. — Т. 7. — 1492 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. — СПб., 1830. — Т. 37. — 983 с.

Польское восстание в 1830–1831 гг. Записки Мохнацкого // Русская старина. — 1891. — Т. 69. — Вып. 2. — С. 545–566.

Польское восстание в 1830–1831 гг. Рассказ Мохнацкого // Русская старина. — 1884. — Т. 43. — Вып. 7. — С. 157–202.

Попов Н. А. Варшавское герцогство // Русский Вестник. — 1866. — Т. 61. — № 1. — С. 8–20.

Попов Н. А. Вольный город Краков. 1815–1846 // Вестник Европы. — 1875. — № 3.

Приложения к запискам Д. В. Давыдова. Речь императора Николая депутатам города Варшавы при приёме их во дворце Лазен-

ки 4/16 октября 1835 года // Русская старина. — 1872. — Т. 6. — Вып. 10. — С. 391–393.

Пузыревский [А.][К.] Польско-русская война 1831 г. — СПб., 1890. — Т. 1. — 440 с.

Рапорт Наместника Царства Польского Его Императорскому Величеству // Сборник Русского Императорского Общества. — СПб., 1896. — Т. 98. — С. 592–615.

Россия и Германия в XIX веке // Русская Старина. — 1898. — Т. 94. — Вып. 6. — С. 465–489.

Русские на Босфоре в 1833 году. Из записок Н. Н. Муравьева (Карского). — М., 1869. — 462 с.

С. З. Император Николай I и Европейские революции // Русская старина. — 1904. — Т. 117. — Вып. 3. — С. 517–551.

Сапега Л. Л. Мемуары князя Л. Сапеги 1803–1863. — Пгр., 1915. — 316 с.

Сен-Жан-д'Акр, с 1291 по 1840 года // Инженерные Записки. — 1845. — Ч. 28. — Кн. 1. — С. 175–204.

Смит Ф. История польского восстания и войны 1830 и 1831 годов. — СПб., 1863. — Т. 1. — 497 с.

Современная политика. Обзорение новейших происшествий. Англия // Сын Отечества и Северный архив. Журнал литературы, политики и современной истории. — 1833. — № 12. — С. 306–307.

Современные летописи. Из Варшавы, от 25-го мая 1829. О коронации Его Императорского Величества // Отечественные записки. — 1829. — № 110. — С. 418–434.

Содействие российских войск к скорому заключению мира между Портою Оттоманскою и Египетским пашею // Военный журнал. — 1837. — № 5. — С. 140–151.

Т. Поездка в главную квартиру фельдмаршала графа Дибича-Забалканского в марте 1831 года (Из записок прусского генерала от инфантерии Брандта) // Военный сборник. — 1873. — № 3. — С. 234–240.

Тарле Е. В. Крымская война. — М., 2003. — Т. 1. — 557 с.

Татищев С. С. Внешние отношения России в эпоху Крымской войны // Русский вестник. — 1886. — Т. 183. — № 5. — С. 25–81.

Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая I. Введение в историю внешних сношений России в эпоху Севастопольской войны. — СПб., 1887. — 639 с.

- Татищев С. С. Император Николай I и прусская армия // Русский вестник. — 1888. — Т. 195. — № 4. — С. 2–32.
- Татищев С. С. Император Николай и иностранные Дворы. Исторические очерки. — СПб., 1889. — 459 с.
- Циммерман В. Материалы для истории польского восстания 1830 г. // Военный сборник. — 1869. — № 8. — С. 189–205.
- Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. — СПб., 1905. — Т. 3. — 569 с.
- Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. — СПб., 1903. — Т. 2. — 820 с.
- Щербатов [А.] [П.] Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. — СПб., 1894. — Т. 4. — 235 с.
- Щербатов [А.] [П.] Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. — СПб., 1896. — Т. 5. — 396 с.
- Юзефович Т. [П.] Договоры России с Востоком политические и торговые. — СПб., 1869. — 296 с.
- Barry W. Papacy and the modern times. A political sketch, 1303–1870. — Lnd.-NY., 1911. — 256 p.
- Conant Ch. A. A history of the modern banks of issue. With an account of the economic crises of the present century. — Lnd-NY., 1896. — 595 p.
- Curtiss J. S. Russia's Crimean war. — Duke University Press, Durham, N.C., 1979. — 597 p.
- Daly J.C.K. Russian seapower and «the Eastern Question» 1827–1841. — Naval Institute Press, Annapolis. 1991. — 314 p.
- Gooch G. P., Masterman J. H. B. A century of British foreign policy. — Lnd., 1917. — 110 p.
- Hopkirk P. The Great Game. The struggle for Empire in Central Asia. — NY.-Tokyo-Lnd., 1992. — 564 p.
- Lieven D. Empire. The Russian Empire and its rivals. — Yale University Press. 2001. — 486 p.
- Ranke L. The history of the Popes, their Church and State and especially of their conflicts with Protestantism in the sixteenth and seventieth centuries. — Lnd., 1847. — Vol. 3. — 527 p.
- Recit des operations de l'armee Francaise en Espagne, sous les orders de S.A.R. Mr. Duc D'Angouleme. — Paris. 1823. — 379 p.
- Ridley J. Lord Palmerston. — Lnd., 1970. — 896 p.
- Stavrianos L. S. The Balkans since 1453. — Lnd., 2002. — 970 p.
- Webster Ch. The foreign policy of Palmerston. 1830–1841. Britain, the liberal movement and the Eastern question. — Lnd., 1951. — Vol. 1. — 914 p.

Сведения об авторе:

Олег Рудольфович Айрапетов — кандидат исторических наук, доцент, факультет государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1, e-mail: oleg_airapetov@list.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.02.2024; одобрена после рецензирования 17.03.2024; принята к публикации 06.04.2024.

O. R. Airapetov

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY,
MOSCOW, RUSSIA

1829–1839: Russia's Foreign Policy on the Eve of the 1839 Events

Abstract. The resolution of the Uniate schism marked a pivotal moment in Emperor Nicholas I's reign. Initially, there were no indications or plans for substantial changes in policies regarding the Empire's western territories. Petersburg adhered to the tradition of dialogue with the first estate, while Nicholas upheld his predecessor's stance towards the Kingdom of Poland.

Viewing the Constitution of 1815 as part of his heritage, Nicholas assumed the title of King of Congress Poland and displayed considerable generosity towards his Polish subjects. Russo-British-French collaboration on the Eastern question, particularly in addressing the pressing Greek issue, created favorable external political circumstances for Petersburg before the Russo-Turkish War of 1828–1829. This period seemingly marked the end of the monarchical solidarity of the Holy Alliance and preserved the status quo of the Vienna System.

However, the revolutionary events of 1830 precipitated significant changes. The demise of the Bourbons severed the possibility of allied or partnership relations with Paris for the foreseeable future. Following the deposition of the Romanovs, sanctioned by the Sejm of rebels in January 1831, the Russo-Polish conflict erupted, resulting in the further dissolution of Polish statehood. Consequently, Emperor's trust in the Polish nobility waned. The first Egyptian crisis of 1833 reignited tensions among European powers, and by 1836,

relations between Petersburg and London teetered on the brink of war for the first time in years. The second Turkish-Egyptian crisis of 1839–1840 once again altered the diplomatical landscape.

France, the most ardent supporter of the Poles after 1831, found itself isolated. Austria, as the second Catholic State, aligned itself with Russia. As for Great Britain, the religious policy of London, while supporting the Papal State in Italy, was quite distant from supporting Catholicism in their own territories, especially in Ireland. All these factors created favorable conditions for the reform of 1839.

Keywords: Russia, France, Great Britain, Austria, Prussia, Ottoman Empire, Eastern question, Greek issue, the Kingdom of Poland, Holy Alliance, Straits, the case of the Vixen, Unkiar Skelessi, London Conventions

For citation: Airapetov, O. R. (2024). 1829–1839: Russia's Foreign Policy on the Eve of the 1839 Events. *Orthodoxia*, (3), 80–121. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-3-80-121

REFERENCES:

Avtobiografiia A. O. Diugamelia [Autobiography of A. O. Dugamel]. (1885). *Russky Arkhiv*, (4), 489–525. [In Russian].

Airapetov, O. R. (2017). *Istoriia vneshnei politiki Rossiiskoi imperii. 1801–1914. Vneshniaia politika imperatora Nikolaia I. 1825–1855* [History of the Foreign Policy of the Russian Empire. 1801–1914. The Foreign Policy of Emperor Nicholas I. 1825–1855] (Vol. 2). Moscow. [In Russian].

Akty, otносиashchiesia do proisshestvii v Varshave. Dopolnitel'noe donesenie Ego Imperatorskogo vysochestva Gosudaria Tsesarevicha ot 20 noiabria 1830 goda, o sluchivshemsia vozmushcheny [Acts Related to the Incidents in Warsaw. An Additional Report from His Imperial Highness the Sovereign Tsarevich Dated November 20, 1830, about the Outrage that Occurred]. (1831). *Voennyi Zhurnal*, (2), 113–174. [In Russian].

Benkendorf, A. Kh. (2012). *Vospominaniia. 1802–1837* [Memoirs. 1802–1837]. Moscow. [In Russian].

Bliokh, I. S. (1882). *Finansy Rossii XIX stoletii. Istoriia-statistika* [The Leaders of Russia of the XIX Century. History is Statistics] (Vol. 1). Saint Petersburg. [In Russian].

Bogdanovich, M. I. (1869). *Istoriia tsarstvovaniia imperatora Aleksandra I i Rossiia v ego vremia* [The Historical Rule of Emperor Alexander and Russia in His Time] (Vol. 2). Moscow. [In Russian].

Bogdanovich, M. I. (1869). *Istoriia tsarstvovaniia imperatora Aleksandra I i Rossiia v ego vremia* [The Historical Rule of Emperor Alexander and Russia in His Time] (Vol. 6). Moscow. [In Russian].

Veliky Kniaz' Namestnik Ego Imperatorsko-Tsarskogo Velichestva v Tsarstve Pol'skom [The Grand Duke, the Viceroy of His Imperial and Royal Majesty in the Kingdom of Poland]. (1862). *Russkii invalid*, (219), 752. [In Russian].

Veselovskaia, M. V. (1911). *Bel'giiskaia revoliutsiia 1830 g.* [The Belgian Revolution of 1830]. Moscow. [In Russian].

Vneshniaia politika Rossii XIX i nachala XX veka. Dokumenty rossiiskogo ministerstva inostrannykh del [The Foreign Policy of Russia in the XIX and Early XX Centuries. Documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs] (Ser. 1, Vol. 8, May 1814 — November 1815). (1972). Moscow. [In Russian].

Vneshniaia politika Rossii XIX i nachala XX veka. Dokumenty rossiiskogo ministerstva inostrannykh del [The Foreign Policy of Russia in the XIX and Early XX Centuries. Documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs] (Ser. 2, Vol. 5, January 1823 — December 1824). (1982). Moscow. [In Russian].

Vneshniaia politika Rossii XIX i nachala XX veka. Dokumenty rossiiskogo ministerstva inostrannykh del [The Foreign Policy of Russia in the XIX and Early XX Centuries. Documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs] (Vol. 17, August 1830 — January 1832). (2005). Moscow. [In Russian].

Voennye sukhoputnye sily Anglii [Military Land Forces of England]. (1837). *Voennyi Zhurnal*, (5), 138–141. [In Russian].

Voensky, K. (1905). *Imperator Nikolai i Pol'sha v 1830 godu. Materialy dlia istorii pol'skogo vosstaniia 1830–1831 gg.* [Emperor Nicholas and Poland in 1830. Materials for the history of the Polish Uprising of 1830–1831]. Saint Petersburg. [In Russian].

Voina v Sirii Namestnika Egipetskogo Mekhmeda-Ali s Portoiu Ottomanskoiu s 1831 po 1833 god [The War in Syria of the Egyptian Governor Mehmed Ali with the Ottoman Porta from 1831 to 1833]. (1838). *Voennyi Zhurnal*, (1), 70–88. [In Russian].

Vorobiev, G. A. (1903). *Posylka Tadeusha Vylezhinskogo v Peterburg v 1830–1831 gg.* [The Parcel of Tadeusz Vylezhinsky to St. Petersburg in 1830–1831]. In *Russkaia starina* (Vol. 114, № 5, pp. 351–362). [In Russian].

Vospominaniia, A. L. (1892). *Zelanda o pol'skom vosstanii i voine 1830–1831 gg.* [Memoirs of A. L. Zeland about the Polish Uprising and the War of 1830–1831]. In *Russkaia starina*, (Vol. 76, № 11, pp. 316–326). [In Russian].

Vospominaniia prelata Butkevicha. Pol'skoe vosstanie 1831 goda [Memoirs of Prelate Butkevich. The Polish Uprising of 1831]. (1878). *Russkaia starina*, (Vol. 22, № 8, pp. 591–615). [In Russian].

Vospominaniia frantsuzskogo diplomata pri S.-Peterburgskom dvore 1828–1831 godov [Memoirs of a French Diplomat at the St. Petersburg Court of 1828–1831]. (1866). *Voennyi Sbornik*, (6), 273–306. [In Russian].

Vulf, P. N. (1886). Angliiskaia shkhuna Wixen — voennyi priz, vziatyi brigom “Aiaks” u beregov Kavkaza v 1836 g. [The English Queen Vixen is a Military Prize Created by the Brig “Aks” off the Coast of the Caucasus in 1836]. *Morskoi sbornik*, (4). [In Russian].

Vyskochkov, L. V. (2003). *Nikolai I*. Moscow. [In Russian].

Degoev, V. V. (2001). *Bol'shaia igra na Kavkaze: istoriia i sovremennost'* [The Big Game in the Caucasus: History and Modernity]. Moscow. [In Russian].

Degoev, V. V. (1992). *Kavkazsky vopros v mezhdunarodnykh otnosheniakh 30–60-kh gg. XIX v.* [The Caucasian Question in International Relations of the 30–60s of the XIX Century]. Vladikavkaz. [In Russian].

Deistviia Provodskogo otriada v 1828–1829 godakh (Posmertnye zapiski generala Kupreianova) [The Actions of the Provodsky Detachment in 1828–1829 (Posthumous Notes of General Kupreyanov)]. (1875). *Voennyi sbornik*, (2), 158–180. [In Russian].

Deistviia sudilishch Tsarstva Pol'skogo. № 11 [The Actions of the Courts of the Kingdom of Poland. №. 11]. (1842). In *Statistika Tsarstva Pol'skogo po Vysochaishemu poveleniiu sostavlennaiia*. Saint Petersburg. [In Russian].

Dubrovin, N. F. (2007). *Russkaia zhizn' v nachale XIX veka* [Russian Life at the Beginning of the XIX Century]. Saint Petersburg. [In Russian].

Epanchin, N. A. Ocherk pokhoda 1829 g. v Evropeiskoi Turtsii [An Essay on the Campaign of 1829 in European Turkey] (Part 3. Perekhod cherez Balkany). (1906). Saint Petersburg. [In Russian].

Zablotsky-Desiatovsky, A. P. (1882). Graf P. D. Kiselev i ego vremia. Materialy dlia istorii imperatorov Aleksandra I, Nikolaia I i Aleksandra II [Count P. D. Kiselyov and His Time. Materials for the Stories of Emperors Alexander I, Nicholas I and Alexander II] (Vol. 1). Saint Petersburg. [In Russian].

Zaveshchanie Nikolaia I synu [The Testament of Nicholas I to His Son]. (1923). In *Krasnyi arkhiv* (Vol. 3). Moscow. [In Russian].

Zaionchkovsky, A. M. (1908). *Vostochnaia voina 1853–1856 gg. v sviazi s sovremennoi ei politicheskoi obstanovkoi* [The Eastern War of 1853–1856 in Connection with the Current Political Situation] (Vol. 1). [In Russian].

Zapiski grafa Moriollia [The Notes of Count Morioll]. (1909). *Istoricheskii Vestnik*, (10), 73–104. [In Russian].

I. (1872). Oчерk Odesskogo porta, ego zagranichnogo sudokhodstva i trgovli [An outline of the Odessa port, its foreign shipping and trade]. *Morskoi Sbornik*, (4), 1–50. [In Russian].

Iz vlechenie iz otcheta ministra vnutrennikh del za 1833 god [Extract from the Report of the Minister of the Interior for 1833]. (1834). Saint Petersburg. [In Russian].

Imperator Nikolai Pavlovich v Varshave. 1835 g. [Emperor Nikolai Pavlovich in Warsaw. 1835]. (1873). *Russkaia starina*, (5), 677–690. [In Russian].

Iul'skaia revoliutsiia vo Frantsii. Iz dvukh sovremennykh pisem [The July Revolution in France. From Two Modern Letters]. (1909). *Russkii arkhiv*, (4), 565–567. [In Russian].

K istorii revoliutsii 1830 g. v Bel'gii [On the History of the Revolution of 1830 in Belgium]. (1941). *Krasnyi arkhiv*, (104), 199–248. [In Russian].

Kabuzan, V. M. (1992). *Narody Rossii v pervoi polovine XIX v. Chislennost', etnicheskii sostav* [The Peoples of Russia in the First Half of the XIX Century. Number, Ethnic Composition]. Moscow. [In Russian].

Karnovich, E. P. (1878). Tsesarevich Konstantin Pavlovich. 1779–1831 [Tsarevich Konstantin Pavlovich. 1779–1831]. *Russkaia starina*, (1), 1–28. [In Russian].

Kizivetter, A. A. (1912). Imperator Nikolai I, kak konstitutsionnyi monarkh [Emperor Nicholas I, as a Constitutional Monarch]. In *Istoricheskie oчерki* (pp. 402–412). [In Russian].

Konstitutsionnaia khartiia 1815 goda i nekotorye drugie akty byvshego Tsarstva Pol'skogo [The Constitutional Charter of 1815 and Some Other Acts of the Former Kingdom of Poland]. (1907). Saint Petersburg. [In Russian].

Kornilov, A. A. (1993). *Kurs istorii Rossii XIX veka* [Course of the history of Russia of the XIX century]. Moscow. [In Russian].

Lodyzhensky, K. (1886). *Istoriia russkogo tamozhennogo tarifa* [The history of the Russian Customs Tariff]. Saint Petersburg. [In Russian].

M. P. Lazarev. Dokumenty [M. P. Lazarev. Documents] (Vol. 2). (1955). Moscow. [In Russian].

Maikov, P. (1905). Tsarstvo Pol'skoe posle Venskogo kongressa [The Kingdom of Poland after the Vienna Congress]. *Russkaia starina*, (1), 154–169. [In Russian].

Maksimovich, M. (1875). Vospominanie o pol'skom vosstanii 1830 goda (Iz zapisok ochevidtsa) [Recollection of the Polish Uprising of 1830 (From the Notes of an Eyewitness)]. *Voennyi sbornik*, (4), 190–201. [In Russian].

Martens, F. F. (1898). *Sobranie traktatov i konventsii, zakliuchennykh Rossieiu s inostrannymi Derzhavami. Traktaty s Anglieiu 1832–1895* [Collection of Treatises and Conventions Concluded by Russia with Foreign Powers. Treatises with England 1832–1895] (Vol. 12). Saint Petersburg. [In Russian].

Martens, F. F. (1876). *Sobranie traktatov i konventsii, zakliuchennykh Rossieiu s inostrannymi Derzhavami. Traktaty s Avstriei. 1808–1815* [Collection of treaties and conventions concluded by Russia with foreign Powers. Treatises with Austria. 1808–1815] (Vol. 3). Saint Petersburg. [In Russian].

Martens, F. F. (1878). *Sobranie traktatov i konventsii, zakliuchennykh Rossieiu s inostrannymi Derzhavami. Traktaty s Avstriei. 1815–1849* [Collection of treaties and conventions concluded by Russia with foreign Powers. Treatises with Austria. 1815–1849] (Vol. 4). Saint Petersburg. [In Russian].

Martens, F. F. (1888). *Sobranie traktatov i konventsii, zakliuchennykh Rossieiu s inostrannymi Derzhavami. T. 8. Traktaty s Germanieiu. 1825–1888* [Collection of treaties and conventions concluded by Russia with foreign Powers. Vol. 8. Treatises with Germany. 1825–1888] (Vol. 8). Saint Petersburg. [In Russian].

Martens, F. F. (1895). *Sobranie traktatov i konventsii, zakliuchennykh Rossieiu s inostrannymi Derzhavami. T. 11. Traktaty s Anglieiu 1801–1831* [Collection of treaties and conventions concluded by Russia with foreign Powers. Vol. 11. Treatises with England 1801–1831] (Vol. 11). Saint Petersburg. [In Russian].

Martens, F. F. (1898). *Sobranie traktatov i konventsii, zakliuchennykh Rossieiu s inostrannymi Derzhavami. T. 12. Traktaty s Anglieiu 1832–1895* [Collection of treaties and conventions concluded by Russia with foreign Powers. Vol. 12. Treatises with England 1832–1895] (Vol. 12). Saint Petersburg. [In Russian].

Martens, F. F. (1909). *Sobranie traktatov i konventsii, zakliuchennykh Rossieiu s inostrannymi Derzhavami. T. 15. Traktaty s Frantsieiu 1822–1906* [Collection of treaties and conventions concluded by Russia with foreign Powers. Vol. 15. Treatises with France 1822–1906] (Vol. 15). Saint Petersburg. [In Russian].

Martens, F. F. (1898). *Rossia i Angliia v tsarstvovanie imperatora Nikolaia I* [Russia and England in the reign of Emperor Nicholas I]. *Vestnik Evropy*, (2), 465–502. [In Russian].

Mezhdu dvumia voinami (Epizod iz tsarstvovaniia imperatora Nikolaia). 1830 g. [Between the Two Wars (An Episode from the Reign

of Emperor Nicholas). 1830]. (1881). *Russkaia starina*, (7), 373–378. [In Russian].

Ministerstvo finansov. 1802–1902 [Ministry of Finance. 1802–1902] (Part 1). (1902). Saint Petersburg. [In Russian].

Molchanov, A. N. (1886). *Vostochnyi vopros v 1839–1841 godakh* [The Eastern Question in 1839–1841]. *Istorichesky vestnik*, (5), 464–476. [In Russian].

Moltke, G. (1876). *Russko-turetskaia kampaniia v Evropeiskoi Turtsii 1828 i 1829 g.* [The Russian-Turkish Campaign in European Turkey in 1828 and 1829]. Saint Petersburg. [In Russian].

Muraviev, N. N. (1869). *Turtsiia i Egipet v 1832–1833 godakh* [Turkey and Egypt in 1832–1833] (Vol. 2). Moscow. [In Russian].

Opisanie pokhoda Ibragima pathi v Siriiu i Anatoliiu [Description of Ibrahim Pasha's Campaign in Syria and Anatolia]. (1834). *Voennyi zhurnal*, (6), 75–128. [In Russian].

Pokrovsky, V. I. (1868). *Rasskazy iz istorii poslednego piatidesiatiletia* [Stories from the history of the last fifty years]. *Otechestvennye Zapiski*, (9), 245–282. [In Russian].

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire] (Vol. 38). (1830). Saint Petersburg. [In Russian].

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Second Collection] (Vol. 6). (1832). Saint Petersburg. [In Russian].

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Second Collection] (Vol. 8). (1834). Saint Petersburg. [In Russian].

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Second Collection] (Vol. 7). (1833). Saint Petersburg. [In Russian].

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Second Collection] (Vol. 37). (1830). Saint Petersburg. [In Russian].

Pol'skoe vosstanie v 1830–1831 gg. Zapiski Mokhnatskogo [The Polish Uprising in 1830–1831. Mokhnatsky's Notes]. (1891). *Russkaia starina*. (2), 545–566. [In Russian].

Pol'skoe vosstanie v 1830–1831 gg. Rasskaz Mokhnatskogo [The Polish Uprising in 1830–1831. Mokhnatsky's Story]. (1884). *Russkaia starina*, (7), 157–202. [In Russian].

Popov, N. A. (1866). *Varshavskoe gertsogstvo* [The Duchy of Warsaw]. *Russky Vestnik*, (1), 8–20. [In Russian].

Popov, N. A. (1875). Vol'nyi gorod Krakov. 1815–1846 [The Free City of Krakow. 1815–1846]. *Vestnik Evropy*, (3). [In Russian].

Prilozheniia k zapiskam D. V. Davydova. Rech' imperatora Nikolaia deputatam goroda Varshavy pri prieme ikh vo dvortse Lazenki 4/16 oktiabria 1835 goda [Appendices to the Notes of D. V. Davydov. The Speech of Emperor Nicholas to the Deputies of the City of Warsaw at Their Reception at the Lazenka Palace on October 4/16, 1835]. (1872). *Russkaia starina*, (10), 391–393. [In Russian].

Puzyrevsky, A. K. (1890). Pol'sko-russkaia voina 1831 g. [The Polish-Russian War of 1831] (Vol. 1). Saint Petersburg. [In Russian].

Raport Namestnika Tsarstva Pol'skogo Ego Imperatorskomu Velichestvu [The Report of the Governor of the Kingdom of Poland to His Imperial Majesty]. (1896). In *Sbornik Russkogo Imperatorskogo Obshchestva* (Vol. 98, pp. 592–615). Saint Petersburg. [In Russian].

Rossiia i Germaniia v XIX veke [Russia and Germany in the XIX Century]. (1898). *Russkaia Starina*, (6), 465–489. [In Russian].

Russkie na Bosfore v 1833 godu. Iz zapisok N. N. Murav'eva (Karskogo) [Russians on the Bosphorus in 1833. From the Notes of N. N. Muravyov (Karsky)]. (1869). Moscow. [In Russian].

S. Z. (1904). Imperator Nikolai I i Evropeiskie revoliutsii [Emperor Nicholas I and the European Revolutions]. *Russkaia starina*, (3), 517–551. [In Russian].

Sapega, L. L. (1915). *Memuary kniazia L. Sapegi 1803–1863* [Memoirs of Prince L. Sapega 1803–1863]. Petrograd. [In Russian].

Sen-Zhan-d'Akr, s 1291 po 1840 goda [Saint-Jean-d'Acre, from 1291 to 1840]. (1845). In *Inzhenernye Zapiski* (Part 28, Book 1, pp. 175–204). [In Russian].

Smit, F. (1863). *Istoriia pol'skogo vosstaniia i voiny 1830 i 1831 godov* [The History of the Polish Uprising and the War of 1830 and 1831] (Vol. 1). Saint Petersburg. [In Russian].

Sovremennaia politika. Obozrenie noveishikh proisshествii. Angliia [Modern Politics. Review of the Latest Incidents. England]. (1833). *Syn Otechestva i Severnyi arkhiv. Zhurnal literatury, politiki i sovremennoi istorii*, (12), 306–307. [In Russian].

Sovremennye letopisi. Iz Varshavy, ot 25-go maia 1829. O koronatsii Ego Imperatorskogo Velichestva [Modern Chronicles. From Warsaw, Dated May 25th, 1829. On the Coronation of His Imperial Majesty]. (1829). *Otechestvennye zapiski*, (110), 418–434. [In Russian].

Sodeistvie rossiiskikh voisk k skoromu zakliucheniiu mira mezhdou Portoiu Ottomanskoiu i Egipetskim pasheiu [Assistance of the Russian

Troops to the Early Conclusion of Peace between the Ottoman Port and the Egyptian Pasha]. (1837). *Voennyi zhurnal*, (5), 140–151. [In Russian].

T. (1873). Poezdka v glavniu kvartiru fel'dmarshala grafa Dibicha-Zabalkanskogo v marte 1831 goda (Iz zapisok prusskogo generala ot infanterii Brandta) [A Trip to the Headquarters of Field Marshal Count Dibich-Zabalkansky in March 1831 (From the Notes of the Prussian General from the Infantry Brandt)]. *Voennyi sbornik*, (3), 234–240. [In Russian].

Tarle, E. V. (2003). *Krymskaia voina* [The Crimean War] (Vol. 1). Moscow. [In Russian].

Tatishchev, S. S. (1886). Vneshnie otnosheniia Rossii v epokhu Krymskoi voiny [Foreign Relations of Russia in the Era of the Crimean War]. *Russkii vestnik*, (5), 25–81. [In Russian].

Tatishchev, S. S. (1887). *Vneshniaia politika imperatora Nikolaia I. Vvedenie v istoriiu vneshnikh snoshenii Rossii v epokhu Sevastopol'skoi voiny* [The Foreign Policy of Emperor Nicholas I. An Introduction to the History of Russia's Foreign Relations in the Era of the Sevastopol War]. Saint Petersburg. [In Russian].

Tatishchev, S. S. (1888). *Imperator Nikolai I i prusskaia armia* [Emperor Nicholas I and the Prussian Army]. *Russkii vestnik*, (4), 2–32. [In Russian].

Tatishchev, S. S. (1889). *Imperator Nikolai i inostrannye Dvory. Istoricheskie ocherki* [Emperor Nicholas and Foreign Courts. Historical Essays]. Saint Petersburg. [In Russian].

Zimmerman, V. (1869). Materialy dlia istorii pol'skogo vosstaniia 1830 g. [Materials for the History of the Polish Uprising of 1830]. *Voennyi sbornik*, (8), 189–205. [In Russian].

Silder, N. K. (1905). *Imperator Aleksandr Pervyi. Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Alexander the First. His Life and Reign] (Vol. 3). Saint Petersburg. [In Russian].

Silder, N. K. (1903). *Imperator Nikolai Pervyi. Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Nicholas the First. His life and reign] (Vol. 2). Saint Petersburg. [In Russian].

Shcherbatov, A. P. (1894). *General-fel'dmarshal kniaz' Paskevich. Ego zhizn' i deiatel'nost'* [Field Marshal General Prince Paskevich. His Life and Work] (Vol. 4). Saint Petersburg. [In Russian].

Shcherbatov, A. P. (1896). *General-fel'dmarshal kniaz' Paskevich. Ego zhizn' i deiatel'nost'* [Field Marshal General Prince Paskevich. His Life and Work] (Vol. 5). Saint Petersburg. [In Russian].

Iuzefovich, T. P. (1869). *Dogovory Rossii s Vostokom politicheskie i torgovye* [Russia's Political and Commercial Treaties with the East]. Saint Petersburg. [In Russian].

Barry, W. (1911). *Papacy and the modern times. A political sketch, 1303–1870*. London–New York. [In English].

Conant, Ch. A. (1896). *A history of the modern banks of issue. With an account of the economic crises of the present century*. London–New York. [In English].

Curtiss, J. S. (1979). *Russia's Crimean war*. Durham, N. C. : Duke University Press. [In English].

Daly, J. C. K. (1991). *Russian seapower and "the Eastern Question" 1827–1841*. Annapolis : Naval Institute Press. [In English].

Gooch, G. P., Masterman, J. H. B. (1917). *A century of British foreign policy*. London. [In English].

Hopkirk, P. (1992). *The Great Game. The struggle for Empire in Central Asia*. New-York-Tokyo-London. [In English].

Lieven, D. (2001). *Empire. The Russian Empire and Its Rivals*. Yale University Press. [In English].

Ranke, L. (1847). *The history of the Popes, their Church and State and especially of their conflicts with Protestantism in the sixteenth and seventeenth centuries* (Vol. 3). London. [In English].

Recit des operations de l'armee Francaise en Espagne, sous les orders de S.A.R. Mr. Duc D'Angouleme [Recit of the Operations of the French Army in Spain, under the Orders of HRH Mr. Duke Of Angouleme]. (1823). Paris. [In French].

Ridley, J. (1970). *Lord Palmerston*. London. [In English].

Stavrianos, L. S. (2002). *The Balkans since 1453*. London. [In English].

Webster, Ch. (1951). *The foreign policy of Palmerston. 1830–1841. Britain, the liberal movement and the Eastern question* (Vol. 1). London. [In English].

About the author:

Oleg Rudolfovich Airapetov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991, e-mail: oleg_airapetov@list.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 15.02.2024; approved after reviewing 17.03.2024; accepted for publication 06.04.2024.

Ф. А. Гайда

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА, МОСКВА, РОССИЯ

Взгляды интеллектуальных кругов России на Церковь, православие и унию к 1839 году

Аннотация. Статья посвящена восприятию православия и унии в российских интеллектуальных кругах накануне воссоединения белорусских униатов с Православной Церковью в 1839 году. Рассматриваются особенности религиозных взглядов как правительственных (С. С. Уваров, М. М. Сперанский), так и общественных деятелей (Н. М. Карамзин, А. С. Стурдза, А. С. Пушкин, Н. Г. Устрялов, Д. Н. Бантыш-Каменский, И. И. Срезневский, П. Я. Чаадаев). В 1810–1830-е годы в светских кругах стали складываться представления о православии как религии любви, что прочно увязывалось с изначальной христианской традицией. Православие рассматривалось как религия, обладающая догматической определённой свободной от релятивизма и ложного мистицизма. Главное отличие от католичества заключалось в отсутствии стремления к светской власти и, следовательно, к практике насилия. Кроме этого, Православная Церковь воспринималась как историческая церковь русского народа. Автор статьи приходит к выводу, что для той части общества, которая не была чужда религиозной проблематики, к этому времени уже были характерны достаточно устойчивые представления об унии. Она считалась плодом

религиозного коварства и насилия со стороны папского Рима, а также соблазна ряда западнорусских церковных иерархов. Подчёркивалось неприятие унии со стороны православных Речи Посполитой, в особенности простого народа. Соответственно, преодоление унии было вполне справедливым. Кроме того, унии не могли считаться полноценной частью русского народа, они воссоединялись и с Церковью, и с русской народностью. В рамках сложившихся тогда представлений интеллектуальных кругов религиозная и светская логики были тесно переплетены и имели историческое обоснование.

Ключевые слова: Брестская уния, С. С. Уваров, А. С. Стурдза, М. М. Сперанский, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, Н. Г. Устрялов, Д. Н. Бантыш-Каменский, И. И. Срезневский, П. Я. Чаадаев

Для цитирования: Гайда Ф. А. Взгляды интеллектуальных кругов России на Церковь, православие и унию к 1839 году // Ортодоксия. — 2024. — № 3. — С. 122–147. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-3-122-147

1830-е годы были для России временем активного складывания общественного мнения, в чём главную роль играло развитие отечественного образования. Министр народного просвещения С. С. Уваров (1833–1849) фактически завершил процесс создания образовательной системы в России. Как известно, он сформулировал «лозунг» своей политики («уваровскую триаду»), среди основных своих принципов поставив на первое место именно православие. В историографии издавна шёл спор о том, насколько глубоко триада отражала политику ведомства народного просвещения и личные настроения министра (Шевченко 2002). Однако Уваров безусловно был религиозен и хорошо (на уровне своей эпохи) разбирался в церковной проблематике. Ещё в молодости он писал Ж. де Местру: «Я всегда придавал большое значение изучению различных видов церковной истории. Я почти не знаю другой отрасли человеческого знания, которая привлекала бы меня больше, чем теология; она всегда казалась мне торжеством человеческого ума; я пытался изучать её по источникам и, насколько это было в моих силах,

вносил в это изучение дух, отрешённый от всякой предвзятости и свободный от предрассудков, обычных у светских людей» (19 июня (1 июля) 1814 года) (Жозеф де Местр в России 1937: 709–710).

В 1813 году, будучи попечителем Петербургского учебного округа, будущий министр в записке «О преподавании истории относительно к народному воспитанию» предлагал к изучению Священной истории в народных училищах «присоединить историю нашей Церкви, которая обыкновенно остаётся в забвении» (Уваров 2014: 366). В том же письме Ж. де Местру Уваров подчёркивал свою принадлежность к Православной Церкви: «Если вы, как член *римско-католической церкви*, имеете право предавать анафеме янсенистов и с полным убеждением становиться на сторону иезуитов, то я, как член греческой церкви, имею право спокойно пройти между обеими партиями и даже считать и ту и другую *наростами* на религиозной системе Европы; одним словом, подвергнуть *хладнокровному* исследованию то, что вы можете рассматривать только сквозь призму *религиозного чувства*. Не делайте отсюда вывода, что я не отдаю целиком и полностью справедливости вашей точке зрения; я просто хочу обратить ваше внимание на то, что аргюи мы должны видеть разные стороны этого вопроса (здесь и далее курсив авт. — Ф. Г.)» (Жозеф де Местр в России 1937: 710).

Ж. де Местр активно проповедовал католицизм в высших кругах петербургского общества. Но Уваров был не единственным высокообразованным молодым человеком, кто в те годы сознательно противопоставил ему своё православное исповедание. Более решительно выступил А. С. Стурдза (он был хорошо знаком с де Местром и, по-видимому, с Уваровым — по службе в МИД и министерстве народного просвещения, а также по участию в шишковском обществе «Беседа») (см.: (Парсамов 2004)). В 1810–1812 годах совсем ещё юный Стурдза написал свои первые апологетические труды на французском языке, целью которых была проповедь православия в европейской интеллектуальной среде¹. Отец Стурдзы был духовным сыном архиепископа Никифора (Феотоки) — друга и соратника прп. Паисия (Величковского) (Стурдза 1844: 353–354),

¹ Опыт о таинственном, служащий введением к теории таинственных чувств (1810, *Essai sur le Mystere, pour servir d'introduction à la theorie des sentimens mysterieux*), Опыт об основных законах природы человека и общества (1811–1812, *Essai sur les lois fondamentales de la nature humaine et de la societé*). Опубл.: (*Œuvres posthumes religieuses, historiques, philosophiques et littéraires d'Alexandre de Stourdza 1860*; *Œuvres posthumes religieuses, historiques, philosophiques et littéraires d'Alexandre de Stourdza 1861*).

а А. С. Стурдза — первым биографом архиепископа Никифора (в этом труде неоднократно подчёркивалась верность архиерея святоотеческому наследию (Стурдза 1844: 344–348).

В 1809 году Стурдза поступил на службу в МИД, в 1815 году редактировал текст трактата о Священном союзе. В 1816 году он опубликовал в Штутгарте книгу «*Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'Église orthodoxe*» («Размышления об учении и духе Православной Церкви», русский перевод: (Стурдза 2015). Она стала выжимкой предыдущих работ Стурдзы и своеобразным неофициальным религиозным приложением к трактату Священного союза (этот трактат готовил Стурдза). Книга прошла редакцию архимандрита (будущего митрополита) Филарета (Дроздова) ([Неводчиков Н., свящ.] 1868). Она предназначалась в том числе и в качестве ответа на проповедь де Местра. Таким же ответом стали «Разговоры между испытующим и уверенным о Православии Восточной Греко-российской церкви» архимандрита Филарета (Филарет (Дроздов), архим. 1815). Стурдза писал о православии как о религии любви (Стурдза 2015: 100–113), предвосхищая проповедь А. С. Хомякова (впоследствии Стурдза стал постоянным автором славянофильского журнала «Москвитянин»). В эти годы тема любви стала центральной и в проповедях святителя Филарета (Дроздова) (Хондзинский 2008: 27–28).

В 1823 году Стурдза познакомился в Одессе с А. С. Пушкиным. «Здесь Стурдза монархической; я с ним не только приятель, но кой о чём и мыслим одинаково, не лукавя друг пред другом», — признавался Пушкин кн. П. А. Вяземскому (Пушкин 1996: 70). В это время Пушкин преодолел свои атеистические настроения. Позднее А. Н. Раевский рассказывал М. П. Погодину об одесском этапе ссылки поэта: «Пушкин не пропускал никогда в Одессе заутреню на Светлое Воскресенье и звал всегда товарищей “услышать голос русского народа” (в ответ на христосование священника “воистину воскресе”» (Пушкин в воспоминаниях современников 1998: 40)². Глас (точнее, безмолвие) православного русского народа вскоре увенчает пушкинскую трагедию «Борис Годунов». При этом образы православного и католического духовенства там будут разными, едва ли не противоположными. Патриарх Иов говорил смиренномудро:

Благословен всевышний, поселивший
Дух милости и кроткого терпенья

² В действительности в Одессе Пушкин встречал только одну Пасху, в 1824 году.

В душе твоей, великий государь;
Ты грешнику погибели не хочешь,
Ты тихо ждёшь — да пройдет заблужденье:
Оно пройдёт, и солнце правды вечной
Всех озарит.

Твой верный богомолец,
В делах мирских не мудрый судия,
Дерзает днесь подать тебе свой голос.

В то же время иезуит учил самозванца совершенно иному:

Вспомоществуй тебе святы́й Игнатий,
Когда придут иные времена.
А между тем небесной благодати
Таи в душе, царевич, семена.
Притворствоваться пред оглашенным светом
Нам иногда духовный долг велит;
Твои слова, деянья судят люди,
Намеренья единый видит Бог (Пушкин 1995: 69).

В докладе императору Николаю I от 19 ноября 1833 года Уваров, ново назначенный министр народного просвещения, обосновывал верность православия уже государственными соображениями: «Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должны погибнуть; ослабить в них веру — то же самое, что лишать их крови и вырвать сердце. Это было бы готовить им низшую степень в моральном и политическом предназначении. Это была бы измена в пространном смысле. Довольно одной народной гордости, чтобы почувствовать негодование при такой мысли. Человек, преданный Государю и Отечеству, столько же мало согласится на утрату одного из догматов нашей Церкви, сколько и на похищение одного перла из венца Мономаха» (Уваров 2014: 103–104). В рамках принципа «Православие. Самодержавие. Народность» было очевидно: русский мог быть только православным. Этот тезис доказывался тысячелетней отечественной историей: русский народ хранил верность своим святыням как залогом собственного существования, но одновременно тем самым создавал условия для сохранения Алтаря и Престола (см.: (Гайда 2020)). В официальных отчётах Уваров также отмечал определённую православного вероучения, противопоставляя учение Церкви как релятивизму,

так и ложной внеконфессиональной мистике: «Выражение “Православие” довольно ясно обнаружило стремление Министерства ко всему положительному в отношении к предметам христианского верования и удаление от всех мечтательных призраков, слишком часто помрачавших чистоту священных преданий Церкви» (Уваров 2014: 235–236).

В 1835 году Уваровым был создан Университет св. Владимира в Киеве (вместо закрытого в 1832 году Виленского — оплота польского влияния в Западной России). Первым ректором его стал соратник и единомышленник Уварова — профессор М. А. Максимович. В 1837 году министр проинспектировал новый университет. В присутствии Уварова Максимович выступил с торжественной речью, вспомнил «великое имя Святого Владимира» и призвал студентов: «Святая Вера да будет общим основанием всего просвещения нашего — умственного и сердечного, всей нашей жизни частной и общественной! И да сбудутся заветные слова, кои начертаны вокруг креста, положенного в основание нашего Университета, — *во свете Твоем узрим свет!*» (Псалтырь, 35:10) (Максимович 1837: 29).

Наиболее уважаемым сановником 1830-х годов являлся М. М. Сперанский. Его и Уварова связывала давняя симпатия (в конце XVIII века молодой Сперанский был одним из домашних учителей юного Уварова). Сын священника, Михаил Михайлович был человеком религиозным и церковным. Евхаристия для него была основанием всей Церкви. Своему другу П. А. Словцову в 1813 году Сперанский писал: «Прочитайте (все, разумеется, не теперь, а по очищении) проповедь, которая в церкви читается перед причащением, <...> прочитайте её со вниманием, вы ужаснётесь! Нет истин в сей жизни ни более возвышенных, ни более верных, как сия! <...> Одна Литургия Иоанна Златоуста или Василия Великого может занять на всю жизнь и даже поглотить в себе все размышления самого глубокомысленного испытателя, если только будет он размышлять с надлежащим совести и духа очищением; без очищения же сего ничего и не увидит» (В память графа Михаила Михайловича Сперанского 1872: 422–424).

В 1816 году Сперанский с изумлением прочёл Добротолюбие (в 1793–1798 годах оно было опубликовано в переводе с греческого на церковнославянский язык прп. Паисия Величковского) (Корф 2014: 288). По собственному признанию, Сперанский нашёл в этой книге всё то, что ранее пытался искать у западных авторов-мистиков Средневековья и Нового времени, только более точно и ясно изложенное. Наиболее важным Сперанский посчитал исихастское учение о созерцании Фаворского света

и практике Иисусовой молитвы. По мнению мыслителя, они прямо воплощали слова апостола Павла: «Сеется в тлении, восстаёт в нетлении; сеется в уничижении, восстаёт в славе; сеется в немощи, восстаёт в силе; сеется тело душевное, восстаёт тело духовное. <...> Первый человек — из земли, перстный; второй человек — Господь с неба» (1 Кор. 15: 42–44, 47). Как писал Сперанский, святые отцы называли это «преобожением» (обожением), а сам апостол Павел — соединением всего небесного и земного «под главою Христом» (Еф. 1: 10). Сперанский также знал, что практика Иисусовой молитвы пришла в Россию в XIV веке с Афона и сохранялась в Саровской пустыни (Сперанский 1870: 176–187, 191, 193–194); (Письмо М. М. Сперанского к С. М. Броневскому 1870: 199–202). Письма, в которых Сперанский делился своими духовными открытиями, были позднее высоко оценены свт. Феофаном Затворником (Феофан Затворник 2008: 273–293). В 1838 году в качестве учителя будущего императора Александра II Сперанский составил «Руководство к познанию законов», позднее, в 1845 году, опубликованное и ставшее учебником для юридических факультетов. Рассуждения о человеке, отправные для правовых построений автора «Руководства», были почерпнуты из Добротолюбия (см.: Гайда 2022). Как и Стурдза, Сперанский основывал всё человеческое общежитие на принципе любви (Сперанский 2002: 45–46, 48–49).

Тогда же, к началу 1839 года, А. С. Хомяковым была составлена записка «О старом и новом», в которой любовь выступала главным двигателем общественного развития: «Настало для нас время понимать, что человек достигает своей нравственной цели только в обществе, где силы каждого принадлежат всем и силы всех каждому». По мнению Хомякова, этот подход был характерен именно для православия. Алексей Степанович писал об отличительной особенности Церкви Православной от католичества: «Церковь, ограничив круг своего действия, никогда не утрачивала чистоты своей жизни внутренней и не проповедовала детям своим уроков неправосудия и насилия» (Хомяков 1994: 469, 470).

Униатство и по своей принадлежности к Ватикану, и в особенности по истории внедрения унии рассматривалось как полная противоположность православию. Отношение к униатству было заложено Н. М. Карамзиным. Сам историк не питал какой-либо антипатии к католичеству, но его отношение к Брестской унии было вполне определённым. Карамзин писал, что унию организовал «лицемер» киевский митрополит Михаил (Рагоза), «лукавый и корыстолюбивый». Против «насилия униатов» выступили некоторые представители аристократии и в особенности

православный народ. Именно это, по слову историка, и привело к антипольскому восстанию Б. Хмельницкого (Карамзин 1824: 287–291). Описание событий 1596 года содержалось в самом конце X тома «Истории государства Российского», который вышел в 1824 году.

Труд Карамзина имел колоссальное влияние на образованное общество. При этом политические взгляды читателей не имели особого значения. Например, в альманахе «Полярная звезда» за 1825 год было опубликовано стихотворение (отрывок из поэмы) декабриста К. Ф. Рылеева «Исповедь Наливайки», которое имело такое предисловие: «Буйство и утеснения поляков на Украине переполнили меру терпения казацкого. Мститель их Наливайко, убив Чигиринского старосту, решается освободить отечество от ляхов, поправших святость договоров презрением к правам казаков и чистоту веры мучительским введением унии. Перед исполнением сего важного предприятия он, как благоговейный сын церкви, очищает душу постом и отдаёт исповедь печерскому схимнику». Далее следовали строки:

Чтоб Малороссии родной,
 Чтоб только русскому народу
 Вновь возвратить его свободу —
 Грехи татар, грехи жидов,
 Отступничество униатов,
 Все преступления сарматов
 Я на душу принять готов.
 <...>
 Жид, униат, литвин, поляк —
 Как стаи кровожадных вранов,
 Терзают беспощадно нас.

(Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым 1960: 712–714).

Декабрист лютеранин П. И. Пестель вскоре после выхода работы Карамзина оценивал униатство в том же самом духе. В своей «Русской правде» Пестель настаивал на том, что униатство «не что иное, как слабый остаток соблазна, Флорентийским собором предложенный, иноземным насилием в несчастные те времена введённый и ежедневно всё более и более искореняющийся» (Конституционные проекты

в России XVIII — начала XX в. 2010: 358). В случае победы революции униатству в России места не было. Но при этом и начальник III отделения Собственной его императорского величества канцелярии гр. А. Х. Бенкендорф, также лютеранин, события 1839 года назвал возвращением к «древнему порядку» («Россия под надзором»: отчёты III отделения 1827–1869: сборник документов 2006: 215).

В 1836 году в первом номере нового журнала «Современник», издававшемся А. С. Пушкиным, вышла его рецензия на собрание сочинений архиепископа Георгия (Конисского). Поэт отмечал и историческое значение святителя, и сложность его положения в Речи Посполитой середины XVIII века: «Георгий есть один из самых достопамятных мужей минувшего столетия. Жизнь его принадлежит истории. Он вступил в управление своею епархией, когда Белоруссия находилась ещё под игом Польши. Православие было гонимо католическим фанатизмом. Церкви наши стояли пусты или отданы были униатам. Миссионеры насильно гнали народ в униатские костёлы, ругались над послушниками, секли их, заключали в темницы, томили голодом, отымали у них детей, дабы воспитывать их в своей вере, уничтожали браки, совершённые по обрядам нашей церкви, ругались над могилами православных». При этом положение самих униатов было двойственным. Пушкин ссылаясь на свидетельство архиепископа: «Он умел приобрести уважение своих противников и даже их доверенность. “Мы за вами ещё живём, — сказал однажды ему униатский епископ Шептицкий, — а когда католики вас догрызут, то примутся и за нас”. Униаты втайне готовы были отложиться от папы и снова соединиться с грекороссийскою церковью» (Пушкин 1996: 12, 14).

Уваров, как и Пушкин, также был другом Карамзина, инициировал введение его в состав Академии наук за написание «Истории» и свой взгляд на российское прошлое основывал преимущественно на этом труде. Одним из профессоров-историков, которые получили особое покровительство министра, был Н. Г. Устрялов. С 1837 года издавался его курс истории России, который стал учебником для российских гимназий. Историк отмечал многовековое единство Русской Церкви с народом и государством. Он писал: «Предки наши, слушая слова Евангелия на языке понятном, в храмах, исполненных красоты и величия, приобрели ту набожность тихую, мирную, которою они отличались от всех европейских народов. Они смотрели на свою Церковь как на единую, святую; чуждались всего не русского, всякой новизны; желали только одного: безмятежно поклоняться Христу Спасителю, по примеру отцов

и дедов» (Устрялов Русская история. Ч. 2. 1839: 114–115). Католицизм критиковался: папство действовало с помощью насилия, что вызывало противодействие; в то же время Восточная Церковь полагала, что в делах совести необходимо убеждение (Устрялов Русская история. Ч. 1. 1839: 98–99). При этом «Папы, вопреки всем неудачным попыткам, не оставляли нас в покое, при каждом удобном случае возобновляя старания подчинить своей власти Российскую церковь» (Устрялов Русская история. Ч. 2. 1839: 115–116).

По словам Устрялова, Брестская уния утверждалась насилием, подкупом и обманом. Её инициировали те архиереи, которые были повинны в порочной жизни и опасались церковного суда. Решающую роль в подготовке и распространении унии сыграли иезуиты, без них она «по всей вероятности, при очевидной ненависти к ней народа, исчезла бы сама собою». Активную поддержку оказала королевская власть (Устрялов Русская история. Ч. 2. 1839: 118–119, 122–124). Устрялов признавал: «Король действовал вопреки правилам здоровой политики». Следствием унии стали казачьи восстания, начиная с С. Наливайко. В ответ поляки лишь усилили репрессии: «Беспримерное гонение стало уделом Малороссии: Русский народ объявлен на сейме *бунтливым* и осуждён в рабство; Русские помещики утратили свои земли, перешедшие в руки Польских шляхтичей, если не хотели признавать Унию; Русские храмы были запечатаны или отданы аренду Жидам, которые отпирали их для священнодействия не иначе, как за известную плату до пяти талеров; крестины, свадьбы и похороны также были на откупу от Жидов. <...> Установлен был так называемый *пасочный* сбор, отданный в откуп Жидам: только они имели право продавать пасхальные хлебы к празднику Светлого Воскресенья; Униаты покупали их за обыкновенную цену, Неуниаты платили пошлину. Первые отличались от последних лоскутком бумаги с надписью *Униат*. Если же при освящении хлебов откупщик находил испечённые прихожанами, он взыскивал с них в пеню тройную цену. Сверх того, требовалось непременно, чтобы каждое семейство покупало столько хлебов, сколько было в нём душ, не исключая и младенцев» (Устрялов Русская история. Ч. 2. 1839: 126–219).

Историк Малороссии Д. Н. Бантыш-Каменский описывал события 1596 года более подробно. Он именовал унию «пагубной», расколом, отступничеством и принятием «римских заблуждений». Её введение было коварством и вызвало стойкое неприятие народа. Бантыш-Каменский отмечал, что в Бресте состоялось сразу два церковных собора

(православный и униатский), которые осудили друг друга. В православном соборе приняли участие 2 архиерея (в униатском — 6), однако он был очень многочисленным: присутствовали миряне, в том числе шляхта во главе с кн. К. Острожским. Православная партия получила в именование «благочестивых» (Бантыш-Каменский 1830: 163, 165, 167–169). Власть приступила к масштабным репрессиям. Шляхта, которая принимала унию, быстро переходила в католичество (тем самым автор указывал на то, что униа рассматривалась поляками как временное явление, как инструмент насаждения католичества) (Бантыш-Каменский 1830: 178).

В Малороссии именно в 1830-е годы тема унии стала предметом постоянного упоминания. Связано это было и с резким усилением интереса к истории Малой Руси, и с уваровской политикой, и с реакцией на Польский мятеж 1830–1831 годов (см.: Гайда 2022). В повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» (первая редакция — 1835 год), описывающей время накануне унии, казак говорил сечевикам: «Ксен<д>зы ездят из села в село на таратайках, в которых запряжены пусть бы ещё кони, это бы ещё ничего, а то просто православные христиане. Так вы, может быть, и того не знаете, что нечистое католичество хочет, чтобы мы кинули и веру нашу христианскую?» (Гоголь Полное собрание сочинений и писем. Т. 7. 2009: 212). Казак Данило в повести «Страшная месть» (1832) описывал положение края уже после 1596 года: «Порядку нет в Украине: полковники и есаулы грызутся, как собаки, между собою. Нет старшей головы над всеми. Шляхетство наше всё переменяло на польский обычай, переняло лукавство... продало душу, принявши унию» (Гоголь Полное собрание сочинений и писем. Т. 1–2. 2009: 230).

В 1834 году вышло второе собрание украинских народных песен М. А. Максимовича. Он разделял развитие жанра казацких песен (дум) на 3 этапа: до введения унии, до восстания Хмельницкого и после его начала. Уния и сопротивление ей рассматривались как основные факты, повлиявшие на самосознание тогдашней Украины-Малороссии. В комментариях Максимович отмечал: «Козаки в своих победоносных подвигах забывали те притеснения, которые Украине стала наносить Польша, частью по своему урону от усиливавшегося Козачества, частью по внутренним беспорядкам своего избирательного правления. Но когда Польша, во имя Унии, посягнула на веру Козаков, тогда загорелось *религиозно-воинское восстание* их на Поляков, составляющее характеристику сего второго периода Козачества». В сборник попал отрывок одной из казацких песен времён Хмельницкого: «Да не буде лучче, да не буде красче як у нас на

Вкраине: // Да не мае Жида, да не мае Ляха, немае Унии» (Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем 1834: 3, 83, 84, 102).

В сборнике материалов этнографа И. И. Срезневского «Запорожская старина» в 1833 году была опубликована песня «Подвиги Савы Чалого», в которой сын главного героя предательски перешёл на службу к полякам. Польская служба в первую очередь означала гонение на веру и погубление собственной души (колдовство):

Ой не схотив та Пан Сава
 Козакам служити:
 Вин пийшов до Ляшинькив
 Славы залучити.
 Вин пийшов до Ляшинькив
 Службы видправляти,
 И з Ляхами православну
 Церковь руйновати.
 <...>

Не кохав Сава Панив Козакив
 Та все Католики.
 Загубив Сава, протесав Сава
 Свою виру на вики.
 <...>

Що не тилько що Пан Сава
 Церковь та руйнуе:
 И з бисами став за право

Й борзо знахоруе (Срезневский Запорожская старина Ч. 1. Вып. 1 1833: 61, 63).

Срезневский также опубликовал «Сказания, откуда Козаки Запорожане, и чем слави». В этом повествовании принятие унии изображалось в апокалиптических красках: «Егда змий лукавый отторже третью часть звезд из церкви Православных, аки з тверди небесней, и восхоте зрунути во адову пропасть, тогда ему тии некии Архиереи в Литовской стране не бояшеса Бога, яже дрождя суешных славы жившася, ни откуда не имущия нужды образом благочесния хотяще отрещися, православных апостольския Кафолическия веры, собор собраша во Брестю Литовском; <...> и на том соборе оставя аще благословение первоначального Архипастыря своего Константинопольскаго Патриарха, послаша послы

в Рим к Папе Клементу восьмому, отдающе себе в соединение Западному Костелю. Тогда видевшие благочестия сынове сию новоявльшую химеру, ужасався и отдалиша себе от едности тех наемников, а не истинных пастырей. И отсюда раздрася облюбеницы Христовой единоблагочесная риза; и смутися смущением неушешным православная церковь: бе бо видети на ней одеяние раздранно, и душою болюще зело, ако сынове ея вшедше въ чертоги внутренняя завеса умроша. Змий же облюбивый их начать облюбеницу Хришову Церковь Православную Греко-Русскую гонити; обаче дано бе жене две криле орла небесного» (Срезневский Запорожская старина Ч. 1. Вып. 2 1833: 29–31).

События унии, по словам автора «Сказания», и провоцировали казацкие восстания. Первым «ревностию благочестия разжегся» и выступил на защиту веры запорожский гетман С. Наливайко. Затем последовало несколько десятилетий войн за веру: «И вельми сталась тяжка брань оная. И многия души погибоша. Церковь Божую православную споважающе и поражающе православных ея сподвижников. Явися в оное время меж Козаками муж умом возвышенный и любовью к отчизне вельми изукрашенный зело, Зиновий Хмельницкий, ему же и прозвание от православнаго народа дано Богдана, Богом данного во утешение сиротствующей Церкви Православной. И так от ига Лядского Руссы в оно время отпадоша» (Срезневский Запорожская старина Ч. 1. Вып. 2 1833: 31–33).

В собственном историческом очерке («Сказании летописцев») Срезневский писал касательно Брестской унии: «Сия дерзость, столь решительная, столь обдуманная, доказывает, впрочем, не столько силу Униатов, сколько их самонадеянность, могущество Пап и Католицизма, и то постыдное унижение, в каком был тогда Патриарх и всё Духовенство Греческое. Вера Православная цвела в то время только в одном Царстве Русском, а политика Двора Московского была всегда слишком далека от распрей за веру». Тем временем униаты, поддержанные королевской властью, «насильно присвоевали себе знатнейшие монастыри и приходские церкви; остальные, особенно по городам, разоряли или запечатывали; священников ловили и мучили и народ, собиравшийся для молебствий за городом в шалашах, разгоняли, а нередко и просто умерщвляли... Кровью и слезами приветствовала Украина XVII век» (Срезневский Запорожская старина Ч. 1. Вып. 3 1834: 39–41). Под Украиной, как становится ясно из следующего абзаца, Срезневский понимал все западнорусские земли, входившие в состав Речи Посполитой.

Воплощением унии стала фигура И. Кунцевича: «Тогда-то явился между гонителями Православия изверг рода человеческого, разоритель Христианской истины, Епископ Полоцкий, Униат Иосафат Кунцевич, низкий родом, но высокий коварством, крамолами и злобою к Православным. Каких злодейств ни употреблял он, дабы увеличить количество Униатов в Украине: он сажал в темницы священников, приказывал сечь всенародно на площадях несчастных простолюдинов; не позволял исполнять никаких обрядов веры, разрушал храмы или обращал в Униатские» (Срезневский Запорожская старина Ч. 1. Вып. 3 1834: 45).

Срезневский также пересказывал свидетельства «Истории русов», которая приписывалась еп. Георгию Конисскому и тогда ещё не была опубликована: «Духовенство Униатское ездило в колеснях, запряжённых 12–15 человек из Православных; отдавало церкви Грекороссійскія на аренду...» (по-видимому, этот факт потом и нашёл воплощение в повести Гоголя). Хотя предполагалось сохранение восточного обряда, насильственные действия затрагивали и его: «Сии ходатаи об исправлении веры (выражение др[евней] Летописи) переменяли антимины и требники и выдумывали обряды для чествования и прославления Папы. Воины Поляки, быв расставлены при всех знатнейших церквах особенно в важных городах и местечках с обнаженными саблями, принуждали народ кленчиться (преклонять колено по латинской традиции. — Ф. Г.) в церкви и бить себя в грудь по-Римски, а при чтении Символа Веры прибавлять известное речение о Св. Духе, при чем возносимы были сабли на главы народа с угрозами рубить неповинующихся» (Срезневский Запорожская старина Ч. 1. Вып. 3 1834: 103–104).

Князь Иеремия Вишневецкий, управлявший воеводством Русским (с центром во Львове) накануне и во время восстания Б. Хмельницкого, получил у Срезневского такую характеристику: «Прежде ревностный Грекороссиянин, он сделался ещё более ревностным Униатом, а потом и Католиком и, по обычаю всех Униатов и Католиков, имевших силу и случай, стал угнетать Украинцев, особенно Козаков, принуждая их к Унии. Он вырывал у них глаза, вешал их, сажал на кол, резал, морил голодом, мучал всеми ужасными муками медленной казни. — Пусть чувствуют, что умирают, — говорил он, — и часто он сам присутствовал при казнях, будто радостью его очей была кровь православных и радостью слуха их вопли и стоны. Зверство его не знало пределов» (Срезневский Запорожская старина Ч. 2. Вып. 2 1834: 22–23). Наоборот,

один из борцов против польской власти, «прославившийся бежалостною ревностью к Православной вере и ненавистью к Полякам, Жидам и Униатам», казак Морозенко стал настоящим народным героем: «Имя его гремело в Украине, и песни народные воспевали его подвиги» (Срезневский 1838: 54).

В заключение интересно отметить и настроения, характерные для такого филокатолика, каким был П. Я. Чаадаев. Для него русские тоже были народом, чьё историческое бытие было полностью основано на православном христианстве: «Этой церкви, столь смиренной, столь покорной, столь безропотной, наша страна обязана не только самыми прекрасными страницами своей истории, но и своим сохранением. Вот урок, который она призвана была явить миру: великий народ, образовавшийся всецело под влиянием религии Христа, — поучительное зрелище, которое мы предъявляем на размышление серьёзных умов» (Чаадаев Полное собрание сочинений Т. 1 1991: 501). Адресату «Философических писем» — Е. Д. Пановой — Пётр Яковлевич всячески советовал «придерживаться всех обычаев, предписанных церковью» (речь шла о Православной Церкви) (Чаадаев Полное собрание сочинений Т. 1 1991: 322). Роль «Восточной церкви», по мнению мыслителя, «состояла в том, чтобы явить мощь христианства, предоставленного единственно своим силам; она в совершенстве выполняла это высокое призвание» (Чаадаев Полное собрание сочинений Т. 1 1991: 500). Когда Уваров стал министром народного просвещения и выдвинул свою триаду, Чаадаев написал письмо на высочайшее имя с просьбой быть причисленным к этому ведомству (Чаадаев Полное собрание сочинений Т. 2 1991: 83–84).

Филокатоличество Чаадаева было сугубо историософским, с католицизмом мыслитель связывал прогресс Европы. Во время поездки по Италии Чаадаев присутствовал на богослужении с участием папы Римского. Оно Петру Яковлевичу не понравилось, поскольку было сосредоточено на восхвалении самого понтифика, а не Иисуса Христа (Кара-Мурза 2019: 33–34). Полякам-католикам Чаадаев рекомендовал оставаться в единении с православной Россией, не испытывая никаких симпатий по отношению к их сепаратистским стремлениям (Чаадаев Полное собрание сочинений Т. 1 1991: 512–515).

Таким образом, в интеллектуальных кругах России 1830-х годов складывалось общее мнение о том, что все русские должны быть православными. Налицо были две логики: политическая (униаты не могут

считаться полноценной частью русского народа) и религиозная (необходимо спасение униатов из схизмы, а преодоление древнего насилия, организованного Ватиканом и местными предателями истинной веры, вполне справедливо). Обе логики были тесно переплетены. С точки зрения государства основой для этого становилась уваровская триада, а те общественные деятели различных направлений, для которых тема была важна, в целом её разделяли. Стоит отметить, что через четверть века, в 1863 году русское общество поступит схожим образом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

«Россия под надзором»: отчёты III отделения 1827–1869 : сб. документов / сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. — М. : Рос. фонд культуры; Российский архив, 2006. — 706 с.

Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. — 2-е изд. — Ч. 1. — М. : Тип. Семёна Селивановского, 1830. — 476 с.

В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872 / [под ред. А. Ф. Бычкова]. — СПб. : Издание Императорской публичной библиотеки, 1872. — 922 с.

Гайда Ф. А. «Узнание нашей народности во всех её различных видах»: Российская империя и украинофильство в 1820–40-е гг. // Тетради по консерватизму. — 2022. — № 2. — С. 13–29.

Гайда Ф. А. Наполеон, Фауст, Гамлет, Христос: проблематика свободы и «личности» в России в 1838 г. // Философические письма. Русско-европейский диалог. — 2022. — Т. 5, № 3. — С. 201–218.

Гайда Ф. А. Связующее начало: о понимании «народности» в России I половины XIX в. // Русский Сборник: Исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов и др. — Т. XXIX. — М., 2020. — С. 97–135.

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем : в 17 т. — М. ; Киев : Изд-во Московской Патриархии, 2009. — Т. 1–2. — 664 с.

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем : в 17 т. — М. ; Киев : Изд-во Московской Патриархии, 2009. — Т. 7. — 816 с.

Жозеф де Местр в России // Литературное наследство. — Т. 29–30. — М. : Жур.-газ. объединение, 1937. — С. 577–726.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. X. — СПб. : В типографии Н. Греча, 1824. — 462 с.

Кара-Мурза А. А. Итальянское путешествие Петра Чаадаева (1824–1825). — М. : Аквилон, 2019. — 112 с.

Конституционные проекты в России XVIII — начала XX в. — М. : РОССПЭН, 2010. — 640 с.

Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. — М. : Статут, 2014. — 487 с.

Максимович М. А. Об участии и значении Киева в общей жизни России // Журнал Министерства народного просвещения. — Ч. 16. — СПб., 1837. — № 10. — С. 1–29.

Неводчиков Н., священник. Знакомство и переписка А. С. Стурдзы с высокопреосвященным Филаретом, митрополитом Московским. — Одесса, 1868. — 52 с.

Парсамов В. С. Жозеф де Местр и Александр Стурдза (из истории религиозных идей александровской эпохи). Пособие по спецкурсу для студентов исторического факультета. — Саратов : Изд-во Саратовского университета, — 2004. — 175 с.

Письмо М. М. Сперанского к С. М. Броневскому // Русский архив. 1870. — С. 199–202.

Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. — М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1960. — 1017 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 17 т. — Т. 12. — М. : Воскресенье, 1996. — 588 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 17 т. — Т. 7. — М. : Воскресенье, 1995. — 395 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 17 т. — Т. 13. — М. : Воскресенье, 1996. — 684 с.

Пушкин в воспоминаниях современников. — 3-е изд., доп. — СПб. : Академический проект, 1998. — Т. 2. — 575 с.

Сперанский М. М. Письма Сперанского к Ф. И. Цейеру // Русский архив, 1870. — С. 174–199.

Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. — СПб. : Наука, 2002. — 678 с.

Срезневский И. И. Запорожская старина. — Ч. 1. — Вып. 1. — Харьков : В Университетской типографии, 1833. — 132 с.

Срезневский И. И. Запорожская старина. — Ч. 1. — Вып. 2. — Харьков : В Университетской типографии, 1833. — 140 с.

Срезневский И. И. Запорожская старина. — Ч. 1. — Вып. 3. — Харьков : В Университетской типографии, 1834. — 168 с.

Срезневский И. И. Запорожская старина. — Ч. 2. — Вып. 2. — Харьков : В Университетской типографии, 1834. — 183 с.

Срезневский И. И. Запорожская старина. — Ч. 2. — Вып. 3. — Харьков : В Университетской типографии, 1838. — 164 с.

Стурдза А. С. Евгений Булгарис и Никифор Феотокис, предтечи умственного и политического пробуждения греков // Москвитянин. — 1844. — № 2. — С. 337–367.

Стурдза А. С. Размышления об учении и духе Православной Церкви. — СПб. : Нестор-История, 2015. — 172 с.

Уваров С. С. Государственные основы. — М. : Ин-т русской цивилизации, 2014. — 609 с.

Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. — Ч. 1. — М. : В Университетской типографии, 1834. — 180 с.

Устрялов Н. Г. Русская история. — 2-е изд., испр. — Ч. 1. — СПб. : Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1839. — 362 с.

Устрялов Н. Г. Русская история. — 2-е изд., испр. — Ч. 2. — СПб. : Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1839. — 364 с.

Феофан Затворник, свт. Письма о молитве и духовной жизни. Собрание писем. — М. : Правило веры, 2008. — 479 с.

Филарет (Дроздов), архим. Разговоры между испытующим и уверенным о Православии Восточной Греко-русской церкви с присовокуплением выписки из окружного послания Фотия, патриарха Цареградского, к восточным патриаршим престолом. — СПб., 1815. — 85 с.

Хомяков А. С. Сочинения : в 2 т. — М. : Медиум; Московский философский фонд, 1994. — Т. 1. — 591 с.

Хондзинский П., прот. Восток и Запад в «русском синтезе» святителя Филарета митрополита Московского // XVIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. — М., 2008. — Т. 1. — С. 22–33.

Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. — М. : Наука, 1991. — Т. 1. — 800 с.

Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. — М. : Наука, 1991. — Т. 2. — 672 с.

Шевченко М. М. Понятие «теория официальной народности» и изучение внутренней политики императора Николая I // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. — 2002. — № 4. — С. 89–104.

Euvres posthumes religieuses, historiques, philosophiques et littéraires d'Alexandre de Stourdza. — Vol. 4 — Paris : Dentu, 1860. — 313 p.

Euvres posthumes religieuses, historiques, philosophiques et littéraires d'Alexandre de Stourdza. — Vol. 5 — Paris : Dentu, 1861. — 272 p.

Сведения об авторе:

Фёдор Александрович Гайда — доктор исторических наук, доцент, исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник, Отдел новейшей истории Русской Православной Церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 115184, Россия, Москва, ул. Новокузнецкая, 23 Б, e-mail: fyodorgayda@gmail.com

Благодарности:

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 14.02.2024; одобрена после рецензирования 21.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.

F. A. Gayda

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY,
MOSCOW, RUSSIA

The Perspectives of Russia's Intellectual Circles on the Church, Orthodoxy, and the Union by 1839

Abstract. The article focuses on the perception of Orthodoxy and Uniatism within Russian intellectual circles on the eve of the reunification of Belarusian Uniates with the Orthodox Church in 1839. The article also examines the religious perspectives of both governmental figures (S. S. Uvarov, M. M. Speransky) and public figures (N. M. Karamzin, A. S. Sturdza, A. S. Pushkin, N. G. Ustryalov, D. N. Bantysh-Kamensky, I. I. Sreznevsky, P. Ya. Chaadaev). In the 1810s and 1830s, secular circles began to formulate ideas about Orthodoxy as a religion of love, firmly rooted in the original Christian tradition. Orthodoxy was regarded as a religion characterized by dogmatic certainty, devoid of relativism and false mysticism. The primary distinction from Catholicism lay in the absence of a pursuit for secular power, and consequently, a rejection of the practice of violence. Additionally, the Orthodox Church was viewed as the historical church of the Russian people. The author of the article concludes that by this time, a significant segment of society, particularly those concerned with religious matters, had already developed relatively stable ideas about the union. The union was

perceived as the result of religious manipulation and coercion by papal Rome, as well as the enticement of certain Western Russian church hierarchs. The article underscores the Orthodox population's rejection of the union within the Polish-Lithuanian Commonwealth, particularly among the common people. Hence, the effort to overcome the union was deemed justified. Furthermore, the Uniates could not be regarded as fully integrated members of the Russian people until they were reunited with both the Church and the Russian national spirit. Within the framework of the intellectual circles' ideas that emerged during that period, religious and secular reasoning were closely interwoven and found historical validation.

Keywords: Union of Brest, S. S. Uvarov, A. S. Sturdza, M. M. Speransky, N. M. Karamzin, A. S. Pushkin, N. G. Ustryalov, D. N. Bantysh-Kamensky, I. I. Sreznevsky, P. Ya. Chaadaev

For citation: Gayda, F. A. (2024). The Perspectives of Russia's Intellectual Circles on the Church, Orthodoxy, and the Union by 1839. *Orthodoxia*, (3), 122–147. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-3-122-147

REFERENCES:

“Rossiia pod nadzorom”: otchety III otdeleniia 1827–1869: sbornik dokumentov [“Russia under Supervision”: Reports of the III Department 1827–1869: a Collection of Documents]. (2006). Moscow : Ros. fond kul'tury; Rossiisky arkhiv. [In Russian].

Bantysh-Kamensky, D. N. (1830). *Istoriia Maloi Rossii* [The History of Little Russia] (2-nd Edition, Chapter 1). Moscow : Tip. Semena Selivanovskogo. [In Russian].

Chaadaev, P. Ia. (1991). *Polnoe sobranie sochinenii i izbrannye pis'ma* [Complete Works and Selected Letters] (Vol. 1). Moscow : Nauka. [In Russian].

Chaadaev, P. Ia. (1991). *Polnoe sobranie sochinenii i izbrannye pis'ma* [Complete Works and Selected Letters] (Vol. 2). Moscow : Nauka. [In Russian].

Feofan Zatvornik, Enlightener. (2008). *Pis'ma o molitve i dukhovnoi zhizni. Sobranie pisem* [Letters about Prayer and Spiritual Life. Collection of Letters]. Moscow : Pravilo very. [In Russian].

Filaret (Drozdov), archimandrite. (1815). *Razgovory mezhdú ispytuiuushchim i uverennym o Pravoslavii Vostochnoi Greko-rossiiskoi tserkvi s prisovokupleniem vypiski iz okruzhnogo poslaniia Fotiia, patriarkha Tsaregradskogo, k vostochnym patriarshim prestolam* [Conversations between the Probing and the Confident about the Orthodoxy of the Eastern Greek-Russian Church, with an Extract from the District Message of Photius, Patriarch of Tsargrad, to the Eastern Patriarchal Thrones]. Saint Petersburg. [In Russian].

Gayda, F. A. (2020). Sviazuiuushchee nachalo: o ponimanii “narodnosti” v Rossii I poloviny XIX v. [The Connecting Principle: on the Understanding of “Nationality” in Russia in the First Half of the XIX Century]. In *Russky Sbornik: Issledovaniia po istorii Rossii* (Vol. XXIX, pp. 97–135). Moscow. [In Russian].

Gayda, F. A. (2022). “Uznanie nashei narodnosti vo vsekhn ee razlichnykh vidakh”: Rossiiskaia imperiia i ukrainofil'stvo v 1820–40-e gg. [“The Recognition of Our Nationality in All its Various Forms”: The Russian Empire and Ukrainophilism in the 1820s and 40s.]. *Tetrad'i po konservatizmu*, (2), 13–29. [In Russian].

Gayda, F. A. (2022). Napoleon, Faust, Gamlet, Khristos: problematika svobody i “lichnosti” v Rossii v 1838 g. [Napoleon, Faust, Hamlet, Christ: the Problems of Freedom and “Personality” in Russia in 1838]. *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeiskii dialog*, (3), 201–218. [In Russian].

Gogol, N. V. (2009). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 t.* [The Complete Collection of Works and Letters: In 17 Volumes] (Vol. 1–2). Moscow-Kyev : Izd-vo Moskovskoi Patriarkhii. [In Russian].

Gogol, N. V. (2009). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 t.* [The Complete Collection of Works and Letters: In 17 Volumes] (Vol. 7). Moscow-Kyev : Izd-vo Moskovskoi Patriarkhii. [In Russian].

Joseph de Maistre v Rossii [Joseph de Maistre in Russia]. (1937). In *Literaturnoe nasledstvo* (Vol. 29–30, pp. 577–726). Moscow : Zhur.-gaz. ob"edinenie. [In Russian].

Kara-Murza, A. A. (2019). *Ital'ianskoe puteshestvie Petra Chaadaeva (1824–1825)* [The Italian Journey of Peter Chaadaev (1824–1825)]. Moscow : Akvilon. [In Russian].

Karamzin, N. M. (1824). *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo* [The History of the Russian State] (Vol. X). Saint Petersburg : Tipografiya N. Grecha. [In Russian].

Khomiakov, A. S. (1994). *Sochineniia v 2 t.* [Works in 2 Volumes] (Vol. 1). Moscow : Medium; Moskovsky filosofsky fond. [In Russian].

Khondzinsky, P., Protoiereus. (2008). Vostok i Zapad v “russkom sinteze” sviatitelia Filareta mitropolita Moskovskogo [East and West in the

“Russian Synthesis” of St. Metropolitan of Moscow]. In *XVIII Ezhegodnaia bogoslovskaiia konferentsiia Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta: Materialy* (Vol. 1, pp. 22–33). Moscow. [In Russian].

Konstitutsionnye proekty v Rossii XVIII — nachala XX v. [Constitutional Projects in Russia of the XVIII — Early XX Centuries] (2010). Moscow: ROSSPEN. [In Russian].

Korf, M. A. (2014). *Zhizn' grafa Speranskogo* [The Life of Count Speransky]. Moscow: Statut. [In Russian].

Maksimovich, M. A. (1837). Ob uchastii i znachenii Kieva v obshchei zhizni Rossii. [On the Participation and Importance of Kiev in the Common Life of Russia]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, Part 16, (10), 1–29. [In Russian].

Nevodchikov, N., priest. (1868). *Znakomstvo i perepiska A. S. Sturdzy s vysokopreosviashchennym Filaretom, mitropolitom Moskovskim* [Acquaintance and Correspondence of A. S. Sturdza with His Eminence Filaret, Metropolitan of Moscow]. Odessa. [In Russian].

Parsamov, V. S. (2004). *Zhozef de Mestr i Aleksandr Sturdza (iz istorii religioznykh idei aleksandrovskoi epokhi). Posobie po spetskursu dlia studentov istoricheskogo fakul'teta* [Joseph de Maistre and Alexander Sturdza (from the History of Religious Ideas of the Alexander Era). A Special Course Manual for Students of the Faculty of History]. Saratov : Izd-vo Saratovskogo universiteta. [In Russian].

Pis'mo M. M. Speranskogo k S. M. Bronevskomu [The Letter of M. M. Speransky to S. M. Bronevsky]. (1870). *Russky arkhiv*, (199–202). [In Russian].

Poliarnaia zvezda, izdannaiia A. Bestuzhevym i K. Ryleevym [The Polar Star, Published by A. Bestuzhev and K. Ryleev]. (1960). Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. [In Russian].

Pushkin A. S. (1996). *Polnoe sobranie sochineny: v 17 t.* [Complete Works in 17 Volumes] (Vol. 12). Moscow : Voskresen'ie. [In Russian].

Pushkin v vospominaniakh sovremennikov [Pushkin in the Memoirs of His Contemporaries] (Vol. 2). (1998). Saint Petersburg : Akademicheskyy proekt. [In Russian].

Pushkin, A. S. (1995). *Polnoe sobranie sochineny: v 17 t.* [Complete Works in 17 Volumes] (Vol. 7). Moscow : Voskresen'ie. [In Russian].

Pushkin, A. S. (1996). *Polnoe sobranie sochineny: v 17 t.* [Complete Works in 17 Volumes] (Vol. 13). Moscow : Voskresen'ie. [In Russian].

Shevchenko, M. M. (2002). Poniatie “teoriiia ofitsial'noi narodnosti” i izuchenie vnutrennei politiki imperatora Nikolaia I [The Concept of “the Theory of Official Nationality” and the Study of the Internal Policy of

Emperor Nicholas I]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istorii*, (4), 89–104. [In Russian].

Speransky, M. M. (1870). *Pis'ma Speranskogo k F. I. Tseieru* [Letters of Speransky to F. I. Zeyer]. *Russky arkhiv*, (174–199). [In Russian].

Speransky, M. M. (2002). *Rukovodstvo k poznaniu zakonov* [A Guide to the Knowledge of Laws]. Saint Petersburg : Nauka. [In Russian].

Sreznevsky, I. I. (1833). *Zaporozhskaia starina* [Zaporizhia antiquity] (Part 1, Issue 1). Kharkiv : V Universitetskoi tipografii. [In Russian].

Sreznevsky, I. I. (1833). *Zaporozhskaia starina* [Zaporizhia antiquity] (Part 1, Issue 2). Kharkiv : V Universitetskoi tipografii. [In Russian].

Sreznevsky, I. I. (1834). *Zaporozhskaia starina* [Zaporizhia antiquity] (Part 1, Issue 3). Kharkiv : V Universitetskoi tipografii. [In Russian].

Sreznevsky, I. I. (1834). *Zaporozhskaia starina* [Zaporizhia antiquity] (Part 2, Issue 2). Kharkiv : V Universitetskoi tipografii. [In Russian].

Sreznevsky, I. I. (1838). *Zaporozhskaia starina* [Zaporizhia antiquity] (Part 2, Issue 3). Kharkiv : V Universitetskoi tipografii. [In Russian].

Sturza, A. S. (1844). *Evgeny Bulgaris i Nikifor Feotokis, predtechi umstvennogo i politicheskogo probuzhdeniia grekov* [Evgeny Bulgaris and Nikifor Theotokis, Forerunners of the Intellectual and Political Awakening of the Greeks]. *Moskvitianin*, (2), 337–367. [In Russian].

Sturza, A. S. (2015). *Razmyshleniia ob uchenii i dukhe Pravoslavnoi Tserkvi* [Reflections on the Teaching and Spirit of the Orthodox Church]. Saint Petersburg : Nestor-Istorii. [In Russian].

Ukrainskie narodnye pesni, izdannye M. Maksimovichem. [Ukrainian Folk Songs, Published by M. Maksimovich] (Part 1). (1834). Moscow : V Universitetskoi tipografii. [In Russian].

Ustrialov, N. G. (1839). *Russkaia istoriia* [Russian history] (Part 2). Saint Petersburg : Tip. Ekspeditsii zagotovleniia gosudarstvennykh bumag. [In Russian].

Ustrialov, N. G. (1839). *Russkaia istoriia* [Russian history] (Part 1). Saint Petersburg : Tip. Ekspeditsii zagotovleniia gosudarstvennykh bumag. [In Russian].

Uvarov, S. S. (2014). *Gosudarstvennye osnovy* [State Foundations]. Moscow : In-t russkoi tsivilizatsii, 2014. — 609 s. [In Russian].

V pamiat' grafa Mikhaila Mikhailovicha Speranskogo. 1772–1872 [In Memory of Count Mikhail Mikhailovich Speransky. 1772–1872]. Saint Petersburg : Izdanie Imperatorskoi publichnoi biblioteki. [In Russian].

Œuvres posthumes religieuses, historiques, philosophiques et littéraires d'Alexandre de Stourza (Vol. 4). (1860). Paris : Dentu. [In French].

Œuvres posthumes religieuses, historiques, philosophiques et

littéraires d'Alexandre de Stourdza (Vol. 5). (1861). Paris : Dentu. [In French].

About the author:

Fedor Aleksandrovich Gayda — Doctor of Historical Sciences, Docent, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher, St. Tikhon's Orthodox University, 23Б, Novokuznetskaya str, Moscow, Russia, 115184, e-mail: fyodorgayda@gmail.com

Acknowledgements:

The research was conducted with the support of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Preservation of World Cultural and Historical Heritage".

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 14.02.2024; approved after reviewing 21.02.2024; accepted for publication 28.02.2024.

К. В. Шевченко

СИНОДАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ БЕЛОРУССКОГО ЭКЗАРХАТА,
МИНСК, БЕЛОРУССИЯ

**«Вся Русь восхвалит Бога
едиными устами...»
Брестский (1596) и Полоцкий
(1839) церковные Соборы
и деятельность митрополита
Иосифа (Семашко) в оценках
галицко-русского просветителя
и церковного деятеля
протоиерея Иоанна Наумовича
(1826–1891)**

Аннотация. В XIX — начале XX века этнокультурный облик Восточной Галиции в значительной степени определялся идейным наследием деятелей местного галицко-русского движения, которые исходили из существования триединого русского народа в составе великороссов, малороссов и белорусов. Одним из ведущих представителей и идеологов галицко-русского движения был Иоанн Григорьевич Наумович (1826–1891), входивший в число самых ярких общественных и церковных деятелей Червонной Руси. Будучи греко-католическим священником, позже перешедшим в православие и по политическим мотивам эмигрировавшим из Австро-Венгрии в Россию, И. Наумович выступал как защитник галицко-русского крестьянства в качестве депутата галицкого сейма и австрийского рейхсрата; как инициатор и идеолог «обрядового» движения в греко-католической церкви, направленного на защиту

восточного обряда от латинизации; а также как просветитель галицко-русского народа. По инициативе И. Наумовича в 1874 году в Галиции было создано культурно-просветительское Общество имени М. Качковского, которое способствовало развитию образования и подъёму экономического и культурного уровня галицких русинов. В своих произведениях И. Наумович проанализировал социокультурные причины и политические предпосылки унии, механизм её реализации и её последующие разрушительные последствия для коренного православного населения Западной Руси. Полоцкий церковный Собор Наумович оценивал как торжество исторической справедливости, как акт исправления трагических последствий Брестского церковного Собора путём воссоединения белорусских униатов с «прародительскою восточно-православною церковью». Наумович подчёркивал исконное православие «наших предков» со времени крещения Руси вплоть до 1596 года, когда была разорвана связь церкви в Западной Руси «с восточно-православною церковью, разорвана незванными пришельцами с запада, навязавшими нашим отцам унию». Однако, как утверждал Наумович, то, что было навязано лезть и насильем «чужими людьми не ради истины Христовой и спасения душ, а ради властолюбия римских пап и политических расчётов польской республики, стало падать после соединения литовско-русских областей Польши с Россией». Во главе униатской церкви, по словам Наумовича, встали мужи, «исполненные апостольским духом, открывшие глаза народу и призвавшие его к воссоединению». Именно таким апостольским мужем, по мнению Наумовича, был митрополит Иосиф (Семашко) со своими сподвижниками, трудами которых совершилось воссоединение с древнею Православною Церковью всех западнорусских областей.

Ключевые слова: уния, православие, Западная Русь, Полоцкий церковный Собор, Наумович, дискриминация, полонизация

Для цитирования: Шевченко К. В. «Вся Русь восхвалит Бога едиными устами...» Брестский (1596) и Полоцкий (1839) церковные Соборы и деятельность митрополита Иосифа (Семашко) в оценках галицко-русского просветителя и церковного деятеля протоиерея Иоанна Наумовича (1826–1891) // Ортодоксия. — 2024. — № 1. — С. 148–163. DOI:

В настоящее время Западная Украина обоснованно считается идейным фундаментом и организационным бастионом радикального украинского национализма. Однако вплоть до конца XIX — начала XX века этнокультурный облик современной Восточной Галиции (исторической Галицкой или Червонной Руси), являющейся главной составной частью нынешней Западной Украины, в основном определялся идеями представителей доминировавшего здесь в то время местного галицко-русского движения, которые, являясь убеждёнными приверженцами общерусского единства, считали галицких русинов частью триединого русского народа от Карпат до Камчатки в составе великороссов, малороссов и белорусов; при этом местных галицких русинов они относили к малорусской ветви русского народа.

Среди ведущих представителей и идеологов галицко-русского движения в Восточной Галиции в XIX веке особое место занимает Иоанн Григорьевич Наумович (1826–1891) — один из наиболее ярких, харизматичных и в то же время незаслуженно забытых общественных, культурных и церковных деятелей Червонной Руси второй половины XIX века, который активно выступал в поддержку идей общерусского единства, подчёркивая неразрывную историческую, культурную и церковную связь Галиции с прочими русскими землями, и энергично критиковал зарождавшееся в то время в Галиции украинское движение. Наумович, в частности, указывал на совершенно искусственный характер как украинского движения, так и форсированными темпами создаваемого в то время украинского литературного языка. Активно поддерживаемый австрийскими властями и польской администрацией Галиции «украинский проект» Наумович считал изначально рукотворным инструментом, специально созданным для практической реализации целей антиславянской политики Вены и Берлина. По мнению галицко-русского мыслителя, архитекторы украинского движения и их кураторы из Вены использовали его в качестве этнокультурного тарана, призванного разрушить общерусское культурно-языковое единство и трансформировать идентичность галицких русинов на антирусских началах, превратив их, по сути, в новый народ.

Являясь греко-католическим священником, позже перешедшим в православие и по политическим мотивам эмигрировавшим из Австро-Венгрии в Россию, И. Наумович постоянно выступал в качестве деятельного, бесстрашного и бескомпромиссного защитника прав галицко-русского крестьянства как депутат краевого сейма Галиции и австрийского рейхсрата; как идеолог и зачинатель «обрядового» движения в греко-католической

церкви, направленного на защиту восточного обряда от стремительно наступавшей латинизации; а также как талантливый просветитель и организатор галицко-русского народа, создавший в 1874 году популярное в Галиции Общество имени М. Качковского. Многогранная деятельность этого известного общества к началу XX века охватила практически всю Галицию и была направлена на развитие просвещения и подъём экономического и культурного уровня галицких русинов.

Полоцкий церковный Собор 1839 года И. Наумович однозначно оценивал как «великое и славное событие», которое, по его мнению, означало долгожданное торжество исторической справедливости в виде воссоединения униатов с «прародительскою их восточно-православною церковью» (Наумович 1889: 1). В своей пространной статье, посвящённой пятидесятилетию Полоцкого церковного Собора и его значению, Наумович подчёркивал, что со времени крещения нашей Руси при равноапостольном князе Владимире в 988 году предки наши изначально были православными и «оставались такими на всём пространстве русской земли, пока в 1596 г. не разорвана была связь нашей церкви в западно-русских странах с восточно-православною церковью, разорвана незваными пришельцами с запада, навязавшими нашим отцам унию... Но заведённое лестью и насилием чужими людьми, заведённое не ради истины Христовой и спасения душ, а ради властолюбия римских пап и ради политических расчётов бывшей польской республики, сейчас же стало падать после соединения литовско-русских областей Польши с Россией, — подчёркивал галицко-русский просветитель. — Явились во главе униатской церкви мужи, исполненные апостольским духом, открывшие глаза народу и призвавшие его к поголовному воссоединению. Таким апостольским мужем был митрополит Иосиф Семашко со своими сподвижниками, трудами которых совершилось воссоединение с древнею православною церковью всех западно-русских областей... по реку Буг» (Наумович 1889: 1). Характерно, что подобная убийственно-точная и исчерпывающая оценка церковной унии, её исторических истоков и причин её последующего падения была дана бывшим греко-католическим священником из Восточной Галиции.

* * *

В целом тема церковной унии, её зарождения, последующей эволюции и её трагических социокультурных последствий для русинов Галиции и других областей исторической Западной и Юго-Западной Руси красной

нитью проходит через всё многообразное литературное творчество Иоанна Наумовича, который именно унию считал одной из наиболее важных причин исторических потрясений и несчастий коренного населения многострадальной Галицкой Руси.

Так, в одном из своих литературных произведений Наумович сравнил Галицкую Русь с несчастным христианским ребёнком, который был похищен у родителей толпой бродячих цыган и впоследствии надолго заточен в мрачной пещере без солнечного света и свежего воздуха. «Это бедное, несчастное христианское дитя и всё, что оно вытерпело от цыган в тёмной пещере, представляет мне наш галицко-русский народ, который много выстрадал в своей исторической жизни» (Сочинения протоиерея И. Наумовича 1914: 21), — говорит один из литературных героев Наумовича. Зловещий образ похитителей-цыган из тёмной пещеры под пером Наумовича предстаёт ярким и убедительным по своей исторической достоверности символом многовекового польского господства над Червонной Русью и его трагических последствий, превративших галицких русинов в «детей подземелья». По словам галицко-русского просветителя, тянется эта неволя с того времени, когда польские иезуиты, приняв решение «ополячить нашу Галичину, опутали её своими сетями и заключили договор с польским правительством, чтобы всеми способами притеснять русских и их православную веру. Правда, стремясь погубить русский народ, Польша сама себя погубила, — констатирует Наумович. — Польша пала от ненависти, а Русь крепка терпением своим» (Сочинения протоиерея И. Наумовича 1914: 41).

Таким образом, диагноз, поставленный церковной унией Наумовичем, предельно прост и в то же время выразителен, убедителен и исчерпывающ. Унию он определяет как плод вопиющего и неприкрытого насилия над совестью галицких русинов, как результат прямой агрессии незваных «пришельцев с запада», которые навязали церковную унию местному православному населению ради властолюбия римских пап и политических расчётов Польши, а вовсе не ради истины Христовой и спасения душ.

Подробно анализируя исторические корни, социокультурные истоки и характер унии, Наумович отмечал, что смелым шагом к осуществлению «католическо-польских намерений» была уже Люблинская уния 1569 года, логическим следствием которой и явилась церковная уния в Бресте (Наумович 1889: 8). Мозговым и организационным центром подготовки унии предсказуемо стали приглашённые в Польшу иезуиты. Они, по словам галицко-русского мыслителя, основательно изучив

во второй половине XVI века Православную Церковь в западнорусских областях Речи Посполитой и особенности местного населения, пришли к убеждению, что «ввиду распространявшегося в Польше протестантизма им невозможно сразу действовать на две стороны, обращать протестантов и приступать к совершенному окатоличению западнорусского народа. Вот и придумали они создать мост, по которому православные не сразу, а лишь со временем должны пройти от востока к западу, от православия к настоящему латинству. Этим мостом была уния» (Наумович 1889: 10). Процесс организационной подготовки унии активно шёл при правлении короля Стефана Батория, который, энергично поддерживая иезуитов и их деятельность, коллегия иезуитов в западнорусском Вильно «возвысил до степени академии; в ней-то и должна была подготовляться русская православная молодёжь для борьбы с Православием и для введения унии. Иезуитам он отдал в городе Полоцке все православные монастыри и церкви и основал там иезуитскую коллегия... Иезуиты и их помощники, — обоснованно подчёркивал галицко-русский просветитель, — отравляли сердца молодёжи ядом ненависти к православной вере, представляя её холопской верой» (Наумович 1889: 11–12).

Православная Церковь отнюдь не случайно стала главной мишенью постоянных и всё более ожесточённых атак со стороны иезуитов и польской политической элиты. По словам авторитетного современного чешского историка-слависта М. Теры, именно восточное христианство сыграло ключевую роль в становлении культуры восточных славян. По мнению чешского историка, «без какого-либо преувеличения можно сказать, что без христианства не было бы современных восточнославянских народов, поскольку речь идёт о главном источнике и твёрдом фундаменте их культурной идентичности» (Téra 2019: 541). Более того, именно Православная Церковь, как подчёркивает чешский учёный, длительное время являлась главным фактором, который обеспечивал и сохранял этнокультурное единство «восточнославянского пространства» (Téra 2019: 541). Именно по этой причине прекрасно осознававшие данное обстоятельство иезуиты и находившиеся под их влиянием представители польской политической элиты стремились нанести решающий удар по данному «главному источнику и твёрдому фундаменту культурной идентичности» коренного населения Западной Руси. Лишив последнее этой цивилизационной опоры, они стремились превратить его в послушную этнографическую массу для беспрепятственной реализации своих далеко идущих этнокультурных и этноконфессиональных проектов.

Особенно пристальное внимание И. Наумович обращал на практические и организационные нюансы иезуитских этноконфессиональных и этнокультурных технологий, в частности на то обстоятельство, что главной целью иезуитов была постоянная, весьма искусная и при этом системная пропагандистская работа в первую очередь среди влиятельной западнорусской элиты, которую стремились обратить непосредственно в католичество, минуя унию, предназначавшуюся для низших социальных слоев. «Как только иезуиты успевали пробраться в дворянские дома в качестве воспитателей молодёжи, то ни словом не упоминали об унии, а прямо предлагали своим воспитанникам принимать католичество и латинскую обрядность (*nobiliorem ritum*), т. е. более благородную обрядность; уния же должна была только морочить низшее духовенство и народ до тех пор, пока вера в папу как наместника Христа и преемника апостола Петра не войдёт в его кровь и мозги, а тогда уже уния сама поведёт к латинству. Иезуиты говорили смело и громко, за ними стояла власть, шляхта и король» (Наумович 1889: 14), — обоснованно констатировал галицко-русский просветитель.

При правлении короля Сигизмунда III активность иезуитов в Речи Посполитой при покровительстве государства резко возросла; символично, что духовником польского короля стал один из архитекторов унии — известный польский иезуит и «опытный проповедник» П. Скарга; при этом, как признавал галицко-русский деятель, сложившиеся обстоятельства весьма благоприятствовали планам иезуитов. Православная Церковь не имела тогда «достойных иерархов в Литовской Руси. Большая часть иерархии была уже заражена польским шляхетским духом. Иезуиты, — афористично замечал Наумович, — накинули на всю Русь и Литву католическую сеть, имея опору в самом короле и в шляхте, которая с каждым годом всё более и более переходила в латинство... Большинство епископов с митрополитом во главе уже были явными униатами, остались в православии только два епископа: Михаил Копыстенский Перемышльский и Геден Балабан Львовский» (Наумович 1889: 17–18). Показательно в этом отношении, что как И. Наумович, так и другие ведущие галицко-русские просветители постоянно подчёркивали, что наиболее длительное и упорное сопротивление на исторических землях Западной Руси уния встретила именно в Галиции.

Созванный в Бресте в 1596 году Собор изначально разделился на сторонников и противников унии; при этом исход дела, как справедливо указывал Наумович, был уже заранее предreshён позицией польских властей, сделавших ставку на унию. По словам галицко-русского просветителя,

в 1596 году в Бресте православный Собор «рассуждал и опровергал её. Униатскому собору не нужно было рассуждать о ней и вести прение: уния давно была решена без собора и утверждена была папою, рассуждать было не о чем. Король признал униатов преданными престолу и отечеству и объявил, что на противников унии, т. е. православных, смотрит как на отступников от церкви Божией, как на нарушителей общественного спокойствия» (Наумович 1889: 29–30).

Практически сразу после провозглашения унии в Бресте в 1596 году многочисленное православное население Речи Посполитой, доминировавшее в её восточных областях и объявленное властями вне закона, стало подвергаться растущей дискриминации и преследованиям, которые приобретали всё более жестокие, подчас откровенно изуверские и свирепые формы. Отказ от принятия унии автоматически мог повлечь за собой самые разнообразные репрессии вплоть до наиболее жестоких и изощрённых физических расправ. Уроженец Галицкой Руси И. Наумович, прекрасно знакомый с историей данного вопроса на примере родной Галиции, отмечал, что православные, не принявшие унии, «были гонимы до крови. Православных убивали, жарили на огне, разрывали на куски, сажали на колы, снимали с них живых кожу, отнимали имущество, грабили, и текла братская славянская кровь, и русские православные девицы должны были вместо лошадей запрягаться в телеги и возить жирных иезуитов» (Наумович 1889: 33).

Что касается униатской церкви и униатского духовенства, то их положение с самого начала оказалось весьма шатким, двусмысленным и незавидным. Униатов, по словам галицко-русского просветителя, «ненавидели все: ксендзы и поляки за то, что они имеют ещё свои церкви и свои обряды, хотя искажённые, но всё-таки восточные, а не сделались чистыми католиками. Православные их ненавидели как отступников от истинной соборной церкви, о них говорили с презрением, что они бежали из Константинополя и не добежали до Рима» (Наумович 1889: 34).

Практически сразу же после своего официального провозглашения церковная уния стала одной из главных причин длительных и кровавых межконфессиональных и межнациональных потрясений, охвативших всю Речь Посполитую в начале XVII века, что впоследствии обусловило ряд крестьянско-казацких восстаний на территории Малой и Белой Руси, резкое ослабление этого государства и его последующее исчезновение с политической карты Европы в конце XVIII века в результате разделов. Уния, по справедливому замечанию галицко-русского мыслителя, резко усилила

взаимную вражду между поляками и русскими во всей Западной Руси и «стоила тем и другим целых рек крови, пролитой в войнах малороссийских казаков с Польшей» (Горит! Рассказы протоиерея Наумовича 1889: 9).

Заслуженно большое внимание И. Г. Наумович обращал на то, что практически все многочисленные обещания римских пап о неприкосновенности обрядов униатской церкви с самого начала оказались нарушенными; сразу после введения унии началась последовательная и системная латинизация обрядов униатской церкви и ползучий перевод униатов в римское католичество. По выражению галицко-русского деятеля, многочисленные обещания Рима «о почтении русской обрядности совершенно ложны; все грамоты пап, которыми униатам воспрещается принимать латинство, были только ловушкой; на деле латинские ксендзы перетягивали в латинство целые селения и за это удостаивались наград, но никогда не получали упрёков от папы и римской курии. Посмотрите на окрестности Вильны, Полоцка, Холма, — призывал своих читателей И. Наумович. — Все почти деревни вокруг этих городов совершенно олатинены и ополячены, и такое олатинение долго не прекращалось даже под русским правительством» (Наумович 1889: 34).

В первые десятилетия XIX века, по данным И. Г. Наумовича, число униатов на белорусско-литовских землях «умалилось до полутора миллионов, зато более чем удвоилось число перехваченных в латинство. Целые селения отказывались от унии и ополячивались. Такие совращения в латинство приводили пап и их слуг в восторг, и совратители вознаграждались обильно. В 1807–1808 годах совратилось более 50 000 униатов в латинство, переходя в него целыми приходами» (Наумович 1889: 37, 45). Именно в этот период времени роль униатской церкви как эффективного инструмента латинизации и последующей полонизации униатских верующих проявилась наиболее ярко.

Следует заметить, что на стремительную латинизацию греко-католической церкви практически сразу после её возникновения обращали внимание как ведущие учёные-слависты XIX века, так и современные историки. Так, например, авторитетный канадский учёный-славист П. Р. Магочи в одной из своих последних монографий, посвящённой истории Карпатской Руси, констатировал, что, вопреки неоднократно обещанному Римом сохранению православной обрядности, римско-католическое влияние стало быстро проникать в греко-католическую церковь и ярко проявлялось даже на уровне отдалённых сельских приходов в Угорской Руси (Magocsi 2015: 86). Отмечая серьёзные успехи ползучей

латинизации греко-католической церкви и униатского духовенства в Венгрии (Карпатская Русь) и в Польше (Галицкая Русь), П. Р. Магочи подчёркивал, что к XX веку униатская «промежуточная церковь» становилась всё более католической (Magosci 2015: 86).

Широко распространённую в Галиции и в Угорской Руси практику систематической латинизации обрядов униатской церкви И. Г. Наумович оценивал крайне негативно, подвергая убийственной и обоснованной критике. «Уния завела “тихие мши”, органы, всю литургию исковеркала, так что Св. Василий Великий и Иоанн Златоустый не могли бы признать эти литургии за свои, — с едким сарказмом замечал галицко-русский просветитель. — Как может общая молитва, в которой должен участвовать весь народ, быть тихой, шёпотом произносимой? Не было ли это простым, рабским подражанием латинским ксендзам? Униатская обрядность дошла со своим приближением к латинству до нелепостей. Никто не разберёт: богослужение это или насмешка над богослужением» (Наумович 1889: 35). Грубые нарушения традиционной восточной обрядности униатской церкви и её последовательная латинизация болезненно воспринимались Наумовичем, который, являясь греко-католическим священником в Восточной Галиции, инициировал там во второй половине XIX века «обрядовое движение», направленное на возрождение традиционных обрядов в униатской церкви. Именно это обстоятельство сразу же вызвало крайне негативную реакцию австрийских властей и иерархов римско-католической церкви, став одной из важных причин последовавших вскоре репрессий против И. Наумовича.

Подобное поведение римской курии в отношении униатов позволило И. Г. Наумовичу сделать совершенно обоснованный вывод о том, что уния «основана была на лжи, ложью заведена и поэтому её постигла такая судьба, какая обыкновенно постигает ложь» (Наумович 1889: 34). Основная тяжесть борьбы с «ложью унии» выпала на долю митрополита Иосифа (Семашко), которого И. Г. Наумович ярко и выразительно охарактеризовал как «Моисея для литовско-русских униатов», как «мужа глубокой веры, высоких христианских добродетелей, светлого ума и железного, ничем не устранимого характера» (Наумович 1889: 38).

Будучи высокопоставленным униатским иерархом и постоянно сталкиваясь с вопиющими фактами «сращения в латинство» литовско-русских униатов, Семашко, по словам И. Г. Наумовича, окончательно убедился, что «борьба с такою властью, как Рим с иезуитами, немислима, что Рим никогда не сдерживает принятых на себя обязанностей, имея на

всё коварные извинения, и что напрасно ждать от него справедливости. Он часто посещал, переодетый в мирское платье, православные церкви, наслаждался чудным богослужением и пением и сравнивал это всё со страшным запустением в униатской церкви. И вот родилась у него мысль: зачем же нам, униатам, гонимым теми, которые завели унию, держаться гонителей, пламенно желающих нашего уничтожения? Где же древняя наша, некогда православная Русь?» (Наумович 1889: 41).

Кропотливая и настойчивая работа митрополита Семашко по созданию условий для воссоединения западнорусских униатов с Русской Православной Церковью была сопряжена с колоссальными угрозами и наталкивалась на многочисленные, порой казавшиеся непреодолимыми, препятствия. И. Г. Наумович подчёркивал, что Семашко взял на себя «всё бремя ненависти могущественных тогда поляков и не уступал ни на шаг, не входил с ними ни в какие сделки. Все удивлялись его смелости, с которой он разъезжал по епархии. Он считал себя орудием в руках Божьего Промысла для совершения начатого святого дела» (Наумович 1889: 51). При этом, как деликатно замечал И. Наумович, Семашко очень часто приходилось бороться не только с врагами, но и с «податливостью доброго русского правительства» (Наумович 1889: 46), которое далеко не всегда оказывалось способным в полной мере понять его замыслы, оценить их важность и оказать поддержку его начинаниям.

Полоцкий церковный Собор, состоявшийся 12 (24) февраля 1839 года в Софийском соборе древнего Полоцка, знаменовал собой решающий и долгожданный для Семашко и его единомышленников акт в деле возвращения «прельщённых униатов на лоно родной их матери, православной церкви. Прошло уже 50 лет, — писал в 1889 году И. Г. Наумович, оценивая деятельность митрополита Семашко, — и видны уже богатые плоды его неутомимых трудов и в других странах. Уже и Холм воссоединился в 1875 году, а Червонная Русь дожидается дня свободы, когда скажет своё громкое слово, и не далеко уже то время, когда вся Русь восхвалит Бога едиными устами и единым сердцем!» (Наумович 1889: 62).

Однако главное значение Полоцкого церковного Собора и деятельности митрополита Семашко галицко-русский мыслитель обоснованно усматривал в том, что они окончательно избавили полтора миллиона западнорусских униатов от неминуемой участи полного окатоличивания и колонизации. Как писал в своей статье И. Г. Наумович, подобная участь была бы неизбежной в случае, если бы эти действия не были предприняты или опоздали на «несколько десятков лет» (Наумович 1889: 38).

Примечательно, что многочисленные критические оценки унии, сделанные И. Г. Наумовичем, в полной мере разделялись и другими современниками и крупными учёными. Так, один из основателей современной белорусистики, известный учёный-славист академик Е. Ф. Карский в своём фундаментальном труде «Белорусы» также прямо указывал на деятельность иезуитов и на «слабость и невежество» православной высшей иерархии в Западной Руси как главные причины совращения в унию. Саму же Брестскую церковную унию Е. Ф. Карский метко характеризовал как «вероисповедный суррогат, очень полезный в государственном отношении для Речи Посполитой, так как церковная уния, с одной стороны, отдаляла белорусов от великороссов, а с другой — приближала к полякам-католикам, часто служа переходной ступенью к католичеству и, таким образом, являясь дальнейшим этапом на пути полонизации Белоруссии» (Карский 1922: 183).

Данные оценки церковной унии созвучны мыслям современного авторитетного сербского учёного З. Милошевича, который в своих трудах обращает внимание на то, что церковные унии в Восточной Европе и на православных Балканах как форма римско-католического миссионерства затрагивали не только вопросы веры, но и политику, способствуя трансформации самосознания крупных этнических общностей путём «романизации и латинизации их идентичности» (Милошевич 2023: 21). Созданный Брестской церковной унией «вероисповедный суррогат» длительное время весьма успешно играл роль эффективного инструмента полонизации православного населения Западной и Юго-Западной Руси.

Именно этот, по удачному выражению академика Е. Ф. Карского, крайне опасный для народа исторической Западной Руси «вероисповедный суррогат» и был успешно ликвидирован благодаря мудрой, мужественной и целенаправленной деятельности митрополита Семашко и его сподвижников на Полоцком церковном Соборе 1839 году, который наконец избавил белорусов от угрозы неминуемой полонизации в униатско-латинском этноконфессиональном гетто, создав тем самым исключительно важные предпосылки для их последующего успешного национального и культурного развития.

Деятельность митрополита Семашко, сумевшего вернуть западнорусских униатов в лоно православия, имела колоссальное значение не только для православного населения Западной Руси, но и для других православных славянских народов. Итоги трудов митрополита Семашко были справедливо охарактеризованы известным сербским учёным З. Милошевичем как подвиг, всё ещё не в полной мере оценённый (Милошевич 2023: 23).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Горит! Рассказы протоиерея И. Г. Наумовича. — М. : Тип. товарищества И. Д. Сытина, 1889. — 188 с.

Карский Е. Ф. Белорусы. Т. III. — Петроград, 1922. — 318 с.

Милошевич З. Геополитика. Взгляд с Балкан. Ч. 1. — СПб. ; М ; Минск ; Белград : ЛИТО, 2023. — 282 с.

Наумович И. Г. Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с православной церковью западнорусских униатов. Исторический очерк. — СПб. : В Синодальной типографии, 1889. — 112 с.

Сочинения протоиерея И. Наумовича. Повести и рассказы из галицко-русской жизни. Т. II. — Петроград, 1914. — 221 с.

Magosci P. R. With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpathian Rusyns. — Budapest — New York : CEU Press, 2015. — 511 p.

Téra M. Kyjevská Rus: dějiny, kultura, společnost. — Červený Kostelec : Pavel Mervart, 2019. — 721 s.

Сведения об авторе:

Кирил Владимирович Шевченко — доктор исторических наук, заместитель председателя Синодальной исторической комиссии Белорусского Экзархата Московского Патриархата, заведующий Центром евразийских исследований, Филиал Российского государственного социального университета в г. Минске, 220107, Беларусь, Минск, ул. Народная, 21, e-mail: shevchenkok@hotmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 12.02.2024; одобрена после рецензирования 27.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.

K. V. ShevchenkoSYNODAL HISTORICAL COMMISSION OF THE BELARUSIAN EXARCHATE,
MINSK, BELARUS**“Together, All of Russia Will
Unite in One Voice to Glorify
God...” The Church Councils
of Brest (1596) and Polotsk
(1839) and Metropolitan Joseph
(Semashko)'s Activities Evaluated
by Archpriest John Naumovich
(1826–1891), Galician-Russian
Educator and Church Figure**

Abstract. In the 19th to early 20th century, the ethno-cultural landscape of Eastern Galicia was significantly shaped by the ideological legacy of prominent figures in the local Galician-Russian movement. They advocated for the recognition of the triune Russian people, comprising Great Russians, Little Russians, and Belarusians. One of the foremost representatives and ideologues of the Galician-Russian movement was Ivan Grigorievich Naumovich (1826–1891), who stood as one of the most eminent public and church figures of Ruthenia. Being a Greek Catholic priest who later converted to Orthodoxy and emigrated from Austria-Hungary to Russia for political reasons, John Naumovich served as a staunch advocate for the Galician-Russian peasantry, holding positions as a deputy in the Galician Sejm and the Austrian Reichsrat. He also spearheaded the 'ritual' movement within the Greek Catholic Church, aimed at safeguarding the Eastern rite from Romanization. Additionally, he played a pivotal role as an educator of the Galician-Russian populace. At the initiative of John Naumovich in 1874, the Mykhailo Kachkovsky Cultural and Educational Society was established in Galicia. This society played a significant role in the advancement of education and the elevation of the economic

and cultural status of the Galician Rusyns. In his works, John Naumovich analysed the socio-cultural causes and political prerequisites of the Union, as well as the mechanism of its implementation and its subsequent devastating consequences for the indigenous Orthodox population of Western Russia. John Naumovich regarded the Church Council of Polotsk as a triumph of historical justice—an act of rectifying the tragic consequences of the Church Council of Brest by reuniting the Belarusian Uniates with the “ancestral Eastern Orthodox Church”. Naumovich emphasized the primordial Orthodoxy of “our ancestors” from the time of the christianisation of Rus' until 1596, when the connection of the church in Western Russia “with the Eastern Orthodox Church was broken by uninvited newcomers from the West who imposed the Union on our fathers”. However, as argued by John Naumovich, what was imposed by flattery and violence “by strangers not for the sake of the truth of Christ and the salvation of souls, but for the sake of the love of power of the popes and the political expectations of the Polish Republic, began to crumble after the unification of the Lithuanian-Russian regions of Poland with Russia”. According to John Naumovich, the Uniate church was led by fathers “filled with the apostolic spirit, who opened the eyes of the people and called them to reunification”. In John Naumovich's view, Metropolitan Joseph (Semashko) and his associates were precisely such apostolic fathers, whose efforts led to the reunification of all Western Russian regions with the ancient Orthodox Church.

Keywords: union, Orthodoxy, Western Russia, the Church Council of Polotsk, Naumovich, discrimination, polonization

For citation: Shevchenko, K. V. (2024). “Together, All of Russia Will Unite in One Voice to Glorify God...” The Church Councils of Brest (1596) and Polotsk (1839) and Metropolitan Joseph (Semashko)'s Activities Evaluated by Archpriest John Naumovich (1826–1891), Galician-Russian Educator and Church Figure. *Orthodoxia*, (3), 148–163. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-3-148-163

REFERENCES:

Gorit! Rasskazy protoiereia I. G. Naumovicha [Is on Fire! The Stories of Archpriest I. G. Naumovich]. (1889). Moscow : Tip. tovarishchestva I. D. Sytina. [In Russian].

Karsky, E. F. (1922). *Belorusy* [Belarusians] (Vol. III). Petrograd. [In Russian].

Miloshevich, Z. (2023). *Geopolitika. Vzgliad s Balkan. Chast' 1* [Geopolitics. A View from the Balkans. Part 1]. Saint Petersburg — Moskva — Minsk — Belgrade : LITO. [In Russian].

Naumovich, I. G. (1889). *Piatidesiatiletie (1839–1889) vossoedineniia s pravoslavnoi tserkov'iu zapadno-russkikh uniatov. Istorichesky ocherk* [Fiftieth Anniversary (1839–1889) of Reunification with the Orthodox Church of the Western Russian Uniates. A Historical Sketch]. Saint Petersburg : V Sinodal'noi tipografii. [In Russian].

Sochineniia Protoiereia I. Naumovicha. Povesti i rasskazy iz galitsko-russkoi zhizni. Tom II [The Writings of Archpriest I. Naumovich. Novels and Short Stories from Galician-Russian Life. Volume II] (1914). Petrograd. [In Russian].

Magocsi, P. R. (2015). *With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpathian Rusyns*. Budapest — New York : CEU Press. [In English].

Téra, M. (2019). *Kyjevská Rus: dějiny, kultura, společnost* [Kievan Rus: History, Culture, Society]. Červený Kostelec : Pavel Mervart. [In Czech].

About the author:

Kirill Vladimirovich Shevchenko — Doctor of Historical Sciences, Deputy Chairman of the Synodal Historical Commission of the Belarusian Exarchate of the Moscow Patriarchate, Head of the Center for Eurasian Studies of the Branch of the Russian State Social University in Minsk, 21, Narodnaya Str., Minsk, Belarus, 220107, e-mail: shevchenkok@hotmail.com

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 12.02.2024; approved after reviewing 27.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.

О. Б. Неменский

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН,
МОСКВА, РОССИЯ

Ранняя униатская концепция истории Русской Церкви

Аннотация. Брестская церковная уния, заключённая в 1596 году Киевской митрополией с Римом, вызвала раскол в западнорусском обществе. Против неё объединилась значительная часть духовенства и православных мирян из разных социальных слоёв, включая даже многих из тех, кто был её инициатором. Слабость унии была вызвана сильными отличиями её условий от тех, которые формулировала православная сторона при её подготовке, а также отсутствием того результата, ради которого она затевалась, — в первую очередь уравнивания в правах восточнохристианского населения Речи Посполитой с католиками. Тогда перед униатами встала задача обосновать свой выбор историческими фактами, что должны были бы доказать безальтернативность их выбора. Им требовалось доказать, что уния с Римом утвердилась на Руси ещё со времени её крещения, и решения Брестского собора были возвращением к вере предков. На деле перед ними стояла задача дать новое прочтение русской истории.

Наиболее полно эта новая концепция была представлена в сочинении на то время униатского архимандрита Виленского Льва Кривы «Защита церковного единства» 1617 года, в написании которого также принимал участие архиепископ Полоцкий

Иосафат Кунцевич. Они описали всю историю как свидетельство верности Руси Риму, которая лишь несколько раз прерывалась. В результате такого описания православные предстают как отнюдь не новое явление, нарушающее традиционный ход русской истории.

Анализ данного Кревзой и Кунцевичем описания русского прошлого показывает, что они были носителями во многом секуляризованного исторического мышления с сильным влиянием западной барочной культуры. Это явствует из сравнения их текстов с православными ответами и касается как общего подхода к историческому процессу и действующим в нём лицам, так и оперирования идентитарными понятиями. Всё это позволяет говорить о постбрестском униатстве как о новом явлении, определяющем себя на основе уже в значительной мере западных раннемодерных форм культуры, на то время ещё чуждых местной русской традиции.

Ключевые слова: Брестская уния, униатство, Лев Кревза, Иосафат Кунцевич, православно-униатская полемика, Речь Посполитая, Западная Русь

Для цитирования: Неменский О. Б. Ранняя униатская концепция истории Русской Церкви // Ортодоксия. — 2024. — № 3. — С. 164–187. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-3-164-187

Положение православных в Речи Посполитой во второй половине XVI — начале XVII века становилось всё более сложным. Позиция государства была довольно противоречивой. С одной стороны, в XVI веке нарастали тенденции официальной веротерпимости, связанные с ренессансными идеями и ростом влияния шляхетского сословия, в котором появлялось всё больше сторонников протестантских вероучений. В конфессионально нейтральном ключе был составлен акт Люблинской унии 1569 года, формально учредивший новую государственность — Республику Двух Народов (Первую Речь Посполитую). В 1573 году был принят акт Варшавской конфедерации «о диссидентах в религии», провозглашавший принципы религиозной терпимости в деятельности государственной власти. Его текст уже в 1576 году стал государственным законом, войдя в конституцию Торунского сейма. Правда, он не столько

фиксировал права некатоликов, сколько ограничивал возможность давления на них со стороны короля и Католической Церкви. В стране утверждается идеология шляхетской республики, граждане которой равны и свободны в выборе своих религиозных предпочтений.

Однако против этого выступает католический епископат, резко негативно оценивший Варшавскую конфедерацию. Так, Пётрковский синод 1577 года предал проклятию всех тех, кто в ней участвовал или даже высказывался в её поддержку. В среде католиков растёт традиционная для них конфессиональная нетерпимость, существенно подстёгнутая принятыми на том же синоде решениями Тридентского собора. С 1565 года в Короне Польской начинают свою деятельность иезуиты. С 1569–1570 годов они также обосновываются в Великом княжестве Литовском, открывая в Вильне свой коллегиум, и быстро наращивают своё влияние. Это немало сказалось на конфессиональной ситуации, так как уже вскоре целый ряд влиятельных благородных семей (в том числе православных) переходит в католицизм. Ректор этого коллегиума (вскоре академии) Якуб Вуек в 1579 году издал в Познани сочинение «*Postilla mnieszysza*», в котором открыто призывал к силовым действиям по возвращению «еретиков» в католицизм, что имело отношение не только к протестантам, но и православным. Стали активно публиковаться работы католических авторов с радикально нетерпимыми взглядами, как, например, труды Роберта Беллармина.

Большой популярностью стал пользоваться проповедник Пётр Скарга, ставший в 1579 году первым ректором Виленской академии (университета). Незадолго до этого была опубликована его книга «О единстве Церкви Божьей под единым пастырем и о греческом от этого единства отступлении». В ней заявлялось о необходимости привести православных к единству с Римом. Скарга указывал, что для успешной деятельности государства крайне важно, чтобы политическому единству соответствовало и единство религиозное, то есть делал акцент на политической логике утверждения католицизма в качестве обязательной государственной религии (Skarga 1882: 489–490). Эти идеи постепенно становились принципами деятельности государственной власти.

Вступивший на королевский престол в 1587 году Сигизмунд III Ваза с детства воспитывался в Швеции иезуитами, однако первоначально был вынужден принять акт Варшавской конфедерации (по подписанным им «*Pacta conventa*»), а также по генеральной конфирмации прав 1588 года). Тем не менее именно его правление стало периодом

открытого проведения светской властью политики Контрреформации, предполагавшей неустанные усилия по распространению католицизма всеми доступными методами.

Положение православного населения и духовенства было непростым, и проблемы накапливались. Отсутствие покровительства со стороны королевской власти, юридически закреплённое неравенство с католиками, выражавшееся в больших ограничениях на занятие властных должностей и представительства своих интересов в государственных органах, низкий социальный статус и растущая бедность по сравнению с другими конфессиями определяли кризисное состояние церковной и общественной сферы на Западной Руси.

На фоне растущих вызовов происходит заметное оживление интеллектуальной жизни православного общества. Росло значение городского сословия (мещанства), которое в основных центрах стало объединяться в церковные братства. Эти организации проводили активную деятельность по развитию приходского образования и печатного дела и всё больше набирали своё влияние, в том числе и в отношениях с духовенством. Большую роль сыграло утверждение антиохийским патриархом Иоакимом V в 1586 году устава львовского Успенского братства, а Константинопольским патриархом Иеремией II в 1588 году — схожего по содержанию устава виленского Свято-Троицкого (с 1600 года Свято-Духовского) братства. В них среди прочего было прописано право братств не подчиняться «недостойному» епископу, что ставило их в особое положение в отношениях с клиром. Уже в начале 1890-х годов оба братства получили статус ставропигии, что делало их независимыми и от власти митрополита.

Для Православной Церкви новая роль мещанских братств фактически означала наступление периода двоевластия (или даже узурпации ими церковной власти). Значимая роль мирян в церковном управлении не противоречила православной эkkлезиологии, однако в условиях отсутствия православного монарха и соответствующего статуса за конфессией это приводило к разладу в жизни митрополии.

Велика была и зависимость духовенства от светских землевладельцев благодаря праву патроната, что приводило к многочисленным конфликтам с ними епископов. Положение православных приходов и монастырей существенно ухудшалось, если хозяин земли переходил в другую конфессию. Проблемы нарастали в связи с наступательной политикой королевской власти и католиков, из-за которой православное сообщество

государства довольно быстро теряло в первую очередь богатых представителей благородного сословия, уходивших в католицизм.

Всё это делало привлекательным настойчивые предложения католиков о заключении церковной унии с Римом. Она виделась способом и прекратить переходы в католицизм, и поправить правовое положение Православной Церкви и её прихожан в системе местной и общегосударственной власти, провести внутренние реформы и поднять уровень образования священнослужителей, а кроме того, избавиться от масштабного вмешательства светских лиц в церковные дела. С 1580-х годов внутренний церковный кризис стал предметом открытого обсуждения, а вместе с тем озвучивались и различные идеи об унии с Римом как способе его преодоления. Уже в ответ на первую проунионную декларацию 1590 года, написанную четырьмя православными епископами, король в своей грамоте обещал уравнивание в правах с католиками (Лист короля 1882: 1133–1136).

Однако представления об условиях такой унии были ещё довольно неопределёнными и в целом весьма далёкими от того, на что могла пойти сама Католическая Церковь. Если с православной стороны речь шла о возрождении (через воссоединение) старых времён церковного единства, но с сохранением при этом всего конфессионального своеобразия Восточной Церкви, то с католической — о покаянии схизматиков и «возвращении» их в католицизм с принятием, соответственно, всей его догматики (Дмитриев 2003). Лидер западнорусского общества и самый влиятельный магнат князь Константин Острожский в своём послании 1593 года формулировал в качестве условий унии, «чтобы паны римляне церковей наших и владений их в свои костёлы не обращали» и чтобы «духовные наши в таком же уважении, как и их духовные, были» (Послание... 1851: 65). Митрополит Михаил Рагоза говорил о принятии унии, «только поправив некоторые артикулы, которые соединению мешали, чтобы по-старому было, как во время единства бывало» (Соборная грамота 1851: 78). В письме к Кириллу Терлецкому, луцкому епископу и одному из основных инициаторов унии, он указывал, что хочет «верховенство в духовенстве за его милостью святейшим патриархом папой Римским признать, сохранив в целости все дела и обряды церкви нашей восточной» (Злеценье... 1851: 78–79). Эта убеждённость, что можно «дела все в церквях, службу Божью, церемонии и обряды нынешние и на века ни в чём не нарушенными» оставить (Инструкция... 1851: 80), была лейтмотивом всех унионных

инициатив, определяя наивный и очень неадекватный подход западнорусского церковного руководства к настрою католической стороны и в первую очередь Рима. Фактически в нём сохранялось убеждение в чистоте православной веры, и потому ставилось условие, чтобы люди «до иной конфессии принуждаемы не были, но в той оставались, какую в святом Письме в Евангелии, также и письмах учителей святых греческих находят» [Artykuły... 1970: 61]. Уступка с признанием верховенства папы Римского виделась чем-то вроде феодальной смены сюзерена, скреплённая притом большим списком обязательств по уравниванию в правах с католиками.

Модель унии как «возрождения прежнего единства» позволяла отвергать многое в католицизме, что традиционно расценивалось в православии как новопривнесённое, при этом вообще не поднимать темы, которые от них ожидалось, в первую очередь о покаянии и отречении от всего того, что католики расценивали как ересь. Такая позиция не предполагала и какие-либо изменения в представлениях о своей истории, которая не должна была расцениваться как ошибочная, проведённая в заблуждениях.

Эти ожидания столкнулись с реальностью в 1595 году, когда в Рим отправились за согласованием унии епископ Владимирский и Брестский Ипатий Потей и епископ Луцкий и Острожский Кирилл Терлецкий. Католическая экспертиза полностью отвергла привезённый ими текст проекта унии и саму возможность выдвижения со стороны Киевской митрополии каких-либо условий (Флоря, Яковенко 1996: 185). Был раскрыт и «корыстный» замысел епископов, ведь ими очевидно двигало желание улучшить своё положение в польско-литовском государстве, а не соображения о спасении. В результате переговоров 23 декабря 1595 года им пришлось подписать исповедание католической веры, составленное без их участия «по форме, предписанной грекам, возвращающимся к единству», и включающее и Чистилище, и filioque, и даже решения Тридентского собора (Professio fidei 1970: 213, 215).

Обсуждение такого текста на соборе в октябре 1596 года не могло проходить спокойно и привело к расколу в духовенстве и созыву двух альтернативных соборов. Против унии в таком виде выступили даже многие её инициаторы. В результате утверждённая лишь некоторыми представителями духовенства (правда, и митрополитом) уния была отвергнута большей частью православных, что привело к началу многолетнего противостояния между ними и униатами в Речи Посполитой.

Не оправдались и унионные ожидания по части уравнивания в правах с католиками в государственной системе Речи Посполитой. Королевские привилегии предоставляли права самим униатским епископам, а не «русскому народу закона греческого». Более того, король предписывал местным властям подавлять выступления против унии, которые теперь расценивались как бунты (Грамота... 1851: 138). Говорить о каком-либо улучшении положения восточных христиан в государстве в связи с заключением унии не приходилось. Наоборот, при некотором поднятии статуса отдельных представителей духовенства произошло сильнейшее ухудшение положения населения, большей части приходов и монастырей, оказавшихся вне закона и в прямом конфликте с государственными органами.

В формирующемся антиуниатском движении объединились и значительная часть православной шляхты во главе с магнатами, и городские церковные братства. Ещё до Брестского собора на Варшавском сейме 1596 года православные зафиксировали свой отказ признавать принявших в Риме унию епископов за пастырей как нарушивших права, свободы и привилегии своего народа (Выпись... 1859: 533–534). И в результате после утверждения королём унии все права, которыми прежде обладали православные горожане и шляхта, перешли к униатам, а православное духовенство стало нелегальным.

Так, Брестская церковная уния не привела к улучшению положения восточных христиан в Речи Посполитой, как на то надеялись её инициаторы, но стала причиной долгого противостояния двух лагерей западнорусского общества — тех, кто принял унию с Римом и кто не признал её. Этот конфликт побуждал их представителей по-новому осмысливать и различия между православием и католицизмом, и всё прошлое их отношений на Руси. Православные и униаты боролись за право выступать в государственных органах от лица всего «народа русского религии греческой» (Неменский 2012), за обладание церковным имуществом, а главное — за паству, что ставило её перед новым выбором и тем самым способствовало её активному участию в этом противостоянии.

В этих условиях, которые оказались неожиданными для всего общества — как для старых противников унии, так и для её авторов и адептов, — перед униатской иерархией вставала задача защитить свой выбор от критики со стороны православных и сформулировать новую концепцию истории Руси, которая обосновывала бы присоединение к Риму и, более того, выставляла бы его необходимым шагом. В сущности, их задача была

в том, чтобы определить русское униатство как изначальный выбор всего народа, а Брестскую унию — как возвращение к нему.

Униатский архиепископ Полоцкий Иосафат Кунцевич, прославленный Католической Церковью как мученик, — личность, ставшая для раннего этапа развития этого конфликта знаковой. Правда, сочинений он оставил мало, да и те со спорным авторством. Помимо переписки, это «Катехизис», являющийся несколько отредактированным переводом польской версии катехизиса испанского иезуита Хакобо Ледесмы («*Nauka chrześcijańska*», ок. 1572), а также «Уставы для пресвитеров», «Постановление всем священникам» и ещё один сборник статей по богословским вопросам. Наиболее пространное и оригинальное сочинение — «О фальшованю писм словенских» — написанный около 1612 года разбор ряда богословских вопросов в православных полемических текстах того времени. Кроме того, из свидетельских показаний, данных уже в 1630-е годы в ходе подготовки к процессу беатификации, а также из биографического сочинения о Кунцевиче холмского униатского епископа Якова Суши (Susza 1665: 7), стало известно о том, что Кунцевич был соавтором Виленского архимандрита Льва Кревзы при написании известного полемического трактата в защиту унии «*Obrońca jedności cerkiewnej*» (издано в Вильне в 1617 году).

И вот это сочинение, названное в православной среде «Оборона унии», занимает одно из центральных мест во всей униатской полемике тех лет. Владимир Завитневич пишет, что «попытка латино-униатов отыскать в истории прочную основу для Брестской унии в Обороне Кревзы достигла последнего предела своего прогрессивного развития. В этом сочинении исчерпаны были последние средства, чтобы поставить этот вопрос на твёрдую историческую почву» (Завитневич 1883: 399). Важнейший ответ на него был написан в 1617–1624 годах келарем Киево-Печерского монастыря (впоследствии — его архимандритом) Захарием Копыстенским — это оставшийся в то время неизданным большой труд «Палинодия, или Книга обороны кафолической».

Одной из важнейших тем, вокруг которой шла православно-униатская полемика тех лет, была история христианизации Руси. В её центре был вопрос о том, сколь значимы в то время были связи Русской Церкви с Константинопольским Патриархатом. Особенности описания Крещения Руси как основополагающего события определяли то, какой виделась русская идентичность и направленность развития русской истории.

Полемисты в своих работах обращали внимание в первую очередь на вопрос об источнике самого крещения, когда и кем оно было

осуществлено, при каком патриархе (во время раскола или единства церкви) (Неменский 2010). Немаловажно также было определить, каковы были на то время границы между Западной и Восточной Церквями, каковы были пределы Константинопольской Патриархии. Из разных версий складывались в корне разные истории Руси, позволявшие той или иной стороне противостояния отстаивать свою правоту.

Большую роль для формирования униатского прочтения русской истории имели работы польского иезуита Петра Скарги. Важнейшей их особенностью было то, что он выдвинул идею западного крещения Руси, дав ей обоснование на основе общецерковной истории. Он писал в своих сочинениях, что крещение Руси произошло при патриархе, не ставившем под сомнение власть римских пап. Ссылаясь на труды кардинала Цезаря Барония, он утверждал, что оно состоялось ещё в IX столетии. Основную роль в крещении Скарга отводил миссии епископа Михаила и свершившегося тогда чуда с несгоревшим в огне Евангелием, которое было описано у византийского автора XI века Иоанна Скилицы (Baronius 1860: 81–85). Правда, это предположение вызвало многочисленные споры вокруг вопросов датировки этого события и того, каким патриархом был послан на Русь епископ — Фотием или Игнатием. Задачей униатской стороны было максимально привязать эту миссию к Игнатию и тем самым развести её с так называемой в западной традиции Фотиевой схизмой. Однако неопределённость датировок оставляла возможность оспорить эту версию и привязать миссию к патриарху Фотию, отделив тем самым историю русского христианства от Запада уже в его и так удревлённом начале. Другим событием, на котором акцентировал внимание Скарга, был гораздо менее спорный факт заключения Флорентийской унии и принятия её киевским митрополитом Исидором (Skarga 1882: 221).

Лев Крєвза и Иосафат Кунцевич в своём труде «Оборона унии», продолжая линию рассуждений Скарги, впервые попытались найти ей обоснования уже в русской истории, в результате чего ими была сформулирована концепция «тройственного крещения Руси» (Kreuzza 1878: 223).

По их мнению, чудо с несгоревшим Евангелием произошло «при Василии Македонянине, царе греческом, и при князе всей Руси Рюрике, и при князьях Киевских Аскольде и Дире, и при патриархе Константинопольском Игнатии»¹ (Kreuzza 1878: 224). При этом они

¹ «Za Bazilego Macedona, cesarza Greckiego, a za książęcia wszytkiej Rusi Ruryka, y za książąt Kiiwskich, Askolda y Dira, za patryarchy Konstantinopolskiego Ignacego».

делают оговорку, что на деле в это время в Константинополе сидел Фотий, однако как узурпатор, а настоящим патриархом был всё же Игнатий, что позже было подтверждено на соборе, который был созван папой Адрианом. Так доказывается, что «от католического, а не схизматического патриарха и то первое крещение Русь приняла»² (Kreuza 1878: 225).

Миссия Кирилла и Мефодия по логике Кревзы и Кунцевича оказывается вторым крещением Руси, с чем также для католической (и униатской) стороны были связаны немалые проблемы. Требовалось доказать как связь славянских первоучителей с Римом, так и связать их деятельность с Киевом. Старая линия польской историографии, утверждавшей вслед за Яном Длугошем тождественность древнерусских и польских полян, требовала найти и общие истоки их христианизации, что делало бы католичество родной верой и для Руси. Западная историографическая традиция к тому времени уже довольно подробно разработала систему доказательства послушания Кирилла и Мефодия Риму, что позволяло просто использовать этот вроде как уже общепринятый для польской традиции факт для доказательства католического крещения Руси.

Тем не менее перед униатами стояла задача для обоснования связей славянских просветителей с Римом воспользоваться не только латиноязычными хрониками, но и обнаружить доказательства в славянских источниках. Как установил Б. Н. Флоря, униатам действительно удалось найти славянский список Пространного жития Константина-Кирилла (и этот текст был использован в «Обороне унии») и список Пространного жития Мефодия, сведения из которого упомянуты в записке митрополита Иосифа Рутского, посланной в Рим в 1624 году (Флоря 1998).

Кревза и Кунцевич подробно описывают, как Кирилл и Мефодий, «в то время как Фотий в Константинополе бунтовал против папы, ездили в Рим за благословением; высланы они были ещё при царе Михаиле, в начале патриаршества св. Игнатия, в края славянские», и сам Игнатий при этом определяется как «истинный патриарх»³ (Kreuza 1878: 225–226). Славянские просветители поехали за благословением в Рим, благодаря чему «своим примером ясно показали, что восточное духовенство было послушно папам»⁴ (Kreuza 1878: 200). Папа Римский, «взяв... книги славянские, освятил их и положил

² «Od katolickiego, a nie schyzmatyckiego patriarchy y ten pierwszy Krzest Ruś przyjęła».

³ «Pod ten czas, gdy się Fociusz w Konstantynopolu buntował przeciw papieżowi, po błogosławieństwo iezdzili do Rzymu, wysłani byli ieszcze za Michała cesarza, na początku patriarchostwa świętego Ignacego do kraioiw Słowiańskich».

⁴ «Swoim przykładem doskonale ukazali, że duchowieństwo Wschodnie posłuszne było papieżom».

в церкви святой Марии», и «приказал двум епископам... посвятить славянских учеников»⁵ (Kreuz 1878: 226), после чего были совершены литургия и всенощная на славянском языке. Стоит отметить, что в тех же выражениях мы находим эту информацию в собственном сочинении Кунцевича «О фальшованю писм словенских»⁶ [Кунцевич]. В «Обороне унии» также говорится о том, что Кирилл и позже возил своих учеников посвящать в духовный сан к папе Римскому, так как не принимал «схизмы» патриарха Фотия (Kreuz 1878: 226). В связи с этим делается вывод, что «из Рима тогда от папы у нас служба Божья, а не из Константинополя»⁷ (Kreuz 1878: 226). А вот привязка миссии славянских первоучителей к крещению Руси делается опять же через чудо с Евангелием, так как поездка епископа Михаила ими связывается с деятельностью Кирилла и Мефодия, чего не было ни у Скарги, ни у других католических авторов.

Третьим по счёту крещением Руси признаётся Владимирово, но о нём сообщается очень кратко: было оно «от патриарха Николая Хрисоверга около 1000 года» (Kreuz 1878: 227). Явно, что для них это событие имеет уже второстепенное значение, так как оно лишь подтверждало прежние два крещения. Стоит обратить внимание на то, как они датируют крещение Руси, когда речь о нём заходит как о целостном факте истории, — они говорят, что оно произошло около 700 лет назад (Kreuz 1878: 287), что отсылает именно к первым двум крещениям в их списке, а не к Владимиру.

Так, очевидно стремление авторов сделать датировку крещения Руси более древней и привязать её к миссии славянских первоучителей. В результате получается, что первое крещение было принято Русью от патриарха, «послушного» папе Римскому, а второе уже напрямую от Рима.

На такой основе формировался образ всей истории русского христианства. Утверждается, что «хотя потом Греческая церковь оторвалась от того единства, Русь мало об этом знала, и вообще часто не подчинялась патриархам»⁸ (Kreuz 1878: 161). Создавалась концепция изначальной связи Киева с Римом и де-факто независимости Руси от Царьграда.

⁵ «Wziąwszy... księgi Słowiańskie, poświęcił ie y położył ie w cerkwi świętej Maryi», «roskazał dwum episkopom... poświęcić uczniow Słowackich».

⁶ (Кунцевич И.) О фальшованю писм словенских // Архив СПбИИ РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 79. Л. 9об. — 10об.

⁷ «Z Rzymu tedy od papieża mamy służbę Bożą y wszystko odprawowanie chwały Bożej cerkiewne, a nie z Konstantinopola».

⁸ «Choć się potym Cerkiew Grecka od tey jedności oderwała, Ruś mało o tym wiedziała y owszem często patryarchom nie podlegała».

Таким образом, по униатской версии истории, предложенной Кревзой и Кунцевичем, русский народ изначально вошёл в состав не схизматической, а единой Католической Церкви, к которой по праву относится. Русь принадлежит Риму по праву божественному и церковному, и если Константинополь нарушает это право, то и его власть над Русью прекращается (Kreuz 1878: 239). Согласно этой версии, на протяжении всей своей истории русский народ и его Церковь стремились сохранять свою связь с Римом, многократно выходя из подчинения впадшим в схизму патриархам.

Как описывается далее в «Обороне унии», Великая схизма произошла при третьем киевском митрополите Феопемпте. После его смерти князь Ярослав созвал русских епископов, и они постановили больше митрополитов из Константинополя не принимать, а выбирать их из своей среды. Они избрали митрополитом Иллариона, послушного Риму и не подчинявшегося патриарху (Kreuz 1878: 240). Потом, правда, на Руси иногда всё же принимали митрополитов, посвящённых в Константинополе, но для этого грекам приходилось подкупать русских князей большими подарками, как было, например, в случае с митрополитом Иоанном при князе Ростиславе (Kreuz 1878: 229). Лионский собор, на котором была заключена церковная уния, был, по утверждению Кревзы и Кунцевича, принят Русью (Kreuz 1878: 223), и целый период — с 1415 по 1516 год — Русская митрополия была вне схизмы (Kreuz 1878: 233–237, 265–266). В начале его стоит митрополит Григорий Цамблак, правивший с 1415 года (после схизматика Фотия), бывший убеждённым противником схизмы (Kreuz 1878: 233). Флорентийская уния 1439 года, соответственно, была также полностью принята Русью (Kreuz 1878: 234–235), причём с санкции патриарха (Kreuz 1878: 265), что позволило митрополиту Исидору возобновить подчинение патриарху Константинопольскому, так как тот был «хорошим католиком» (Kreuz 1878: 234). Тогда же от Русской митрополии отпала её восточная часть — Москва, — ушедшая в схизму (Kreuz 1878: 234). Истинным же русским митрополитом остаётся находящийся в Вильне Киевский. Уже следующий митрополит Григорий благословения у патриарха не брал (Kreuz 1878: 234–235). А последним митрополитом-католиком был Иосиф Солтан (Kreuz 1878: 237).

Возврат же к схизме произошёл по вине «москвки» королевы Елены (жены короля Александра Ягеллончика), которая привезла с собой из Москвы и поставила митрополитом убеждённого схизматика Иону, бывшего послушным патриарху Пахомию. «В его время Русь к первой схизме

вернулась» (Kreuz 1878: 237). После этого единство было восстановлено уже только Михаилом Рагозой в 1596 году (Kreuz 1878: 238). Всего за русскую историю Кревза и Кунцевич насчитали 13 митрополитов-католиков (Kreuz 1878: 239). Остальные митрополиты были в схизме, и каждый раз поясняется, что происходило это либо по причине их злости, либо же их неучёности. Важен также пример сербов, у которых уже «с давних времён» есть свой патриарх, якобы послушный папе (Kreuz 1878: 241).

В настоящее время русский народ, согласно авторам «Обороны унии», находится в очень тяжком состоянии: на нём сказывается действие кар Божьих схизматикам (Kreuz 1878: 245, 273), ему грозит опасность «потурчения» (Kreuz 1878: 219) и окатоличивания (то есть утраты собственного восточного богослужения) (Kreuz 1878: 296). Кроме того, «какая-то новая секта» (Kreuz 1878: 172) — схизматики — начала на Руси «внутреннюю войну» (Kreuz 1878: 291), чем воюет также и с Богом Самим (Kreuz 1878: 296). Таким образом, в результате такого описания православные предстают как новое явление, нарушающее традиционный ход русской истории.

Примечательно, что такая версия прошлого вряд ли могла появиться существенно раньше, в контексте ещё средневекового мышления. Самой системе её обоснований свойственны специфические черты барочной культуры. Она вся основана на положении, что схизма, то есть отпадение от послушания папе Римскому, — личное решение каждого человека и обусловлено каждый раз его страстями.

Если мы посмотрим на православные ответы на сочинение «Оборона унии», и в первую очередь на «Палинодию» Захарии Копыстенского, то там мы увидим стройную историческую (и правовую) концепцию пребывания Руси в составе Константинопольского Патриархата с акцентом на том моменте, что если русский человек отпадает от православия, то он уже не является русским, он уходит в другой народ — ополячивается. Русь же вся верная и по замыслу Божьему имеет своё место в небесном Царстве православных (занятым ею, кстати, именно в связи с отпадением латинян) (Неменский 2003; Неменский 2008).

Так, для Копыстенского членство в Церкви имеют только целые народы, и их число постоянно — выпадению одних должна соответствовать компенсация через обращение к Христу новых народов. Крещение европейских народов стало результатом отпадения евреев, а крещение Руси — следствием отпадения от неё «латинян»: «...народ северный, которого Бог по своему усмотрению до того благословленного счастья берёт, народ, говорю, Российский Господь и Бог наш Иисус Христос решил

к вере своей призвать и в церковь свою святую ввести, место, с которого Римская церковь с предводителями своими выпала, наполняя, так то Бог по своему человеколюбию учинил, так то место в небе, с которого ангелы из-за гордыни выпали, народом людским наполняет, и как на месте евреев, от ласки Христовой отпавших, народы языческие в церковь свою ввел, так ласкою и милосердием своим Господь Бог на место отпавших христиан западных народ северный, Российский, в церковь свою ввёл»⁹ (Копыстенский 1878: 1107). Униат для Копыстенского уже вне руси, так как «весь народ роскый ... как однажды веру христианскую из столицы апостольской Константинопольской принял, в той и до сих пор стойко пребывает и до конца века пребывать будет благодатью Христовою»¹⁰ (Копыстенский 1878: 1005).

В истории человечества Копыстенский, как было свойственно любому средневековому историографу, выделяет хронологические периоды, имеющие своё особое духовное содержательное наполнение. Всю историю после Рождества Христова он разделяет по этапам «розвязания» дьявола и покорения им человечества: первый период, в соответствии с определёнными хилиастическими представлениями, полагавшими тысячелетнее царство Христова состоявшимся в первую тысячу лет после Его первого пришествия, заканчивается 1000 годом, ознаменованным началом дьявольских действий, проявившихся в расколе Церкви и «отпадении латинян». Дальнейшая хронологическая схема хода истории определяется числом зверя. Церковная схизма знаменовала начало новой эпохи — последней, длительность которой определяется в 666 лет и которая будет разделена на периоды по этапам наступления Врага на человечество (1600 — 1660 — 1666)¹¹ (Копыстенский 1878: 315–316).

9 «Алит о то (о, судов Бозских недоведомых!) народ полночный, который Бог по своему смотрению до того благословенного щастя ховал, народ, мовлю, Российский Господь и Бог наш Иисус Христос рачил до веры своей призвати и в церков свою святую впровадити, месце оное, з которого Римская церков з предводителми своими выпала, наполняючи, так то Бог по своему человеколюбию учинил, як и оное местце в небе, з которого ангелове для пыхи выпали, народом людским наполняет, и як на месце Жидов, от ласки Христовых отпалых, народы поганскийи в церков свою впровадил, так ласкою и милосердием своим Господь Бог, на месце отпалых христиан заходних, народ полночный, Российский, в церков свою вщепил».

10 «Весь народ Роский ... як еднораз веру христианску от столицы апостольской Константинопольской принял, в той и до того часу еднаково статечне трвает и до конца века трвати будет благодатью Христовою».

11 «И так, по тысячном от Рождества Иисуса Христа веку (здесь, наверное, описка — имеется в виду «року». — О. Н.), той неприятель многих прелстил и прелщает, и шkodливое розерваньё учинил, и ныне от истинной православной веры отводити не устает, а им далее, тым барзей, особливо коли, по тысячном року, личба шестсотных лет докончевалася, а шестдесят и шестая до выполнения своего сближается, тогда явно ся стало и помножает отступление и прелщение».

Особое внимание Копыстенский уделяет «докончанию» «личбы шестсотных лет», которое ознаменовалось новым «розерваньем» Церкви — Брестской унией, по заключению которой «абовем час ест, абыся суд почал от дому Божого» (Копыстенский 1878: 827).

И совсем другой тип исторического мышления мы находим у Кревзы и Кунцевича. Для них история — это уже не столь однозначно детерминированный Божьей волей ход событий. Главными действующими субъектами у них являются отдельные люди, и всё прошлое объясняется через борьбу в них злых и добрых начал. В центре исторической картины стоит раздираемая страстями личность, и весь ход истории приобретает драматическую окраску. Та же самая т. н. Фотиева схизма объясняется ими тем, что он католические догматы «со злости за ошибки почёл» (Kreuza 1878: 201). Если на взгляд Копыстенского «розерване» Церкви папой Сильвестром объясняется его связью с дьяволом, ведь через папу это «по тысячи лет, розвязанный ангел бездны справил» (Копыстенский 1878: 563), то на взгляд Кревзы и Кунцевича т. н. Керуллариева схизма является только проявлением людских дерзости, злости (Kreuza 1878: 253) и ненависти (Kreuza 1878: 295). Какого-либо сакрального объяснения этим событиям, их предрешённости и обоснованности в Божьей воле или сатанинских помыслах они не ищут.

И вся история предстает тогда в другом свете. Если основной принцип средневековой историографии в том, что не человек владеет историей, а история как замысел Божий владеет человеком, то у Кревзы и Кунцевича уже всё наоборот — ход событий полностью зависит от человека, с его страстями и просвещённым рассудком. Это действительно уже барочный взгляд на историю.

При таком подходе совершенно иным оказывается взгляд и на прошлое, и на настоящее, и будущее. Для православных полемистов тех лет (как, впрочем, и прежних) каждое описываемое ими событие прошлого имеет помимо своего буквального смысла ещё и смысл более глубокий, духовный, свой определённый сакральный статус. Оно предречено всем смыслом священной истории, которая рассматривается как текст Божественного Откровения, прочитываемый во времени и требующий своей расшифровки, своего духовного распознавания. Прошлое как бы продолжает существовать и сейчас, определяя собой, как проявлением вечности и Божьей воли, и настоящее, и будущее. Для Кревзы же и Кунцевича прошлое — это случайная цепь событий, развитие которых можно направлять в соответствии с человеческим разумом. Поэтому прошлое для

него уже не обладает свойством однозначного определения настоящего, не является символическим текстом. В нём могут быть многие ошибки, вызванные человеческим несовершенством и требующие своего исправления. Это проявляется и в том, что, в отличие от православных авторов, которые излагают вполне гомогенный исторический процесс, без разделения его на священную и мирскую истории, в «Обороне унии» мы находим описание истории чисто церковной, описываемой почти во всём отдельно и вне связи со светской.

И если для православных авторов настоящее — это своего рода эхо прошлого, а через него и вечности, то для Кревзы и Кунцевича оно представляет собой случайную точку на потоке времени с «апплицированными» на нём событиями и как таковое является зачатком ещё неизвестного будущего. «На смену “вечности-в-настоящем” приходит отдалённая история» (Панченко 2000: 74). А будущее — это то новое, что привнесут люди в историю. Оно ещё неизвестно. Для их православного оппонента Копыстенского будущее — такое же свидетельство вечности, как и прошлое, такое же проявление Божьего замысла, оно predetermined и лишь как таковое имеет смысл. «Будущее, находящееся в руках Бога, уже является в некоторой степени зримо и в настоящем» (Sartorius 1987: 71). С этим связано и то, что в «Палинодии» мы можем прочесть о будущем на основе приводимых им пророчеств и его собственных догадок о Божьих замыслах (Копыстенский 1878: 819, 827, 858, 867–869, 887). А в «Обороне унии» о будущем нет нигде ничего. Но в этом его неупоминании скрывается не игнорирование будущего, а наоборот — устремлённость в его создание соответственно с собственной, а не Божьей волей.

Таким образом, та версия истории, которую описывают Кревза и Кунцевич, основана на очень значительной степени секуляризации сознания авторов. Они рассуждают уже скорее как люди со светским мышлением, хотя и пишут об истории Церкви.

Это ярко проявляется и в их понятиях об идентичности. Для Кревзы и Кунцевича принадлежность к русскому народу, то есть этничность почти независима от церковной и даже религиозно-конфессиональной принадлежности. Они охотно признают «схизматиков» такими же членами «русского» народа, как и они сами. К своему оппоненту, которого он сам называет еретиком, Кревза обращается: «К вам, милый брат мой, того же старинного российского народа, хотя и умыслом от меня отличающемуся» (Kreuza 1878: 289). Тот же момент виден и в представлении о том, что Господь прекращает кары Свои и обещает ласку каждому,

кто возвращается в лоно Католической Церкви (что они подтверждают примером униатов (Kreuz 1878: 212), что резко контрастирует с привязкой к состоянию в Церкви к целым народам, как это утверждается у Копыстенского. Явная вестернизированность уже почти барочного, во многом секулярного сознания Кревзы и Кунцевича отрывает этническую характеристику от церковно-конфессиональной и делает человека с его страстями самостоятельным субъектом истории.

Создание такого образа русского прошлого на основе старого средневекового православного сознания представляется невозможным, что говорит о постбрестском униатстве как о принципиально новом историческом явлении, определяющем себя на основе уже в значительной степени западных раннемодерных форм культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Выпись из книг главного трибунала Новгородского 1596 ноября 2 // Архив Юго-Западной России. — Ч. 1, т. 1. — К., 1859. — № 123. — С. 533–534.

Грамота королевская виленским войтам и магистратским сановникам. 29 августа 1596 г. // Акты, относящиеся к истории Западной России. — Т. IV. — СПб., 1851. — № 101.

Дмитриев М. В. Между Римом и Царьградом: генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг. — М. : Изд-во МГУ, 2003. — 320 с.

Завитневич В. З. Палинодия Захарии Копыстенского и её место в истории западно-русской полемики XVI и XVII вв. — Варшава, 1883.

Злеценье митрополита Михаила Рагозы Кириллу Терлецкому // Акты, относящиеся к истории Западной России. — Т. IV. — СПб., 1851. — № 54.

Инструкция епископов от декабря 1594 г. // Акты, относящиеся к истории Западной России. — Т. IV. — СПб., 1851. — № 55.

Копыстенский З. Палинодия // Русская историческая библиотека. — СПб., 1878. — Т. IV.

Лист короля Сигизмунда III. 18 марта 1592 г. / «Апокрисис» Христофора Филалета // Русская историческая библиотека. — Т. 7. — СПб. : Тип. А. М. Котомина и Ко, 1882.

Неменский О. Б. Воображаемые сообщества в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзы // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник 2005/2006. — Вып. 3. — М., 2008. — С. 41–78.

Неменский О. Б. Интерпретации сюжета о Крещении Руси в православно-униатской полемике в Речи Посполитой в конце XVI — первой половине XVII века // Научные проблемы гуманитарных исследований. — Вып. 7. — Пятигорск, 2010. — С. 57–62.

Неменский О. Б. История Руси в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзы // Україна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин / ред. В. А. Смолій. — Київ, 2003. — С. 409–434.

Неменский О. Б. Права народа в православной мысли Речи Посполитой конца XVI — первой половине XVII века // Славяноведение. — 2012. — № 4. — С. 3–11.

Панченко А. М. О русской истории и культуре. — СПб., 2000.

Послание киевского воеводы князя Константина Острожского Владимирскому и Брестскому епископу Ипатию Потею // Архив Западной России. — Т. IV. — СПб., 1851. — № 45.

Соборная грамота Киевского митрополита Михаила Рагозы и епископов 2 декабря 1594 г. // Акты, относящиеся к истории Западной России. — Т. IV. — СПб., 1851. — № 53.

Флоря Б. Н. Кирилло-мефодиевские традиции и униатская иерархия первой половины XVII века // Слово и культура. Памяти Н. И. Толстого. — М., 1998. — Т. 2. — С. 387–393.

Флоря Б. Н., Яковенко С. Г. Раскол западнорусского общества на два лагеря, провозглашение унии церквей в Риме. Брестские соборы 1596 г. и закрепление раскола // Дмитриев М. В., Флоря Б. Н., Яковенко С. Г. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — начале XVII в. Часть I. Брестская уния 1596 г. Исторические причины. — М., 1996.

Artycuły do zjednoczenia s Kosciołem rzymskim należące. Berestje, 11.06.1595 // Documenta Unionis Berestensis eiusque auctorum. V. 1 (1590–1600). — Rome, 1970. — Nr. 41.

Baronius C. De Ruthenis ad communionem Sedis Apostolicae ruptis monumentum // Legationes Alexandrina et Ruthenica ad Clementem VIII, pont. max. pro unione et communiione cum Sede Apostolica, an^o Domini MDXCV die 15 januarii et 23 decembris. — Paris, 1860.

Kreuza L. Obrona iedności cerkiewney // Русская историческая библиотека. — Т. IV. — СПб., 1878.

Professio fidei catholicae Hypatii Potij, coram Pontifice Clemente PP .VIII facta. 23. 12. 1595 // Documenta Unionis Berestensis eiusque auctorum. V. 1 (1590–1600). — Rome, 1970. — Nr. 143.

Sartorius P. L'Eglise orthodoxe. — Paris, 1987.

Skarga P. O iedności kościoła Bożego pod jednym pasterzem // Русская историческая библиотека. — Т. 7. — СПб., 1882.

Skarga P. Obrona Synodu Brzeskiego. Wilno, 1597 // Русская историческая библиотека. — Т. 19. Памятники полемиической литературы в Западной Руси. — Кн. 3. — СПб., 1903.

Susza J. Cursus vitae et certamen martyrii b. Iosaphat Kuncevicii, archiepiscopi Polocensis, episcopi Vitepscensis et Miscislaviensis Ordinis Divi Basilii Magni. — Wilno, 1665.

Сведения об авторе:

Олег Борисович Неменский — научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, 119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32-А, e-mail: nemenski@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 04.02.2024; одобрена после рецензирования 11.03.2024; принята к публикации 08.04.2024.

O. B. Nemensky

INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES,
MOSCOW, RUSSIA

The Early Uniate Concept of the History of the Russian Church

Abstract. The Brest Church Union, concluded in 1596 by the Metropolis of Kyiv with Rome, caused a split, or even a schism, in Western Russian society. A significant part of the clergy and Orthodox laypeople from various social strata united against it, including many of those who had initiated the union. The weakness of the union stemmed from the significant differences between its conditions and those formulated by the Orthodox side during its preparation, as well as the absence of the desired outcome — primarily the equalization of the rights of the Eastern Christian population of the Polish-Lithuanian Commonwealth with Catholics. In these conditions, the Uniates faced the task of justifying their decision with historical evidence, which should have proved the inevitability of their choice. They needed to demonstrate that the union with Rome had been established in Rus' since its Christianization, and the decisions of the Church Council of Brest were merely a return to the faith of their ancestors. In practice, they were tasked with providing a new interpretation of Russian history. This new concept was most comprehensively presented in the writing “A Defense of Church Unity” by Archimandrite of the Uniate monastery in Vilnius, Lev Krevza, in 1617, which was also authored by Archbishop of Polotsk, Josaphat Kuntsevych. They portrayed the entirety of history as evidence of Rus' allegiance to Rome, which

was only interrupted a few times. As a result of this narrative, the Orthodox Church appears as a relatively recent phenomenon that disrupts the traditional course of Russian history.

The analysis of Krevza's and Kuntsevych's depiction of the Russian past reveals that they were proponents of a largely secularized historical perspective heavily influenced by Western Baroque culture. This is clearly evident when comparing their texts with Orthodox responses, particularly in their general approach to historical processes and the historical figures involved, as well as the use of identity concepts. All of this suggests that the post-Brest Uniatism emerged as a new phenomenon, shaped by largely Western early modernist forms of culture that were still foreign to the local Russian tradition at that time.

Keywords: Brest Union, Uniatism, Lev Krevza, Josaphat Kuntsevych, Orthodox-Uniate polemic, Polish-Lithuanian Commonwealth, Western Rus'

For citation: Nemensky, O. B. (2024). The Early Uniate Concept of the History of the Russian Church. *Orthodoxia*, (3), 164–187. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-3-164-187

REFERENCES:

Vypis' iz knig glavnogo tribunala Novogrodskogo 1596 noiabria 2 [Extract from the Books of the Main Tribunal of Novogrodsky on November 1596, 2]. (1859). In *Arkhiv Iugo-Zapadnoi Rossii* (Chapter 1, Vol. 1, № 123, pp. 533–534). Kyiv. [In Russian].

Gramota korolevskaia vilenskim voitam i magistratskim sanovnikom. 29 avgusta 1596 g. [A Royal Charter to the Vilna Voits and Magistrate Dignitaries. August 29, 1596]. (1851). In *Akty, otnosiashchiesia k istorii Zapadnoi Rossii* (Vol. IV, № 101). Saint Petersburg. [In Russian].

Dmitriev, M. V. (2003). *Mezhdu Rimom i Tsar'gradom: genezis Brestskoi tserkovnoi unii 1595–1596 gg.* [Between Rome and Constantinople: the Genesis of the Brest Church Union of 1595–1596]. Moscow : Izd-vo MGU. [In Russian].

Zavitnevich, V. Z. (1883). *Palinodiia Zakharii Kopystenskogo i ee mesto v istorii zapadno-russkoi polemiki XVI i XVII vv.* [Palinody of Zachariah Kopystensky and its Place in the History of Western Russian Polemics of the XVI and XVII Centuries]. Warsaw. [In Russian].

Zletsen'e mitropolita Mikhaila Ragozy Kirillu Terletskomu [Zletsenye of Metropolitan Mikhail Ragoza to Kirill Terletsky]. (1851). In *Akty, otnosiashchiesia k istorii Zapadnoi Rossii* (Vol. IV, № 54). Saint Petersburg. [In Russian].

Instruktsiia episkopov ot dekabria 1594 g. [The Instruction of the Bishops of December 1594]. (1851). In *Akty, otnosiashchiesia k istorii Zapadnoi Rossii* (Vol. IV, № 55). Saint Petersburg. [In Russian].

Kopystensky, Z. (1878). Palinodiia [Palinodiya]. In *Russkaia istoricheskaiia biblioteka* (Vol. IV). Saint Petersburg. [In Russian].

List korolia Sigizmunda III. 18 marta 1592 g. [The Sheet of King Sigismund III. March 18, 1592]. (1882). In *Russkaia istoricheskaiia biblioteka* (Vol. 7). Saint Petersburg : Tip. A. M. Kotomina i Ko. [In Russian].

Nemensky, O. B. (2008). Vobrazhaemye soobshchestva v "Palinodii" Zakharii Kopystenskogo i "Oborone unii" L'va Krevzy [Imaginary Communities in the "Palinody" of Zachary Kopystensky and the "Defense of the Union" by Lev Krevza]. *Belorussiia i Ukraina. Istorii i kul'tura. Ezhegodnik 2005/2006*, (3), 41–78. Moscow. [In Russian].

Nemensky, O. B. (2010). Interpretatsii siuzheta o Kreshchenii Rusi v pravoslavno-uniatskoi polemike v Rechi Pospolitoi v kontse XVI — pervoi polovine XVII veka [Interpretations of the Plot of the Baptism of Rus' in the Orthodox-Uniate Polemic in the Polish—Lithuanian Commonwealth at the End of the XVI — First Half of the XVII Century]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovany*, (7), 57–62. [In Russian].

Nemensky, O. B. (2003). Istoriiia Rusi v "Palinodii" Zakharii Kopystenskogo i "Oborone unii" L'va Krevzy [The History of Russia in the "Palinody" by Zachary Kopystensky and the "Defense of the Union" by Lev Krevza]. In *Ukraina ta Rosiia: problemi politichnikh i sotsiokul'turnykh vidnosin* (pp. 409–434). Kyiv. [In Russian].

Nemensky, O. B. (2012). Prava naroda v pravoslavnoi mysli Rechi Pospolitoi kontsa XVI — pervoi polovine XVII veka [The Rights of the People in the Orthodox Thought of the Polish—Lithuanian Commonwealth at the End of the XVI — First Half of the XVII Century]. *Slavianovedenie*, (4), 3–11. [In Russian].

Panchenko, A. M. (2000). *O russkoi istorii i kul'ture* [On Russian History and Culture]. Saint Petersburg. [In Russian].

Poslanie kievskogo voevody kniazia Konstantina Ostrozhszkogo Vladimirskomu i Brestskomu episkopu Ipatiiu Poteiu [The Message of the Kiev Voivode Prince Konstantin Ostrogsky to Vladimir and Brest

Bishop Hypatius Potey]. (1851). In *Arkhiv Zapadnoi Rossii* (Vol. IV, № 45). [In Russian].

Sobornaia gramota Kievskogo mitropolita Mikhaila Ragozy i episkopov 2 dekabria 1594 g. [The Conciliar Letter of the Kiev Metropolitan Mikhail Ragoza and the Bishops on December 2, 1594]. (1851). In *Akty, otnosiashchiesia k istorii Zapadnoi Rossii*, (Vol. IV, № 53). Saint Petersburg. [In Russian].

Floria, B. N. (1998). Kirillo-mefodievskie traditsii i uniatskaia ierarkhiia pervoi poloviny XVII veka [Cyril and Methodius Traditions and the Uniate Hierarchy of the First Half of the XVII Century]. In *Slovo i kul'tura. Pamiati N. I. Tolstogo* (Vol. 2, pp. 387–393). Moscow. [In Russian].

Floria, B. N., Iakovenko, S. G. (1996). Raskol zapadnorusskogo obshchestva na dva lageria, provozglashenie unii tserkvei v Rime. Brestskie sobory 1596 g. i zakreplenie raskola [The Split of Western Russian Society into Two Camps, the Proclamation of the Union of Churches in Rome. The Brest Cathedrals of 1596 and the Consolidation of the Schism]. In *Brestskaia uniiia 1596 g. i obshchestvenno-politicheskaia bor'ba na Ukraine i v Belorussii v kontse XVI — nachale XVII v. Chast' I. Brestskaia uniiia 1596 g. Istoricheskie prichiny*. Moscow. [In Russian].

Artycuły do zjednoczenia s Kosciolem rzymskim należące. Berestje, 11.06.1595 [Articles of Union with the Roman Church. Berestje, 11.06.1595]. (1970). In *Documenta Unionis Berestensis eiusque auctorum. V. 1 (1590–1600)* (№ 41). Rome. [In Polish].

Baronius, C. (1860). De Ruthenis ad communionem Sedis Apostolicae ruptis monumentum [From Ruthenes to the Communion of the Apostolic See Burst the Monument]. In *Legationes Alexandrina et Ruthenica ad Clementem VIII, pont. max. pro unione et communione cum Sede Apostolica, an N^o Domini MDXCV die 15 januarii et 23 decembris*. Paris, 1860. [In Latin].

Kreuz, L. (1878). Obrona iedno ci cerkiewney [Defence of the Unity of the Church]. In *Russkaia istoricheskaia biblioteka* (Vol. IV). Saint Petersburg. [In Russian].

Professio fidei catholicae Hypatii Potij, coram Pontifice Clemente PP. VIII facta. 23.12.1595 [Profession of The Catholic Faith Of Hypatius Potius, in the Presence of Pope Clemente PP. 8 facts. 23.12.1595]. (1970). In *Documenta Unionis Berestensis eiusque auctorum. V. 1 (1590–1600)* (№ 143). Rome. [In Russian].

Sartorius, P. (1987). *L'Eglise orthodoxe* [The Orthodox Church]. Paris. [In Russian].

Skarga, P. (1882). O iedności kościoła Bożego pod jednym pasterzem [Unity of the Church of God Under One Shepherd]. In *Russkaia istoricheskaia biblioteka* (Vol. 7). Saint Petersburg. [In Russian].

Skarga P. (1903). Obrona Synodu Brzeskiego. Wilno, 1597 [Defense Of The Synod Of Brest. Vilnius, 1597]. In *Russkaia istoricheskaia biblioteka* (Vol. 19. Pamiatniki polemicheskoi literatury v Zapadnoi Rusi, Book 3). Saint Petersburg. [In Russian].

Susza, J. (1665). *Cursus vitae et certamen martyrii b. Iosaphat Kuncevicii, archiepiscopi Polocensis, episcopi Vitepscensis et Miscislaviensis Ordinis Divi Basilii Magni* [The Course of Life and the Struggle of Martyrdom b. Josaphat Kunevichi, Archbishop Of Polotsk, Bishop Of Vitebsk And Founder Of The Divine Order Of Basil The Great]. Wilno. [In Russian].

About the author:

Oleg Borisovich Nemensky — Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 32-A, Leninsky Prospect, Moscow, Russia, 119334, e-mail: nemenski@yandex.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 04.02.2024; approved after reviewing 11.03.2024; accepted for publication 08.04.2024.

Миф русификации: решение проблемы языка церковной проповеди в постполоцкий период

Аннотация. В статье рассматривается практика произнесения униатским духовенством проповедей на польском языке, утвердившаяся в униатской церкви на белорусских землях к началу XIX века, позиция в решении этого вопроса российских властей и православного духовенства. Серьёзной проблемой, с которой столкнулись в постполоцкий период православные иерархи белорусских епархий, была устоявшаяся ещё с конца XVIII — начала XIX века традиция произнесения проповедей в униатских храмах на польском языке, или «белорусско-польском наречии», как его называли. Раскрываются усилия, которые прикладывали западно-русские православные иерархи для решения языковой проблемы. Делается вывод о том, что именно деятельность Российской Православной Церкви на белорусских землях стоит у истоков рождения современного белорусского народа как неотъемлемой части восточно-христианской цивилизации.

Ключевые слова: Православная Церковь, униатское духовенство, проповедь, латинизация унии, ополячивание, белорусский язык

Для цитирования: Теплова В. А. Миф русификации: решение проблемы языка церковной проповеди в постполоцкий период // Ортодоксия. — 2024. — № 3. — С. 188–201. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-3-188-201

В белорусской и польской историографии прочно утвердилось суждение о Православной Церкви как проводнике русификации населения западнорусских (белорусских) земель. Ей противопоставляется греко-католическая (униатская) церковь как национальная, деятельность которой направлена на развитие белорусской культуры и белорусского языка (Марозава 2014). В то же время в исследовательском поле историков отсутствуют темы, говорящие об обратном: латинизации греко-католической церкви, изменениях в её догматике и обрядах, ставшими необратимыми к началу XIX века. Оценка решений Полоцкого церковного Собора представляется как «знішченне унії». В то же время сохранившиеся источники рисуют иную, более сложную картину событий, связанных с процессами, происходящими в греко-католической церкви (Густова 2009: 195–216).

Серьёзной проблемой, с которой столкнулись в постполоцкий период православные иерархи белорусских епархий, была устоявшаяся ещё с конца XVIII — начала XIX века традиция произнесения проповедей

в униатских храмах на польском языке, или «белорусско-польском наречии», как его называли в народе (Марозава 2002). В семейном быту униатского духовенства также преобладало польское влияние¹. Разговаривать на белорусском языке считалось неприличным, недостойным представителя образованного общества (Миловидов 1900: 41–42). Даже в Холмской епархии в конце XIX века, по словам историка В. Татарова, «...если люди приветствовали друг друга на белорусском, то униатский священник говорил своим прихожанам, что это для него — “нож в сердце”» (Татаров 1879: 239–244; 258–263).

Особенно остро процесс воссоединения шёл в Полоцкой епархии, правящим архиереем которой в 1840 году был назначен епископ Василий (Лужинский)² (Записки 2019). Владыка хорошо знал все особенности вверенной ему епархии: широкое распространение польского языка среди привилегированного сословия, недоброжелательное отношение к православию чиновничества, богатство ксёндзов и унижительная бедность православных священников, величественный вид костёлов и разрушающиеся, ветхие православные храмы, безграмотный простой народ, молящийся на польском языке³.

Епископ понимал, что уничтожить расхождения в совершении обрядов между вновь воссоединёнными и древлеправославными сразу нельзя. Если действовать на паству силой, то можно вызвать возмущение в народе, и тогда католическое духовенство использует его сопротивление для прозелитизма. Полоцкий архиерей считал, что лучший способ религиозно-нравственного воспитания народа — путь постепенного искоренения униатских традиций⁴ и, прежде всего, через обучение детей прихожан в церковноприходских школах. «Самый коренной вопрос в жизни

¹ НИАБ. Ф. 3278. Оп.1. Д. 402. Л. 10. Указы Полоцкой духовной консистории за 1844 год.

² Родился около 1788 года в семье греко-униатского священника с. Старой Рудни Рогачевского уезда Могилёвской губернии. Окончил Белорусскую (Полоцкую) униатскую семинарию. В 1816 году окончил курс Полоцкой иезуитской академии со степенью кандидата философии и поступил на богословский факультет Виленского университета. 6 августа 1819 года рукоположен во священника без пострига. В 1833 году униатский митрополит Иосафат (Булгак) поручил протоиерею Василию (Лужинскому) управлять Полоцкой епархией. С этого времени священник Василий (Лужинский) трудился на поприще воссоединения униатов с православными. В 1834 года хиротонисан во епископа Оршанского, викария Полоцкой епархии. С 1838 года управлял Белорусской униатской епархией. После упразднения Белорусской епархии в 1840 году владыка Василий стал во главе Полоцкой кафедры, в 1841 году был возведён в сан архиепископа. Управлял Полоцкой епархией до 1866 года (Записки Василия (Лужинского) 1885: 10).

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 58. Л. 15. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1862 год.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 35. Л. 67 на об., Л. 68, Л. 68 на об. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1859 год.

белорусского народа, — писал епископ, — это вопрос об открытии сельских училищ при церквях. Беларусь в течение веков подвергалась влиянию иезуитской цивилизации через Полоцкую иезуитскую коллегию. Можно только через школы привести белорусский народ к сознательному пониманию православной веры доблестных своих предков»⁵.

Полоцкий епископ настаивал, чтобы духовенство, преодолевая все препятствия, создавало при церквях школы, которые и должны стать единственным средством наставления прихожан в истинах веры. С 1834 года по его настоянию духовенство Полоцкой епархии приступило к созданию в собственных домах училищ для обучения крестьянских детей⁶. Епископ был уверен, что учащиеся дети, молясь «по-славянски», постепенно обучат молитвам и родителей, пробудят у них интерес к православию. Понимая, что римскую веру поддерживает польская элита, архиепископ Василий обращал внимание на возвращение полоцко-витебскому краю «местного наречия», т. е. разговорного белорусского языка. Поэтому особое внимание полоцкий архиерей уделял произнесению воссоединённым духовенством проповедей и поучений к пастве «на родном языке».

Этому способствовала и политика правительства императора Николая I, направленная на деполонизацию белорусских губерний (Теплова 2004: 35–46). Исходя из представления о воссоединённых территориях как исконно русских, российское правительство одной из своих важнейших задач считало реорганизацию образования на началах, полностью исключаяющих польское и католическое содержание. Одним из результатов этой политики стало формирование Белорусского учебного округа (1829–1850), охватившего своей деятельностью всю этническую территорию белорусских земель, включая Белостокскую область. Дополнительные пункты устава учебного округа объясняли цель его создания — «необходимость обучения юношества в соответствии с особенностями Белоруссии» и предписывали «обучать Закону Божию для каждаго вероисповеданий и местному языку» (Полное собрание законов Российской империи 1829–1830: 271–273). Польский язык был исключён из программ образования. Лишь в западных губерниях округа он изучался как отдельный предмет.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 114. Д. 102. Л. 1. По рапорту Преосвященного Полоцкого о разных обстоятельствах, обративших его внимание при обозрении церквей.

⁶ НИАБ. Ф. 2531. Оп. 1. д. 40. Л. 76. Отчёт Василия, архиепископа Полоцкого и Витебского, о состоянии епархии за 1861 год.

Другим направлением правительственной политики являлось очищение греко-католической церкви от латинизмов. Началом её реализации можно считать указ российского императора от 9 октября 1827 года, который предписывал «принимать в базилианские монастыри униатов, хорошо знающих славянский язык и чин греко-восточного богослужения», а «...при совершении богослужения и прочих священных обрядов не употреблять иного языка, кроме природного, свойственного унии церковно-славянского, в проповедях и в обучении закону Божию духовенство должно применяться к наречию, коим говорят местные жители приходских церквей» (Бобровский 2014: 392). Исследователь унии П. О. Бобровский справедливо полагает: «С приведением в исполнение основных положений Указа 9-го октября о реформе базилианского ордена должна была прекратиться латинизаторская миссия этого латино-польского института в русской униии... с падением ордена, который эксплуатировал унию для своих собственных чисто латинских интересов, русская униия должна была рано или поздно угаснуть, и Русская церковь в западном крае должна была стать вполне русской не только по имени, но и по форме, содержанию и духу» (Бобровский 2014: 391–392). Следует заметить, что этот указ появился до появления записки Иосифа (Семашко) «О положении в России униатской церкви и средствах возратить оную в лоно Церкви Православной», в которой были обозначены конкретные меры, направленные на возвращение униатов в Восточную Церковь.

Своим указом правительство, безусловно, актуализировало проблему языка проповеди, но не решило её. Только 16 декабря 1839 года, уже после проведения Полоцкого церковного Собора, в Св. Синод был направлен новый правительственный указ «О произнесении поучений в западных губерниях России в церквях на простом и понятном языке», которым повелевалось, «...чтобы приходские священники в губерниях: Витебской, Могилёвской, Киевской, Подольской, Волынской, Минской, Виленской, Гродненской и Белостокской по возможности читали в церквях в воскресные и праздничные дни проповеди на простом общепонятном языке или изъясняли в виде бесед катехизис»⁷.

После получения этого указа 24 декабря 1839 года епископ Василий попытался провести его в жизнь. Однако сделать это было совсем не

⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 9. Д. 25 676. Л. 149, фотокопия. О Высочайше утверждённых мерах к устранению в Западных губерниях совращений из православия в римский обряд, о порядке производства дел о совращении и совратителях и о взысканиях и наказаниях их.

просто, поскольку польский язык употреблялся не только на всех уровнях униатской иерархической лестницы, но и среди широких кругов униатского духовенства. Только 21 апреля 1841 года из Полоцкой духовной консистории последовал приказ духовенству «к точному и непремennomу исполнению Высочайшего Его Императорского Величества повеления», в котором содержалось требование: «...1) предписать всем настоятелям монастырей Белорусской епархии указами, дабы они или сами в воскресные и праздничные дни читали проповеди на простом общепонятном языке, или изъясняли в виде бесед пространный Катехизис, о разослании коего подведомственному духовенству сделано 2 уже распоряжения, или избрали к исполнению столь святой обязанности способнейших из подчинённых им иеромонахов, предваряя, что за малейшее упущение или нерадение по сему предмету как сами настоятели, так и избранные ими иеромонахи подвергнутся строгому взысканию. 2) Обязать всех благочинных под величайшею ответственностью по объявлении вверенному смотрению их духовенству упомянутого указа служить причтом для подчинённых священников в точном и неупустительном исполнении воли Высочайшей в оном изображённой, и тщательно наблюдать, дабы всякий священник, способный из благочиния, в воскресные и праздничные дни на простом местном языке удобопонятном изъяснял в виде бесед Пространный катехизис, а прочие кроме изъяснения катехизиса читали проповеди, применив к образу познаний своих прихожан о нерадивых уже и вовсе уклоняющихся от сей святой обязанности священникам донести Консистории для подвержения таковых строгому взысканию и 3) в исполнение вышеозначенного предложения, представляя Его Преосвященству на архипастырское благоусмотрение проект, не благоугодно ли будет Его Преосвященству сделать распоряжение, дабы воспитанники Белорусской Семинарии, окончившие курс наук к вящей пользе Православной Церкви, кроме обыкновенных своих занятий упражнялись в сочинении проповедей и их уяснением пространного катехизиса на простом общепонятном языке»⁸.

22 декабря 1843 года как монашествующему, так и приходскому духовенству Полоцкой епархии последовало новое указание от консистории: «<...> бдительнейше заботиться учением прихожанам молитв и катехизиса на понятном народу языке, и чтобы непременно во все праздничные

⁸ НИАБ. Ф. 2617. Оп. 1. Д. 69. Дело по указам Белорусской греко-униатской, затем Полоцкой православной духовной консисторий о чтении проповедей в праздничные и воскресные дни на понятном для простого народа языке.

дни были в церквях произносимы проповеди или объяснялся на таковом языке, катехизис в роде бесед, под неминуемой ответственностью за нерадение священнослужителей, также настоятелей монастырей и благочинным, на которых возложено неослабное за сим наблюдение, с обязательством испытывать народ и священно-служителей и о успехе или неуспехе доносить Его Высокопреосвященству <...>⁹.

Однако исполнение этого указа в Полоцкой епархии шло чрезвычайно медленно и, по-видимому, встречало препятствия. Даже в 1862 году ректор Полоцкой духовной семинарии архимандрит Анатолий (Станкевич)¹⁰, проводя ревизию церковью Полоцкой епархии по заданию епископа Василия, столкнулся с ситуацией, когда молодые священники, только что окончившие семинарию, предпочитали преподносить слово Божие на польском языке. Ректор вынужден был обратиться к своим воспитанникам с назиданием: «Пусть молодые священники полюбят народный белорусский язык и отрешатся от школьной мудрости. Им надо беседовать с народом на их живом языке, тогда проповедь делается живой и принесёт великую пользу. Слово на неудобопонятном языке способно утомить и охладить слушателей. Пусть не забывают пастыри, что они призваны единственно для руководства пасомых к спасению, и потому должны не только не стыдиться совершенно усваивать себе язык своих прихожан, но и прилагать к этому особое старание, так как это один из вернейших путей к достижению цели их призвания»¹¹.

Та же озабоченность о недостаточном использовании и плохом знании «местного наречия» студентами Витебской семинарии «в разговорах о предметах веры и нравственности»¹² звучит в письме директора духовно-учебного управления при Св. Синоде К. С. Сербиновича к архиепископу Полоцкому и Витебскому Василию (Лужинскому).

Иначе подошёл к исполнению правительственного указа 1839 года будущий митрополит Иосиф (Семашко). В ответ на указ императора о чтении проповедей на простонародном языке тогда епископ Литовский

⁹ НИАБ. Ф. 2617. Оп. 1. Д. 69. Л. 12–13 об. Указ Его Императорского величества Самодержца Всероссийского из Полоцкой Духовной Консистории Присутствующему оной Благочинному Монастырей Архимандриту и Кавалеру Филарету.

¹⁰ Архимандрит Анатолий (Станкевич) в 1861–1865 годах являлся ректором Полоцкой духовной семинарии. По заданию архиепископа Василия (Лужинского) проводил ревизию состояния церковью Полоцкой епархии в 1862 году.

¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 58. Л. 89. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1862 год.

¹² РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 730. Л. 50 об. Письма, архиепископу Полоцкому и Витебскому, (черновик) Сербиновича. 22 октября 1868 года.

дал распоряжение по епархиальной консистории от 13 января 1840 года «О введении по церквям проповедей на простом общепонятном языке, а также бесед из катехизиса» (Из Литовской консистории 1883: 495–496). Однако в пояснении относительно этого распоряжения сообщал, что дать какие-либо подробные наставления по его исполнению местному духовенству невозможно, поскольку на белорусско-литовских территориях населением употребляется множество «разнообразных наречий» (Святейшему Правительствующему Синоду 1883: 496–497). Поэтому митрополит Литовский предлагал: «<...> снабдить священников Литовской епархии образцовыми на русском языке проповедями по предметам, относящимся особенно к кругу приходских поучений, так как большая часть сих священников, получив прежде воспитание в польских училищах, не знают хорошо русского языка и не будут в состоянии в своих поучениях на простонародных тамошних наречиях применяться к общему духу русского языка» (Святейшему Правительствующему Синоду 1883). Образцовые проповеди на русском языке, по мнению митрополита, были необходимы, чтобы, с одной стороны, священники могли использовать незнакомую для них богословскую терминологию, которой в белорусских диалектах не существовало; с другой стороны, митрополит считал необходимым, чтобы воссоединённое духовенство училось говорить на одном языке с пасомыми, опираясь на более развитый родственный язык. Такой подход, думается, был вполне реалистичен и создавал предпосылки для формирования единого литературного русского языка, одним из диалектов которого наряду с великорусским и малорусским являлся, по представлению епископа Иосифа, и белорусский язык.

Процесс возвращения белорусского языка в обиход воссоединённого православного духовенства оказался чрезвычайно сложным. Полоцкому святителю, так же и как митрополиту Литовскому, приходилось не раз через консисторию и благочинных убеждать священников в необходимости использования белорусского языка как языка поучений и проповедей¹³. Только к 70-м годам XIX века это требование исчезает из документов консистории. Тем не менее даже в 1890 году Полоцкий епископ Антонин (Державин), анализируя недостатки в религиозной жизни Витебской епархии, пишет: «Старики, воссоединённые из унии, в большинстве молятся ещё на польском языке, средний возраст, а в особенности молодое

¹³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 58. Л. 89 на об. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1862 год.

поколение, обучавшееся и обучающееся в школах, знают молитвы на славянском»¹⁴.

Таким образом, возвращение церковнославянского языка в практику богослужения и начало применения народных белорусских говоров в проповедях воссоединённого православного духовенства белорусских губерний явилось важным фактором на пути развития этнокультурного самосознания местного населения. Оно способствовало процессу зарождения местной православной интеллигенции с её обострённым чувством прошлого и глубоким интересом к тому историческому пути, который прошло население западнорусских (белорусских) земель на протяжении своего более чем тысячелетнего существования, восстановлению традиций православной культуры (*Slavia orthodoxa*). При этом наряду с использованием местных белорусских диалектов в церковной практике обучение в церковно-приходских школах литературному русскому языку с его научной лексикой и знакомство с художественной литературой создавало возможность продвижения по социальной лестнице для бывших крестьянских детей и детей православного духовенства, способствовало духовному обогащению местного населения лучшими образцами русской и мировой культуры. Есть все основания полагать, что именно деятельность Российской Православной Церкви на белорусских землях стоит у истоков рождения современного белорусского народа как неотъемлемой части восточно-христианской цивилизации. Поэтому активно пропагандируемый миф об униатской церкви как церкви национальной не выдерживает критики. Униатский проект предусматривал постепенное, но неуклонное включение белорусов в польский этнос через распространение польского языка и католицизма. Деятельность православных западнорусских (белорусских) иерархов, направленная против употреблявшегося в проповедях воссоединённым духовенством, получившим образование и воспитание в польских школах, польского языка, вела к укреплению значения языка белорусского. Это опровергает широко распространившееся в последние годы суждение, высказанное ещё В. Ластовским, что униатское духовенство говорило по-белорусски и уния была «запраудной народной верай» (Ластоўскі 1992: 97).

¹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1350. Л. 51 на об. Отчёт о состоянии Полоцкой епархии за 1890 год.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Бобровский П. О. Русская Греко-Униатская церковь в царствование императора Александра I. — Минск : Энциклопедикс, 2014. — 410 с.

Густова Л. А. «Не уповайте на неправду...» (развитие православной богослужбной формы в обряде Греко-католической церкви Речи Посполитой: противоречия и модификации) // Обретение образа: православная белорусская культура в славянском мире. — Минск : Белорусская Православная Церковь, 2009. — С. 195–216.

Записки / Василий (Лужинский), архиепископ Полоцкий ; предисл. В. А. Тепловой. — Минск : Медиал, 2019. — 240 с.: портр.

Записки Василия (Лужинского), архиепископа Полоцкого. — Казань : Изд. Казанской духовной академии, 1885. — 312 с.

Из Литовской консистории, от 13 января за № 34, «О введении по церквям проповедей на простом общепонятном языке, а также бесед из катехизиса» // Записки Иосифа, митрополита Литовского. — Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1883.

Миловидов А. Заслуги графа М. Н. Муравьёва для Православной Церкви в Северо-Западном крае. — Харьков: Тип. Губернского правления, 1900. — 92 с.

Полное собрание законов Российской империи: собрание 2-е : в 55 т. — СПб. : в Типографии II Отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1830–1884. — Т. 4. — 1829–1830.

Святейшему Правительствующему Синоду, от 13 января за № 35, о снабжении священников образцовыми проповедями на русском языке // Записки Иосифа, митрополита Литовского. — Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1883.

Татаров В. Историческое описание Киевецкой церкви Седлецкой губернии Бельского уезда // Холмско-Варшавский епархиальный вестник, издаваемый при Холмско-Варшавской архиерейской кафедре: за 1879 г. — Варшава : Тип. Варшавского учебного округа, 1879.

Теплова В. А. Время Николая I и цивилизационный поворот в судьбе Беларуси // Россия и Беларусь: от века XIX к веку XXI. — Брест : УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина», 2004. — С. 35–46.

Ластоўскі В. Ю. Кароткая гісторыя Беларусі. — Мн. : Універсітэцкае, 1992. — 126 с.: іл.

Марозава С. В. «Сваёй веры ламаць не будзем...»: Супраціў дэўнізацыі ў Беларусі (1780–1839 гады). — Гродна : ЮРС. аПрынт, 2014. — 218 с.

Марозава С. В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гады) — 07.00.02 — аўтарэферат ... доктара гістарычн. Навук. — Мн., 2002 / Нац. Акад. навук Беларусі / Ін-т гісторыі. — 46 с.

Сведения об авторе:

Валентина Анатольевна Теплова — кандидат исторических наук, заведующая кафедрой церковной истории и церковно-практических дисциплин Минской духовной академии, доцент Белорусского государственного университета, 220030, Белоруссия, Минск, ул. Зыбицкая, 27, e-mail: teplova_val@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 23.02.2024; одобрена после рецензирования 27.03.2024; принята к публикации 11.04.2024.

V. A. Teplova

ST. CYRIL TUROVSKY MINSK THEOLOGICAL ACADEMY,
MINSK, BYELORUSSIA

The Myth of Russification: Addressing the Language of Church Preaching in the Post-Polotsk Period

Abstract. The article explores the established practice of Uniate clergy delivering sermons in Polish within the Uniate Church in Belarusian lands at the onset of the 19th century. It also delves into the responses of Russian authorities and Orthodox clergy regarding this matter. A significant challenge encountered by Orthodox hierarchs in Belarusian dioceses during the post-Polotsk era was the custom of delivering sermons in Polish, also known as the “Belarusian-Polish dialect”, within Uniate churches. This tradition had been established since the late 18th to early 19th centuries. The article sheds light on the efforts made by Western Russian Orthodox hierarchs to address the language issue. The conclusion drawn is that the Russian Orthodox Church’s activity in Belarus played a foundational role in the emergence of the modern Belarusian people as an integral part of Eastern Christian civilization.

Keywords: Orthodox Church, Uniate clergy, sermon, Romanization of the Union, polonization, Belarusian language

For citation: Teplova, V. A. (2024). The Myth of Russification: Addressing the Language of Church Preaching in the Post-Polotsk Period. *Orthodoxia*, (3), 188–201. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-3-188-201

REFERENCES:

Bobrovsky, P. O. (2014). *Russkaia Greko-Uniatskaia tserkov' v tsarstvovanie imperatora Aleksandra I* [The Russian Greek Uniate Church in the Reign of Emperor Alexander I]. Minsk : Entsiklopediks. [In Russian].

Gustova, L. A. (2009). “Ne upovajte na nepravdu...” (razvitiie pravoslavnoi bogoslužebnoi formy v obriade Greko-katolicheskoi tserkvi Rechi Pospolitoi: protivorechiia i modifikatsii) [“Don't Put your Trust in the Untruth...” (the Development of the Orthodox Theological Form in the Rite of the Greek Catholic Church of the Polish-Lithuanian Commonwealth: Contradictions and Modifications)]. In *Obretenie obraza: pravoslavnaia belorusskaia kul'tura v slavianskom mire* (pp. 195–216). Minsk : Belorusskaia Pravoslavnaia Tserkov', 2009. [In Russian].

Zapiski [Notes]. (2019). Minsk : Medial. [In Russian].

Zapiski Vasiliia (Luzhinskogo), arkhiepiskopa Polotskogo [Notes by Vasily (Luzhinsky), Archbishop of Polotsk]. (1885). Kazan : Izd. Kazanskoi dukhovnoi akademii. [In Russian].

Iz Litovskoi konsistorii, ot 13 ianvaria za № 34, “O vvedenii po tserkvi-am propovedei na prostom obshcheponiatnom iazyke, a takzhe besed iz katekhizisa” [From the Lithuanian Consistory, Dated January 13, No. 34, “On the Introduction of Sermons in a Simple, Generally Understandable Language to the Church, as Well as Conversations from the Catechism”]. (1883). In *Zapiski Iosifa, mitropolita Litovskogo* (Vol. 3). Saint Petersburg : Tip. Akad. nauk. [In Russian].

Milovidov, A. (1900). *Zaslugi grafa M. N. Muraveva dlia Pravoslavnoi Tserkvi v Severo-Zapadnom krae* [The Merits of Count M. N. Muravyov for the Orthodox Church in the North-Western Region]. Kharkiv : Tip. Gubernskogo pravleniia. [In Russian].

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii: sobranie 2-e : v 55 t. [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire : 2nd Collection: in 55 Volumes] (Vol. 4). (1829–1830). Saint Petersburg : v Tipografii II Otdeleniia Sobstvennoi e. i. v. kantseliarii. [In Russian].

Sviateishemu Pravitel'stvuiushchemu Sinodu, ot 13 ianvaria za № 35, o snabzhenii sviashchennikov obraztsovymi propovediami na russkom iazyke [To the Holy Governing Synod, Dated January 13, No. 35, on the Supply of Priests with Exemplary Sermons in Russian]. (1883). In *Zapiski Iosifa, mitropolita Litovskogo* (Vol. 3). Saint Petersburg : Tip. Akad. nauk. [In Russian].

Tatarov, V. Istoricheskoe opisanie Kievetskoï tserkvi Sedletskoi gubernii Bel'skogo uezda [Historical Description of the Kiev Church of the Sedletsky District of the Olonets Province]. (1879). In *Kholmско-Varshavskii eparkhial'nyi vestnik, izdavaemyi pri Kholmско-Varshavskoi arkhieieiskoi kafedre: za 1879 gg.* Varshava : Tip. Varshavskogo uchebnogo okruga. [In Russian].

Teplova, V. A. (2004). Vremia Nikolaia I i tsivilizatsionnyi povorot v sud'be Belarusi [The time of Nicholas I and the Civilizational Turn in the Fate of Belarus]. In *Rossii i Belarus': ot veka XIX k veku XXI* (pp. 35–46). Brest : UO "Brestsky gosudarstvennyi universitet im. A. S. Pushkina". [In Russian].

Lastouski, V. Iu. (1992). *Karotkaia gistoryia Belarusi* [A Brief History of Belarus]. Minsk : Universitetskoe. [In Belarusian].

Marozava, S. V. (2014). "Svaei very lamats' ne budzem...": Supratsiŭ deŭnizatsyi ŭ Belarusi (1780–1839 gady) ["We Will Not Break Our Faith...": Resistance to Devonization in Belarus (1780-1839)]. Grodna : IurS. aPrynt. [In Belarusian].

Marozava, S. V. (2002). *Uniiatskaia tsarkva ŭ etnakul'turnym razvitstsi Belarusi (1596–1839 gady)* [The Uniate Church in the Ethnocultural Development of Belarus (1596-1839)] [Abstract of the dissertation of Doctor of Historical Sciences. National Academy of Sciences of Belarus. Institute of History]. Minsk. [In Belarusian].

About the author:

Valentina Anatolievna Teplova — Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Church History and Church Practical Disciplines of the Minsk Theological Academy, Associate Professor at the Belarusian State University, 27 Zybetskaya str., Minsk, Byelorussia, 220030, e-mail: teplova_val@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 23.02.2024; approved after reviewing 27.03.2024; accepted for publication 11.04.2024.

СПИСОК НОМЕРОВ «ОРТОДОКСИИ», ВЫШЕДШИХ С 2021 ГОДА

2021

- Ортодоксия. 2021. № 1. Тема номера: «Богословие и выборы»
- Ортодоксия. 2021. № 2. Тема номера: «Православная Белоруссия»
- Ортодоксия. 2021. № 3. Тема номера: «Православие и русский консерватизм в XIX веке»
- Ортодоксия. 2021. № 4. Тема номера: «Православие и русский консерватизм в первой половине XX века»

2022

- Ортодоксия. 2022. № 1. Тема номера: «Американская геополитика и православие»
- Ортодоксия. 2022. № 2. Тема номера: «Традиция и справедливость»
- Ортодоксия. 2022. № 3. Тема номера: «Вызовы неоязычества и Россия»
- Ортодоксия. 2022. № 4. Тема номера: «Русская консервативная мысль советского периода. Часть I»

2023

- Ортодоксия. 2023. № 1. Тема номера: «Русская консервативная мысль советского периода. Часть II»
- Ортодоксия. 2023. № 2. Тема номера: «Православная мысль в Советской России. Часть I»
- Ортодоксия. 2023. № 3. Тема номера: «Русская консервативная мысль советского периода. Часть III»
- Ортодоксия. 2023. № 4. Тема номера: «Православная мысль в Советской России. Часть II»

2024

- Ортодоксия. 2024. № 1. Тема номера: «Патриарх Московский и вся Руси Сергей (Страгородский). Часть I»
- Ортодоксия. 2024. № 2. Тема номера: «Патриарх Московский и вся Руси Сергей (Страгородский). Часть II»